

ВОПРЕКИ ПРЕДСКАЗАНИЮ

Александра Матвеевна

Оглавление

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	7
ГЛАВА 3	9
ГЛАВА 4	14
ГЛАВА 5	15
ГЛАВА 6	19
ГЛАВА 7	22
ГЛАВА 8	27
ГЛАВА 9	28
ГЛАВА 10	31
ГЛАВА 11	32
ГЛАВА 12	35
ГЛАВА 13	39
ГЛАВА 14	42
ГЛАВА 15	42
ГЛАВА 16	47
ГЛАВА 17	49
ГЛАВА 18	51
ГЛАВА 19	52
ГЛАВА 20	57
ГЛАВА 21	60
ГЛАВА 22	64
ГЛАВА 23	65
ГЛАВА 24	66
ГЛАВА 25	68
ГЛАВА 26	70
ГЛАВА 27	75
ГЛАВА 28	77
ГЛАВА 29	79
ГЛАВА 30	80
ГЛАВА 31	83
ГЛАВА 32	88
ГЛАВА 33	89
ГЛАВА 34	90

ГЛАВА 35	93
ГЛАВА 36	98
ГЛАВА 37	100
ГЛАВА 38	104
ГЛАВА 39	109
ГЛАВА 40	113
ГЛАВА 41	114
ГЛАВА 42	116
ГЛАВА 43	118
ГЛАВА 44	119
ГЛАВА 45	123
ГЛАВА 46	128
ГЛАВА 47	131
ГЛАВА 48	134
ГЛАВА 49	135
ГЛАВА 50	139
ГЛАВА 51	142
ГЛАВА 52	144
ГЛАВА 53	148
ГЛАВА 54	150
ГЛАВА 55	152
ГЛАВА 56	152
ГЛАВА 57	156
ГЛАВА 58	158
ГЛАВА 59	159
ГЛАВА 60	161
ГЛАВА 61	164
ГЛАВА 62	166
ГЛАВА 63	167
ГЛАВА 64	170
ГЛАВА 65	172
ГЛАВА 66	185
ГЛАВА 67	186
ГЛАВА 68	187

ПРОЛОГ

В полночь Улита отперла дверь крохотной комнаты на чердаке. Вдыхая сохранившийся запах благовоний, подошла к черной свече и сложила над ней ладони ковшиком. Вспыхнувшее оранжевое пламя осветило узкую комнату с изображением Бафомета на стене и разложенными на алтаре ритуальными принадлежностями. Колдунья зажгла еще одну белую свечу и, поставив ее перед алтарем, взяла в руки бронзовый колокольчик. Вращаясь против часовой стрелки и звоня во все стороны света, Улита с трепетом произносила знакомые слова:

Во имя Сатаны, Правителя Земли и Царя Мира,

Я призываю силы Тьмы поделиться Адской Мощью со мной!

Да откроются шире врата Ада и выйдут обитатели бездны,

Чтобы приветствовать меня – свою сестру и друга!

Люди – всего лишь серые мыши, с которыми под покровом тьмы можно сделать все, что угодно. Уютно свернувшись в своих постелях-норках, ничего не подозревающие жертвы становятся совершенно беззащитными во время сна. В ее власти навлечь на них проклятье, если они осмелятся встать на пути.

Почувствовав нужный настрой, Улита остановилась и подошла к квадратному столику. Разложила карты Таро крестом и низко наклонилась, не обращая внимания на седые пряди длинных волос, упавшие на лицо.

«Проклятие!» – прошептала старуха, уставившись на карты. Появление будущего правителя Огненного братства под угрозой. Неразумная девчонка влюбилась и собралась замуж за другого. Согласно нумерологии и расположению звезд, именно она в ночь на Ивана Купала, должна родить мальчика, которому суждено закончить борьбу между светлыми и темными силами. Старуха собрала потрепанные карты в колоду и с неудовольствием оглядела свое маленькое убежище. Здесь ритуал черной мессы не был так волнителен, как в Огненном братстве, когда на алтаре заброшенной церкви лежала голая женщина и пили человеческую кровь. Ей доставляло наслаждение видеть иступленные лица людей, верующих в культ Ивана Купала. Всей душой колдунья желала возрождения Огненного братства. И если его предводитель не выйдет из своего укрытия, она займет его место. И в этом ей поможет малыш, который должен родиться, несмотря на возникшие обстоятельства.

ГЛАВА 1

Сердце Нины тревожно сжалось, когда она заметила входящую в их калитку Улиту. Зловещая фигура соседки в черном балахоне и черной косынке со спускающимися на плечи седыми кудрями ничего хорошего не предвещала.

Чувствуя неприятную дрожь в коленях и желая оказаться подальше отсюда, девушка вышла навстречу и поздоровалась.

– Мать дома? – спросила скрипучим голосом Улита, глядя в упор на Нину.

– На работе. – У Нины появилась надежда, что гостья пожаловала вовсе не к ней.

– И хорошо, что ты одна, – осклабилась старуха. – Поговорить надо. Ну что, застыла, как вкопанная? Не научили тебя, что гостей надо в дом приглашать?

Нина еле передвигала ноги за опирающейся на палку старухой. Улита уселась на деревянной скамье за обеденным столом, и какое-то время пристально изучала открытое лицо девушки своими черными глазами.

– Будете чай, Улита Петровна? – попыталась быть гостеприимной Нина.

– Некогда мне с тобой чай распивать, – отрезала Улита. – Ты лучше присядь и расскажи, что у вас с Васькой моим случилось.

Девушка вздохнула, ей не хотелось снова говорить на эту тему. Ведь, кажется, она уже все объяснила бывшему жениху. Зачем же он мать послал?

– Улита Петровна, – осторожно начала она, старательно подбирая слова, – вы же знаете, я к Василию хорошо отношусь, но мы с ним такие разные.

– Что, значит, разные? Одинаковых людей не бывает. Скажи лучше, что мой сын недостаточно хорош, чтобы стать твоим мужем. Тебе надобно жениха образованного. Так Васька тоже книжки любит читать. Ну а в институт не пошел, чтобы побыстрее на ноги встать. Замуж хотел тебя взять.

Нина вздохнула и решилась: уж лучше сказать правду, а там будь, что будет

– Я не могу выйти замуж за Василия, потому что полюбила другого.

Некоторое время Улита сидела молча, рассматривая упрямую девчонку. Да что же привлекает к ней парней? Красотой на ее взгляд девушка не отличалась: светлые соломенные волосы, голубые глаза с белесыми ресницами, мелкие черты лица. Да и фигура оставляла желать лучшего: длинная, худая. Улите бы больше понравилась невестка под стать сыну: черноволосая, с карими глазами и пышными формами. А эта Нинка... И надо ведь, что, кроме Васьки она еще кому-то понадобилась.

Но ничего не поделаешь, разве можно спорить с небесными светилами и лунным календарем? Только эта девица и Василий могут зачать ребенка, которому суждено родиться в ночь на седьмое июля. И да случится так, как написано в книге судьбы!

– Что, значит, полюбила другого, если обещала выйти за моего сына? Или забыла? – резко спросила Улита.

– Нет, не забыла, – Нина нервно крутила на пальце подаренное бывшим женихом серебряное колечко, которое до сих пор не сняла. С Василием они на самом деле собирались пожениться, но Николай перевернул ее жизнь, заставив предать первую любовь.

– Ты хотя бы понимаешь, что делаешь? – не унималась старуха. – На Василия смотреть страшно. Весь почернел, как убивается. Вы со школы вместе, он тебя за невесту считал.

– Но я... – Нина растерянно смотрела на Улиту. Девушка до сих пор хорошо относилась к Василию и сожалела о случившемся. Но что можно сделать, если пришла нежданная любовь и все ее мысли о Николае? – Извините, я виновата, –

не выдержав взгляда собеседницы, Нина потупилась, не желая ничего не объяснять.

– Конечно, виновата, – ухватилась за ее слова Улита. – Давай-ка, глупостей не делай, возвращайся к Василию и забудем обо всем.

– Но я не могу. Мы с Николаем уже готовимся к свадьбе.

– Чего-чего ты сказала? К свадьбе готовитесь?! – в голосе Улиты слышалась плохо сдерживаемая ярость, и Нина вздрогнула. – Не бывать этой свадьбы и вместе вам не жить! Это уж я тебе обещаю! – Глаза Улиты сверкнули. Девушка почувствовала, как по спине пробежался холодок. В их поселке Улиту считают колдуньей. Знакомые Нину предупреждали, чтобы подальше держалась от странной семейки. Да только ни мама ее, ни она сама, Улиты не боялись.

Никто не знал, откуда появились в Тучково Улита и Василий. Дом долгое время стоял заброшенный, чернея выбитыми окнами, участок зарос крапивой, а потом вдруг появились эти двое: пожилая, скорее напоминавшая бабушку, нежели мать, женщина в черной одежде и красивый парень с цыганской внешностью.

– Да что вы такое говорите?! Это же моя жизнь, и вы не можете меня насильно заставить! – возмутилась Нина.

Улита усмехнулась про себя. «Плохо же ты меня знаешь, девочка. Расстроить свадьбу не составит и труда для потомственной колдуньи. Ты будешь делать то, для чего родилась».

– Придется сдержать клятву, – твердо сказала Улита. – Василий в ногах у меня валялся, просил приворот сделать, чтобы тебя вернуть, но я прежде решила с тобой поговорить. По-хорошему.

– Я не могу отменить свадьбу!

– Еще как можешь, милая, – проговорила Улита, сверкнув хищной улыбкой, и добавила уже мягче. – Придется отменить, милая! Василий уже и дом построил, чтобы ты хозяйкой в нем была.

– Не мучайте меня! – взмолилась Нина, выскочив из-за стола, чуть не опрокинув чашку чая, к которой даже не притронулась. Девушка прижалась лбом к оконному стеклу, чувствуя, что сейчас расплечется.

Внимание Улиты привлекла лежащая на подоконнике Нинина расческа, на которой осталось несколько длинных светлых волосков. Воспользовавшись тем, что девушка отвернулась, старуха быстро сунула расческу в карман.

«Можешь сколько угодно упрямиться, – подумала Улита, – а я помогу сбыться предсказанию». Она с трудом поднялась со стула и, прихрамывая на правую ногу, тоже подошла к окну. Нина почувствовала, что от соседки исходит что-то недоброе. Она не могла больше находиться с ней рядом, словно пространство вокруг них стало черным и гнилым. Пальцы Улиты впились в плечо, она развернула девушку к себе, чтобы посмотреть ей в глаза. Увидев лицо старухи, Нина содрогнулась.

– Имей в виду, я тебя предупредила! Ты горько пожалеешь, если не вернешься к Василию.

Когда Улита ушла, Нина опустилась на скамейку. Что, если проклятая старуха и на самом деле наколдует какие-нибудь несчастья? Расстроит свадьбу с Николаем? Или какую-нибудь болезнь найдет?

Не надо поддаваться панике. Улита просто хотела ее припугнуть. Она же мать и переживает за сына. Нина почувствовала, как защемило сердце. Ведь она давала клятву, что будет с Василием.

В тот день они сидели на берегу озера. Вечер был особенно хорош: сосны, освещенные вечерним солнцем, отражались в воде. Нина и Василий болтали о каких-то пустяках, его рука привычно лежала на ее плече. Неожиданно парень развернул девушку к себе, заглядывая в глаза.

– Пообещай мне, что всегда будешь со мной.

Нина удивленно посмотрела в его красивое лицо с упрямо сжатыми четко очерченными губами.

– Что на тебя нашло? – она попыталась освободиться, но его пальцы только крепче сжали плечо. – Пусти, больно ведь.

– Ты сначала пообещай, а потом отпущу. Я люблю тебя, ты же знаешь. Не могу жить без тебя и хочу, чтобы мы всегда были вместе.

– Я тоже тебя люблю, – прошептала Нина, искренне веря в свои слова.

Да и как можно было не любить его, если он был самым красивым парнем в поселке? Черные глаза полыхали огнем, а темные кудри спускались до плеч, обрамляя смуглое лицо. На полголовы выше всех ребят в школе.

– Поклянись, что мы никогда не расстанемся, – настаивал Василий, крепко держа Нину за плечи.

– Я не люблю клятв. Мало ли, что может случиться: жизнь такая длинная. Ты сам можешь разлюбить меня.

– Я буду любить тебя всю жизнь. Ты предназначена мне судьбой. Мне мать на тебя в карты гадала.

– Вот не знала, что ты веришь этой чепухе, – рассмеялась Нина.

– Это не чепуха. У нее все сбывается. Поклянись, что всегда моей будешь, а то попрошу мать на тебя приворот сделать. Я сон сегодня видел, ты ушла от меня к другому. Я не могу без тебя. Поклянись, что всегда будешь со мной, и я буду ждать сколько нужно.

– Глупенький, не все же сны сбываются, – Нина погладила его по кудрявым волосам.

– Поклянись, если ты на самом деле любишь меня.

Нина вздрогнула, словно наяву услышала, его хриплый просящий голос. И ведь тогда она действительно уступила его напору. И теперь клятва сидела занозой в сердце, напоминая о первой любви. Но первая любовь не обязательно заканчивается свадьбой, утешала себя Нина. Когда-нибудь Василий забудет ее с другой девушкой, и Улита угомонится.

ГЛАВА 2

После бессонной ночи Сатанов расположился в шезлонге на балконе, уныло глядя на сверкающее от солнца море. Прекрасная погода совершенно не радовала. Иван опять не выспался, слабость во всем теле и тяжелая голова мешали думать. Он лениво потянулся к стакану с виски и, сделав глоток, поморщился.

Когда на Сатанова завели уголовное дело, ему удалось скрыться в тихом приморском местечке со странным названием «Мамедова щель», где он жил шесть лет под чужим именем. Этого времени оказалось достаточно, чтобы все здесь возненавидеть. Даже море. И особенно этот стоящий на горе двухэтажный дом, хорошо обставленный и по-своему уютный. Иногда до безумия хотелось наплевать на все и вернуться. Собрать бывших членов Огненного братства и вновь окунуться в ту атмосферу, где его считали богом. Увидеть иступленные лица людей, ощутить сладкое упоение властью.

Десять лет назад он организовал Огненное братство, поклонявшееся культу Ивана Купало. Идея зародилась, когда, отдыхая в деревне, он участвовал в одноименном празднике. Парни прыгали через костры, девушки в венках из желто-голубых цветов водили хороводы. В полночь соломенные чучела Купало и Марьи сожгли, и все пошло нагишом купаться. Праздник так понравился Сатанову, что он решил использовать легенду для создания своего общества. Тем более что, седьмое июля – день его рождения.

Легенда гласила, что Бог, разозлившись на Ивана и Марию за кровосмесительную связь, превратил их в цветок. Сатанов усмотрел в этом связь с изгнанием Адама из Эдемского сада. В обоих случаях виноваты были женщины. Все зло в мире происходит от этих проклятых созданий, использующих свою красоту, чтобы ввергнуть мужчин в ад. И Сатанов наказывал их, принося в жертву маленьких девочек.

Обладая талантом вести за собой людей и перечитав множество книг по психологии, Сатанов научился нажимать на кнопки, заставляя купальцев работать для его обогащения. Выхода из Огненного братства не было. Непослушных и роптавших ждало наказание.

Иван снова потянулся к стакану. «Какое безумие пить виски с утра», – лениво подумал он. Однако спиртное помогало расслабиться, подавляло появившийся страх. Той ночью предводитель Огненного братства, как это частенько бывало, ворочался с боку на бок, пытаясь заснуть. Зашелестела занавеска, и Иван совершенно отчетливо увидел полупрозрачный, светившийся в темноте силуэт юноши с венком из желто-голубых цветов на голове. Сатанов встряхнул головой, отгоняя видение, но внезапно ощутил резкий запах горелой плоти.

– Кто ты?»

– Разве ты не узнаешь меня?

– Кто ты?

Вместо ответа юноша снял с головы венок и протянул Ивану.

Сатанов увидел сиренево-голубые остроугольные лепестки рядом с желтыми, похожими на слезы, капельками. Тот самый цветок Иван да Мария, символ сочетания воды и огня. В голове у мужчины появилась мысль, что к нему явился призрак самого Ивана Купало, но он тут же одернул себя. Как может случиться, чтобы персонаж из легенды явился в гости?

– Ты правильно мыслишь. Почему бы мне не существовать на самом деле? – Иван не был уверен, что слышал голос. Слова каким-то образом поступали в его мозг.

– Ты тот самый Купало? – спросил мужчина, слегка запинаясь.

– Можешь не сомневаться.

Мысли Сатанова забегали. Но этого же не может быть!? Сказка стала былью? Сам Купало пожаловал в гости? Пить надо прекращать. Галлюцинации начались. Иван закрыл глаза, перевернулся на другой бок, чувствуя, как колотится в груди сердце. «Мне все это кажется, кажется», – внушал он себе.

– Послушай, тезка, не прикидывайся, что ничего не происходит, – вспыхнуло у Сатанова в мозгу. – Я давно наблюдаю за твоим Огненным братством. – Иван скорее почувствовал, чем услышал, что призрак засмеялся. – Ты здорово придумал сделать из меня мученика. Клянусь тебе, я по-настоящему чувствовал себя отомщенным, когда слышал вопли этих жалких созданий, которых ты приносил мне в жертву.

Ледяной ужас охватил сжавшегося в комочек Сатанова. Купало отошел от окна и положил на простыню венок. Иван попытался сбросить его на пол, но рука коснулась лишь гладкой простыни. Все тело сотрясала дрожь. Он совершенно отчетливо видел цветы. Потер глаза. Венок лежал на месте. Нервно выкинул руку вперед и вновь под его пальцами оказался льняной материал. Господи! Да он сходит с ума.

– Не надо так волноваться! Ты не можешь коснуться ни меня, ни венка. Мы не материальны.

– Так ты призрак?

– Мне больше нравится, когда меня называют богом. А бог может принимать любое обличие, когда желает сойти на землю. Но когда-то я был человеком и звали меня так же как и тебя, Иваном. Но потом произошла история, из-за которой я обречен болтаться между небом и землей. И все из-за женщины!

– Ты говоришь о Марье? – спросил пораженный Сатанов.

– Я ненавижу ее за то, что она разрушила мою жизнь! Ты должен продолжать мстить за меня. Огонь все очищает!

Сатанов хотел еще что-то спросить, но запах, сопровождающий Купало, исчез, а на постели, где прежде лежал венок, осталась веточка цветов. Как напоминание. Мужчина включил свет и налил себе целый стакан виски, понимая, что заснуть не сможет. Так и просидел всю ночь в шезлонге на балконе, ожидая пока заря растворит ночное происшествие и вытеснит из головы страх.

ГЛАВА 3

Василий отодвинул от себя тарелку с нетронутым ужином. Ну, не может он заставить себя проглотить ни кусочка. Сегодня, возвращаясь с работы, увидел, как его любимая целуется с другим. Думал, сердце остановится в груди от боли. Как давно они уже давно не встречаются, а легче не становится.

Улита незаметно наблюдала за Василием.

– Было бы из-за кого так убиваться, – бросила она, убирая со стола.

– Я люблю ее! Понимаешь? Люблю! Отдал бы все, что угодно, только бы она вернулась.

– Могу помочь тебе с этим, – как бы, между прочим, заметила Улита, прикидывая в уме, что если Василий будет участвовать в том, что она собиралась сделать сама, будет даже лучше.

– О чем ты говоришь, мать?! – пожал он плечами. – Карты твои врут, ты давно еще говорила, что она со мной будет.

– История еще не закончена, сынок. Будет с тобой твоя Нинка, но для этого ты должен мне помочь. Вечер сегодня как раз подходящий, полнолуние. Самое время, приворот на твою зазнобу сделать. Век с тобой будет.

Молодой человек уже собирался сказать, что не верит в эту чепуху, но вдруг передумал. В конце концов, что он теряет? А вдруг мать и на самом деле поможет? Ведь приходят же к ней за помощью. Встрепенул, чувствуя, как призрачной надеждой согрелось сердце. Нина, Ниночка, ты же моя. Моя единственная. Ты со мной должна быть. Со мной. Уронил голову на руки, сдержал рыдание. Что же ты делаешь со мной, любовь моя?

Ворвался в комнату к матери. Приворот, так приворот. Любой ценой. Только, чтобы моя. Моя!

– Верни мне ее, – выдохнул он на одном дыхании. – Сделаю все, что скажешь.

– Знала, что придешь, – удовлетворенно кивнула старуха. – Вот, возьми, – она достала из ящика две желтые свечи. – Скручивай свечи винтом и повторяй за мной: «Как эти свечи свиты вместе, так и мы с тобой будем свиты», – Улита поставила перед сыном образок и подала коробок спичек. – Повторяй за мной: «Я не свечу зажигаю, а душу и сердце рабы Нины по мне рабу Василию навсегда». И повторяй до тех пор, пока огонь не погаснет.

Василий жег свечи, беззвучно шевеля губами, не обращая внимания на капавший на руки горячий воск. Улита, сидевшая напротив, наблюдала за сыном, мысленно повторяя его слова, чтобы придать им больше силы.

– Ну что ж, хорошо, – удовлетворенно заметила она, когда свечи потухли. – Давай еще кое-что сделаем для верности. – Улита взяла расческу, которую прихватила у Нины, и осторожно сняла с нее три длинных светлых волоса. – Выдерни-ка мне пять твоих волос.

– А откуда у тебя Нинины волосы? – подивился Василий.

– Была тут у них и взяла ее расческу. Знала, что пригодится. На, держи, – она протянула ему три волоса. – Соедини со своими, брось в огонь и повтори: «Господи, сожги огнем духа святого наши почки и наше сердце. Аминь!»

Василий сделал, как говорила мать, но потом, не удержавшись, спросил:

– Мать, ну на счет сердца понятно, а почки-то тут причем?

– Слова заговоров не обсуждаются, они вырабатываются столетиями и передаются из поколения в поколения, – резко сказала Улита. – Твое дело верить, что все сбудется.

– А что мне еще остается? Только верить, – согласился Василий, чувствуя, как разжались когтистые лапы боли. Временная передышка.

На следующий день Нина проснулась поздно. Голова болела, тело ломило. Хотелось снова зарыться в подушку и провалиться в сон. Повалявшись немного, заставила себя встать и, выпив кофе, есть совершенно не хотелось, даже подташнивало, принялась за домашние дела.

Но все валилось из рук: разлила ведро воды на пол, вытирая пыль, разбила мамину любимую вазу. Было жаль вазы и досадно за свою неловкость. Кое-как закончив уборку, девушка прилегла на диван и включила телевизор. Но, поймав себя на мысли, что не слушает, о чем идет речь в передаче, снова встала и бесцельно слонялась по дому, не понимая причины своей тоски. Ничего плохого

не произошло. Василий никак не шел из головы и это раздражало. Промучившись полдня, надела куртку и вышла на улицу, не зная куда пойти. Долго блуждала по тихим улицам, пока не оказалась на озере. Светило солнце, на площадке резвилась детвора. Опустившись на скамейку, почувствовала, как по лицу потекли слезы. И как раз в этот момент откуда-то появился Василий, сел рядом и обнял ее. Противиться она не могла, не могла даже пошевелиться. Ей вдруг почудилось, что вернулось прошлое, им снова по четырнадцать лет. Нина положила голову ему на плечо. Он ласково перебирал ее длинные волосы, иногда целуя то в висок, то в щеку. Девушка не сопротивлялась, ей даже были приятны эти поцелуи.

– Откуда ты здесь? – спросила она.

– Возвращался со станции и увидел тебя, – соврал Василий. На самом деле, заметив, что Нина вышла из дома, отправился за ней.

«Надо же, а все произошло, как мать говорила», – парень смотрел на Нину, доверчиво прикорнувшую к его плечу. Была она сегодня необычайно бледна, и это делало ее светлую красоту особенно хрупкой. Юноша нежно коснулся губами щеки и вдохнул такой родной запах.

– Что-то мне сегодня так плохо, – жалобно проговорила она. – А ты пришел, мне легче стало.

– Это потому что я люблю тебя и всегда буду любить.

Посидев немного, пошли в сторону дома. Василий положил руку девушке на плечо, она не возражала, даже крепче прижалась. Ноги совсем не слушались, тело ломило.

Перед калиткой Нина остановилась.

– Спасибо, что проводил.

– Я пойду с тобой. Ты плохо себя чувствуешь.

– Не надо я лягу пораньше. Не надо было мне выходить на улицу.

– Я просто рядом посижу и все. Пожалуйста, – продолжал настаивать Василий.

Нина покачала головой и быстро пошла по тропинке к дому. Калитка стукнула за ее спиной.

Василий побрел к себе. Улита Петровна раскладывала карты, сидя на своем излюбленном месте у окна.

– Ну что, твоя Нинка? – спросила она, поднимая глаза. Впервые за долгое время на лице сына появилась надежда, даже не сама надежда, а только некий отсвет ее, который смягчил жесткие черты его лица.

– Она такая странная. Словно из нее душу вынули.

Улита улыбнулась.

– Сегодня первый день. Мы слишком много энергии у нее забрали, вот она и вялая. С каждым днем ей будет лучше и лучше. Но душевная тоска будет проходить, только когда ты будешь рядом. Не будь дураком, иди сегодня к ней и возьми, что ты давно хотел. После того, как она с тобой переспит, замуж за своего Николая не сможет выйти. Она совестливая.

– Мать, ну ты что?! Я же не могу ее силой взять.

– Какой силой, чудак? Вся ее энергия теперь в тебе. Она и сопротивляться не будет. Послушай мать и будет тебе счастье.

Дождавшись, когда свет в спальне Нины погаснет, Василий, весь дрожа от нетерпения, отправился к домику Веселовых. Неужели сегодня, наконец, все случится? С тех пор, как они расстались, юноша не пропускал мимо ни одной девчонки в поселке, но это не доставляло ему удовольствия. Каждый раз, закрывая глаза во время близости, представлял Нину. Когда огонь желания угасал, чувствовал себя, словно изменил ей.

Карманным ножом Василий аккуратно открыл нехитрый замок входной двери и остановился у порога, прислушиваясь. Осторожно снял кроссовки, чтобы не шуметь. Главное, чтобы она не испугалась. Приоткрыл дверь в спальню и замер, когда скрипнула половица. Нина пошевелилась и что-то пробормотала во сне. На цыпочках подошел к кровати и присел на краешек. Лунный свет из окна падал на незащитное во сне лицо девушки. Длинные волосы, обнимая подушку серебристыми прядями, спускались на плечи.

— Милая моя, — прошептал Василий и, не в силах сдерживаться, поцеловал девушку в теплые со сна губы.

К его удивлению, Нина обвила руками его за шею и прошептала сонным голосом:

— Иди ко мне.

Василий быстро сбросил одежду и забрался под одеяло. Ее тело послушно отдавалось ласкам, а губы возвращали поцелуи. О таком счастье Василий не мог и мечтать. Сколько раз представлял это в мечтах, наяву все оказалось еще волшебнее. Сдерживаться казалось мукой, девушка потянула его на себя. Одновременно сорвавшийся стон наслаждения разбудил Нину. Ей казалось, что она спит. Протянула руку и включила лампу на тумбочке.

— Вася?! — Увидев ее испуганное лицо, Василий напрягся. После того, что было, она не сможет прогнать его. Она же сама его позвала.

— Как ты оказался в моей постели?

— Ты же знаешь, я умею справляться с замками, — пошутил Василий, желавший намекнуть на случай, когда они, воспользовавшись отсутствием Улиты, пробрались в маленький чулан на втором этаже. Тогда он гордился ловкостью своих рук. Пока они не попали внутрь, это казалось приключением. Но узкая, напоминавшая келью, комната потрясла их обоих. Взявшись за руки, ребята застыли перед изображением бафомета на стене. Сладкий запах оставшихся благовоний забивал ноздри. Комната пугала и завораживала.

Именно в тот вечер, Нина впервые обняла его, когда он спросил ее:

— Значит, правду, говорят, что моя мать ведьма.

Девушка так и не ответила. Вместо этого они начали целоваться. Нежность первых поцелуев казалась спасением от увиденного. Сейчас Василию захотелось, чтобы она вспомнила этот случай.

— Неужели мы с тобой... — договорить девушка не могла. От сладости того, что казалось сном, ее охватил стыд.

Василий опустил голову, не в силах прочитать приговор в ее глазах.

— Что же я наделала?! — она зарылась в подушку. Худенькие плечи вздрагивали от рыданий. Василию все еще хотелось вернуться к той Нине, нежной и ласковой, какой она была лишь несколько мгновений назад. Показалось, что если он коснется ее, все вернется. Нерешительно протянул руку.

– Не трогай меня!

– Прости меня. Мне показалось, что ты сама этого хотела. Ты же целовала меня, ты звала меня.

– Замолчи! – Нина натянула одеяло до подбородка. – Сама не знаю, что со мной происходит. Думала, это сон. Как я теперь Коле в глаза посмотрю?

Опомнившись, что они все еще лежат в постели, девушка поспешно встала и накинула халат. Последовав ее примеру, Василий натянул одежду. Сердце его разрывалось от боли. После стольких лет мечтаний и ожиданий он получил ее, но близость не принесла радости. Нина все равно его не любит, несмотря на заговор. Словно прочитав его мысли, девушка спросила:

– Скажи мне правду. Я должна знать, иначе места себе не найду. Улита что-то сделала со мной?

Василий кивнул, опустив на мгновение голову, но тут же вскинул ее и заговорил с горячностью, еле сдерживаясь, чтобы не упасть к ее ногам.

– Пойми же, я больше не мог без тебя! После того, как увидел, как ты целуешься с другим.

– Зачем вы это сделали? Вы же забрали меня! Меня больше нет, моей воли больше нет. Я не принадлежу себе. Мое тело больше не мое, оно не повинуетеся мне, оно повинуетеся тебе. И тебе нужна эта кукла, которой я стала? – У Нины начиналась истерика. – Ну, возьми меня еще раз. Ты же хотел этого? – она сдернула с себя халат и стояла перед ним обнаженная в неярком свете лампы.

– Прости меня. Я спрошу мать, как можно снять приворот. Я не знал, что тебе будет так плохо. Думал, все станет, как раньше. Ведь когда-то ты любила меня.

– Да кто вы такие, чтобы распоряжаться чужими душами? – выкрикнула Нина, вовсе не желая отдаваться воспоминаниям. – Что мне теперь делать? Ведь я не смогу забыть, что принадлежала тебе. Думаешь, Николай мне поверит, если ему рассказать, что твоя мать приворожила меня, и я, думая, что это сон, отдалась другому?

– Если любит, поверит, – мрачно заметил Василий. – Я бы тебя простил, если бы ты не во сне, а на самом деле изменила. Я все бы тебе простил, если бы ты согласилась выйти за меня. Николая этого и кого угодно.

– Убирайся вон! И не смей мне говорить о любви! Если бы ты меня любил, ты бы никогда не сделал это со мной насильно. – Нина отвернулась от него, пытаясь справиться с нахлынувшей дрожью. Заметив это, Василий непроизвольно шагнул ей навстречу и протянул руки. Ужас охватил Нину, как только она поняла, что хочет его объятий. Нет! Это не ее желание, это действие приворота. Схватив халат, она выбежала на веранду, чтобы избежать искушения.

Василий вышел следом, надел брошенные у двери кроссовки. Нина стояла у окна, повернувшись к нему спиной, и смотрела в темноту. Он потоптался на месте, хотел еще что-то сказать, но слова не шли, боль сердца заглушала даже жалость к ее обиженной одинокой фигурке. Она не любит его! Он молча вышел. На улице оглянулся: во всех окнах горел свет. И от этих ярких пятен, Василий почувствовал себя еще хуже: она хотела избавиться от темноты, от того, что произошло с ними под покровом ночи. То, что для него было бесконечной нежностью и любовью, для нее оказалось позором.

ГЛАВА 4

Сатанов лежал на пляже, глядя на набегающие волны. И кто это говорил, что шум моря успокаивает? Монотонное шуршание воды об гальку наводило тоску. Палящее солнце раздражало. Иван устал от жары, от постоянно влажного тела и липнущих к нему вещей, духоты и оголенных тел на пляже. Нескончаемый курортный праздник сводил с ума. Сатанов приятно задремал, устроившись в тени пляжного зонтика. Из сладкого сна вырвал звонкий голосок.

– Мама, можно я пойду купаться?

Опять эти дети! Какого черта их здесь так много? Верещат, брызгаются, капризничают. Сатанов терпеть не мог этих вечно орущих созданий. Казалось, что тебе надо? Радуйся, что привезли на море. Когда он был маленьким, родители никогда не брали его с собой. Оставляли на даче. В отместку мальчик издевался над бабушкой, пока та не отказалась от него. Лагерь он ненавидел еще больше, поэтому придумал развлечение. Вычислял какого-нибудь слабого пацана и подговаривал ребят устроить травлю. Дело обычно заканчивалось тем, что беднягу, которому не было прохода от дразнящих, забирали домой. Сатанов всю жизнь ненавидел слабых. Когда мать лежала в больнице, ни разу не пришел ее навестить. К отцу не явился даже на похороны. Никчемные людишки, которые не смогли дать ни тепла, ни любви. Зачем они ему?

– Мама, ну, когда мы пойдем купаться? – зазвенел рядом голосок.

Иван, подняв голову, увидел девочку лет пяти в розовых трусиках с оборочками, нетерпеливо выплясывающую вокруг мамы, развалившей свое пышное тело на шезлонге.

– Мама, но уже прошло полчаса после обеда, – не унималась девочка.

Сатанов раздраженно сел на лежаке и уставился на малышку. С каким бы удовольствием сжал бы тоненькую шейку, чтобы капризный цыпленок замолчал. И толстуха тоже хороша. С такой фигурой на пляже делать нечего, а эта еще бикини надела. От женщин одно зло! Не зря их на востоке держат закутанными с ног до головы. Сатанов отвернулся к морю и увидел кокетливо идущую вдоль берега блондинку. Девушка высоко поднимала стройные ножки, ловя восхищенные взгляды разморенных от жары мужчин. На ум опять пришла легенда об Иване да Марье. Суть любой женщины в соблазнении. В тот момент, когда мужчиной овладевает зов плоти, она побеждает.

Эх, попадись ты мне, сучонка! Сатанов почувствовал злость. Взял бы ее грубо, чтобы она кричала и просила пощады. Оставил бы синяки на загорелом теле. Одним разом отбил бы желание соблазнять. Сатанов чувствовал в себе непреодолимую потребность наказывать весь женский пол за его существование. Ему казалось, что он рожден именно для этой миссии. Да что они себе позволяют? Женское тело – инструмент для удовлетворения мужских потребностей. И уж ни в коем случае не средство для управления мужчинами. А что сейчас пишут в модных журналах? Это же позор! Он скосил глаза: так и есть толстуха читала «Космополитен». Журнал лежал на полотенце.

– Мама ... – канючила девчушка.

– Лена, отстань! – женщина перевернулась на бок.

Иван снова посмотрел в сторону моря.

Загорелый молодой человек подошел к блондинке. Девушка передернула плечиками и, еще больше вихля бедрами, направилась дальше. Парень застыл, глядя ей в след.

Может, стоит назначить свидание и показать, что миром правят мужчины? В конце концов, ему надоели проститутки. Маленькая девочка, воспользовавшись тем, что мама увлеклась «Космо», побежала одна к морю. Сатанов с интересом наблюдал, что будет дальше. Через некоторое время женщина, лениво перевернувшись, отложила журнал и сняла бретельки бюстгалтера. Прошло несколько минут, прежде чем исчезновение дочери было замечено.

– Лена! Лена! – заорала женщина, – вскакивая с шезлонга и озираясь по сторонам.

– Она пошла купаться, – ехидно заметил Сатанов.

Женщина округлила глаза и, подпрыгивая на раскаленных камнях, побежала к морю, завязывая на ходу бретельки.

Провинившаяся дочь была вытащена из воды и с диким ревом приведена обратно. В ярости мамаша сорвала с нее нарукавники и нашла по попе.

– Ты плохая, плохая! – захлебываясь слезами, Лена топала ножками. – Я хочу купаться. Купаться!

Это было слишком. Сатанов хорошо знал силу своего взгляда. Он устоял на девочку, внушая ей, чтобы она замолчала. Убедившись, что противное создание и не думает смотреть в его сторону, Иван встал с лежака. Присел возле нее на корточки и заглянул в мокрое от слез личико.

– Нельзя плакать, иначе я тебя удушу, – последние слова он произнес шепотом, чтобы не слышала мать. – Вот так! – Он быстро сомкнул руки на шее малышки, чувствуя, пульсацию. Одно движение, всего одно движение, и глупышка обмякнет в его руках и никогда не вырастет во взрослую женщину, не научится проклятому искусству соблазнения. На краткий миг почувствовал себя богом: жизнь этого цыпленка оказалась в его руках: она вполне могла умереть невинной. – Иван быстро огляделся. – Пряж был полупустым.

– Что вы делаете? Отпустите ее! – испуганно закричала женщина.

Иван с сожалением отпустил нежную детскую шейку и усмехнулся.

– Научись ребенка воспитывать, чтобы он никому не мешал. Ты же не будешь больше плакать, Леночка? – он потрепал девочку по голове и, как ни в чем не бывало, направился к морю. Когда вернулся, ни Леночки, ни ее мамы не было. Сатанов удовлетворенно улыбнулся. Сбежали! Жалкие трусливые создания! Как же он их ненавидит!

ГЛАВА 5

Когда Дарья Дмитриевна сошла с автобуса, было уже совсем темно. Завернув на улицу Некрасова, она быстрым шагом приближалась к дому. Высокая мужская фигура выскользнула из их ворот и исчезла в соседней калитке. «Это же Василий. Зачем он приходил так поздно?» – подумала с тревогой Дарья Дмитриевна, ускоряя шаг. Во всем доме горел свет, и это еще больше испугало ее. Как правило,

Нина к ее возвращению уже спала. Дверь на веранду оказалась незапертой. Дочь с распущенными волосами стояла босиком на полу, обняв себя за плечи. Из-под кое-как застегнутого халата виднелось голое тело.

– Доченька, что случилось?

– Ничего, – с трудом выдавила из себя Нина, глубже запахиваясь и отворачиваясь от матери. Дарья Дмитриевна положила руку ей на плечо.

– Я видела Василия. Что у вас произошло?

Нина до сих пор не могла поверить в случившееся. Слезинка медленно скатилась по щеке и она, как маленькая, уткнулась матери в плечо, тихо всхлипывая. Если бы мама пришла позднее, было бы время запереть эту боль глубоко в себя, но сейчас не было никаких сил скрывать правду.

– Да что, что такое? – настаивала Дарья Дмитриевна, уже зная ответ. – Он обидел тебя?

Нина молчала, и это ее молчание казалось страшнее ответа. Дарья Дмитриевна гладила ее по волосам, приговаривая какие-то детские утешения и это вместе с осознанием, что мама уже догадалась, действовало успокаивающе.

– Пойдем в комнату. Здесь холодно, а ты босиком, – предложила мать.

Нина отрицательно покачала головой и опустилась на деревянную скамью возле слишком большого для двоих человек стола. Мысль о том, что ей придется лечь в постель, где она была с Василием, вызвала тошноту. Мать села рядом. Заметив, что Нина дрожит, вскочила и накинула на дочь большой теплый платок. Они долго сидели молча, соприкоснувшись плечами.

– Как это случилось?

– Сначала я думала, что это сон. А когда проснулась... – она закрыла лицо руками. – Не знаю, что теперь делать. Даже не могу сказать, что он взял меня силой. Но хуже всего, что мне было хорошо. Так хорошо, как еще ни разу не было с Николаем. И от этого так стыдно. Так стыдно.

Дарья Дмитриевна вздохнула.

– Ты ни в чем не виновата. Василий давно на тебя глаз положил. Я боялась за тебя, когда вы еще в школе учились.

– Уж лучше бы тогда все и случилось, – горько сказала Нина. – Я ведь не смогу скрыть это от Коли.

– А вот ему как раз и не нужно об этом знать, – решительно сказала мать. – Выходи за него замуж, как собиралась. Если только ты не собираешься вернуться к Василию.

– После того, что он со мной сделал?! Конечно нет. Если только... – Нина схватила мать за руку. – Со мной что-то страшное происходит: я чувствую себя словно к нему привязанной. Когда он рядом: мне хорошо, уходит – будто душу мою забирает. Это из-за этого привороты, который они с Улитой вчера сделали.

– Не верь в это, доченька, не надо, – быстро сказала Дарья Дмитриевна, чувствуя, как сильнее забилося сердце. – Они просто тебя хотят напугать. Никакого колдовства не существует.

– Я тоже так думала. Но сегодня мне так плохо было целый день. Думала, заболела. И еще, мам: я вазу разбила, которую тебе папа подарил. Ты не будешь сердиться?

– Конечно, нет. Даже не думай об этом. А сейчас время позднее. Давай спать ложиться, а утром обо всем поговорим.

– Но я не хочу туда, – замотала головой Нина. – Я боюсь.

Ей казалось, что оказавшись там, где ее взял Василий, она снова будет желать его рук и губ. Как же все это стыдно, гадко. Она же чужая невеста и любит Николая. Но с ним так никогда не было. Она закрыла лицо руками. Почувствовала на своем плече теплую руку матери.

– Поспишь сегодня со мной, как маленькая.

Дарья Дмитриевна уложила дочь на свою широкую постель и ушла на кухню заварить чаю. К тому времени, как чай с мятой был готов, Нина уже спала. Женщина устало опустилась на стул с чашкой в руках. Главное, чтобы Улита с Василием не болтали лишнего. В том, что сегодня случилось, ничего хорошего не было, но Нина забудет это, как только они с Николаем уедут из Тучково. А в том, что им надо уехать, она больше не сомневалась. Не будет здесь Нине жизни с новым мужем. А вот с Улитой надо поговорить, чтобы они оба оставили Нину в покое. Женщина выглянула в окно, в соседском доме горел свет, значит, несмотря на поздний час там не спали. Поднявшись на соседское крыльцо, женщина тихо постучала. Дверь открыла сама Улита в неизменном черном одеянии.

– Явилась, соседка. Да только поздно.

Мать Нины прошла на освещенную тусклой лампочкой веранду и села на стул. Над потолком и в каждом углу висели пучки трав, от которых исходил одуряющий аромат.

– Ты знаешь, что сделал твой Василий с Ниной?

– Что сделано, то сделано, – Улита издала неприятный смешок. – Я здесь не причем, что Василий из всех девок твою дочь выбрал. Мне она никогда особенно не нравилась, но я не вмешивалась. А вот когда мой сыночек начал страдать из-за ее предательства, я это стерпеть не смогла. Теперь она от него ни на шаг. Сама будет за ним бегать. Мои привороты всегда действуют.

– Что ты болтаешь, Улита? – возмутилась Дарья Дмитриевна. – У тебя совсем ума нет, что ли? Как же можно человека неволить?!

– Ну, а что тут такого? Они еще со школы тискались. Васька все ждал, пока она вырастет. А она выросла и другого нашла. Поумнее и образованнее. Ваське заявила, что у них нет ничего общего. Не будет этой свадьбы. Помяни мое слово.

– Улита, оставь Нину в покое. Я ведь могу и засудить Василия за изнасилование, если ты не уgomонишься.

– Какое изнасилование, соседка?! Я сама сегодня видела, как они в обнимку откуда-то возвращались. Вот она ему и назначила свидание ночью. Пока ты на работе. Она еще в школе ему клятву дала. Вот пусть замуж за него и выходит.

Дарья Дмитриевна еле сдерживалась. О какой клятве говорит старуха, они же совсем детьми тогда были.

– Ладно, хватит разговоров! Я пришла предупредить, чтобы вы оставили мою дочь в покое. Она выйдет замуж за Николая и уедет отсюда.

– Замуж! – рассвирепела бабка Улита и костлявой рукой схватила соседку за плечо. – Иди-ка сюда, я тебе покажу кое-что.

Она подвела ее к стене, утыканной гвоздями.

– Что это?

Улита ухмыльнулась, показав желтые зубы.

– Эта ближайшая к твоему дому стена. Я сама с заклятиями вколачивала каждый гвоздь, чтобы вызвать у тебя остановку мочи. Я уберу тебя с дороги и

заставлю твою дочь выйти за Ваську. Их ребенок должен родиться седьмого июля. В книге судеб все расписано.

– Ты сумасшедшая! – прошептала женщина и, почувствовав дурноту, бросилась к двери. Улита захохотала и взяла молоток. – Смотри! Еще один гвоздик, и ты почти в могиле. Я отнимаю твою силу, – затянула старуха, вколачивая гвоздь в стену.

Испуганная женщина выбежала из дома, едва не упав на ступеньках. Всю ночь ее лихорадило, и заснула она только под утро.

Василий ввалился в дом после полуночи. Алкоголь не принес желанного облегчения, и он по-прежнему переживал из-за того, что произошло. Улита была так занята бормотанием каких-то проклятий и забиванием гвоздей, что даже не заметила его прихода. Его лицо перекосилось от ненависти, он подбежал и вырвал молоток из рук матери.

– Что ты делаешь?! Опять колдуешь? Остановись!

Улита взглянула на него: Василий еле держался на ногах.

– Опять напился! Погубит тебя эта Нинка окаянная, – запричитала она.

– Прекрати, мать. Ты лучше послушай, что мы с тобой натворили. Я был у Нины, взял ее, еще сонную, она даже руки протягивала, обнимала меня. Уж не знаю, кого она там себе вообразила на моем месте, наверное, жениха своего, – он поморщился. – Я не могу так, мать. Мне нужна та моя Нинка, которая смеялась и целовала меня по своей воле. Я чувствую себя виноватым. Прошу тебя, сними ты с нее этот приворот. Пусть выходит замуж и будет счастлива.

Улита покачала головой, седые кудри упали на костлявые плечи.

– Приворот снять нельзя, – добавила она, обдав его запахом чеснока. Василий поморщился.

– Да как же так?! Ты не можешь снять приворот, который сама сделала?

– Не могу. Дарья скоро умрет, а у вас с Нинкой будет ребеночек, которого мы все очень ждем.

– Да что ты такое болтаешь?! Не будет у нас никаких детей! – Василий стукнул кулаком по столу. – Не хочу я ее такую! Ты почитай какие-нибудь книги свои, поспрашивай у своих гадалок. Должен же быть обратный ход.

– Раньше надо было думать, а теперь иди лучше спать и не мучай меня. Устала я. – Она посмотрела на банку с гвоздями и улыбнулась: – Вон, сколько сегодня гвоздей забила. Не встанет Дарья больше на твоём пути. Приходила сегодня ночью, судом грозила, если кому скажем, что ты с Нинкой был. Вот кто зазнобу твою с пути сбивает. – Улита злобно улыбнулась. – Нинка Веселова – твоя невеста. Быть вашему сыну повелителем темных сил. Все мы будем ему поклоняться, откроет он такие двери, которые никто не смог до него открыть.

Василия прошиб холодный пот. Мать, верно, умом тронулась. Чушь какую несет. Улита проковыляла к себе, а Василий все еще сидел на веранде, тупо глядя в стену. Потом вдруг вскочил и плоскогубцами начал вытаскивать забитые матерью гвозди.

ГЛАВА 6

Случившееся вновь навалилось на Нину утром, когда она проснулась в широкой кровати матери. Не хотелось вставать, не хотелось жить. Все разом потеряло смысл. Она зачем-то сосчитала оставшиеся дни до свадьбы. Двадцать семь. Меньше месяца. Не будет никакой свадьбы. Придется рассказать, как бы стыдно не было, Коле правду, и пусть держится от нее подальше.

Слабый стон матери прервал мысли, и Нина приподнялась на локте.

– Мамочка, что с тобой?

Дарья Дмитриевна с трудом разлепила веки, чувствуя тупую боль внизу живота. Вспомнилось и то, что случилось с Ниной и ее последующий разговор с Улитой. Безумные глаза соседки, забивающей гвозди в стену и ее заверения, что она скоро умрет. Конечно, все это ерунда. Но почему же тогда ей так плохо? Еще вчера она была совершенно здорова.

– Мам, что ты молчишь?

– Что-то желудок разболелся, – выговорила она пересохшими губами.

– Давай я врача вызову? – Нина обеспокоено смотрела на мать, которая сегодня выглядела больной.

– Я сама врач, – попыталась улыбнуться Дарья Дмитриевна, но у нее вышла лишь гримаса. – Надо перетерпеть. Наверно, съела что-нибудь вчера.

Звонок мобильного телефона прервал их разговор. Определитель показывал имя Николая. Нина поспешно выключила телефон. Поговорят позже, сейчас не до того.

– Это был Николай? – тихо спросила мать.

– Да, – Нина бросила телефон на тумбочку. – Не могу сейчас с ним разговаривать.

– Тебе надо держаться, – тихо проговорила мать. – Найти в себе силы и жить дальше. Нельзя позволить этому событию испортить твою жизнь. Запомни, ты ни в чем не виновата, и Николай не должен ни о чем знать. – Нина, хотя и была не согласна с матерью, решила не спорить.

– Хорошо, мам.

– У тебя, когда сегодня занятия начинаются?

– Я останусь дома, если ты плохо себя чувствуешь. Вдруг тебе что-нибудь понадобится.

– Давай, собирайся. Со мной все будет в порядке. Заодно и лекарство мне купишь в аптеке.

Нина заставила себя одеться, приготовила на завтрак яичницу и принесла матери в постель. Дарья Дмитриевна была так слаба, что смогла проглотить только несколько кусочков.

– Нет аппетита, дочка. Ты оставь, я потом съем.

Нина поняла: мать что-то скрывает.

– Может, мне лучше остаться?

– Не стоит пропускать занятия. Это обычное недомогание. Скоро все пройдет.

Нина взяла сумку и вышла на крыльцо. Внезапная болезнь мамы обеспокоила ее. Она была почти уверена, что Улита имеет к этому отношение. Проходя мимо соседского дома, Нина почувствовала, что ее тянет к Василию, словно они связаны какой-то невидимой нитью. «Да что же это за несчастье», – пробормотала

девушка, ускоряя шаг и отворачиваясь. В институте Нина немного отвлеклась и заставила себя послать сообщение Николаю, что не сможет с ним сегодня встретиться по причине болезни матери. Он написал, что любит и скучает. Обычные ласковые слова больно резанули по сердцу. Он ее любит! А она?! Нина вздохнула. Нет, скрывать случившееся ночью недостойно. Угрызения совести замучают. Василий сказал, что если любит, то простит. Он бы простил. А как поступит Коля? Сможет ли он простить?

Выходя из института после занятий, Нина издалека заметила высокую фигуру жениха с белыми розами. Сердце девушки замерло. Замедлила шаг, думая, не попытаться ли забежать снова в институт. Но Николай уже заметил ее в толпе и размашисто пошел навстречу, смущенно опустив цветы вниз.

– Это сюрприз, – он поцеловал ее в щеку и сунул букет.

– Спасибо, – Нина опустила глаза на розы, опасаясь встретить его открытый и честный взгляд.

Если бы можно было сейчас убежать, ничего не объясняя. Она даже не подозревала в какую муку превратится встреча с женихом.

– Твоя смска показалась мне странной, – он заглянул ей в глаза. – Ты как будто не хотела меня видеть. Обиделась на что-нибудь?

– Конечно, нет. Мне надо в аптеку, – выдавила из себя Нина.

– Хорошо, пойдем, – он взял ее за руку. – Расскажешь по дороге.

– Николай, – девушка заставила себя посмотреть ему в глаза. – Я бы хотела сегодня побыть одна.

– Что-то случилось, да? Вчера ты не отвечала на мои звонки. Сегодня не хочешь меня видеть.

Нина грустно смотрела на своего жениха, понимая, что если сейчас не расскажет правду, потеряет его навсегда. Если расскажет, потеряет тем более. Два варианта с одним исходом.

– Ты прав, лучше покончить с этим сегодня, – решила Нина. – Только это длинная история. Давай где-нибудь посидим.

В кафе, приглядевшись повнимательнее, Николай заметил, как изменилась его невеста. И дело было даже не только в ее бледности, тихом голосе и опущенных вниз глазах. Ему казалось, что какая-то часть жизни ушла из нее. Да что могло произойти за пару дней?

– Ты неважно выглядишь. Плохо себя чувствуешь?

– Нет, все в порядке, – девушка вздохнула. Если бы дело было только в ее физическом состоянии. Сегодня она чувствовала себя лучше, чем накануне, но сердце, то ныло от тоски, то замирало от нехорошего предчувствия.

Когда официантка принесла им по чашке кофе со сливками, Нина сделала маленький глоток и поставила чашку на столик.

– Мне давно нужно было рассказать о том, что я была помолвлена с Василием.

– Нет, – схватил ее за руку Николай. – Я не желаю ничего слушать. Это твое прошлое.

– Если ты действительно хочешь понять, что произошло, тебе придется потерпеть, – Нина мягко освободила руку.

– Ладно, – Николай хмуро кивнул.

Так он узнал о соседях: как они появились в поселке, о его матери, которую сначала приняли за его бабу. Рассказала про дружбу, переросшую в любовь. Про клятву, данную ему на озере.

– Но это же было до меня, – сказал Николай. – В этом нет ничего страшного. Я тоже встречался с девушками. Главное то, что ты чувствуешь к нему сейчас. Если мы поженимся, а ты...

– Мы вряд ли поженимся, Николай, – прервала его Нина, поставив чашку на стол. – Я – это уже не я. Колдовство, в которое я раньше не верила, оказывается существует.

– О чем ты? – Николай смотрел в испуганные глаза невесты.

– Бабка Улита заколдовала меня, – Нина издала нервный смешок, заметив недоверчивый взгляд жениха. – Я бы сама не поверила, пока не испытала это на себе. На меня сделали приворот. И теперь я привязана к Василию.

– Какая-то чепуха, – Николай взял ее руку и почувствовал, что она дрожит. – Они тебя запугали, и ты поверила. Но ты же умная девушка. Все эти привороты – полная чушь.

Нина резко выдернула руку.

– Нет, я чувствую, – она рванула свитер, словно ей стало трудно дышать, – что колдунья отняла мое сердце, мою душу. Я больше не та Нина, которая любила тебя. Мне все безразлично. И это еще не все. – Девушка глубоко вздохнула. – Вчера ночью пришел Василий и... – она замолчала не в силах продолжать.

– Ты хочешь сказать, что вы с ним переспали?

– Да, – Нина не решалась взглянуть в его глаза, боясь увидеть в них презрение. – Я думала, что это сон. А когда проснулась, уже было поздно. Я понимаю, в это трудно поверить, но клянусь, все произошло именно так, как я сказала. Теперь, – решительно сказала она, сдерживаясь изо всех сил, чтобы говорить спокойно, – я считаю, что не имею права выходить за тебя замуж.

– То есть после того, как ты переспала со своим бывшим другом, ты решила к нему вернуться?

– Нет. – Нина помолчала. – Только если...

– Если что?

– Только, если меня заставят.

Последняя фраза и покорный тон невесты поразили Николая так, что он не знал, что и ответить. Воцарилось молчание. Что-то мешало ему встать и уйти. Внутреннее чутье подсказывало, что девушка в опасности, и ей нужна его помощь. Он представил Нину и ее мать в их стареньком доме на краю леса, словно отгороженным от всего мира, домом старухи-колдуньи.

– Да как он мог попасть к тебе, если ты спала?

– Он хорошо справляется с замками, – повторила Нина фразу Василия. И ее вдруг опять окатило горячей волной от нахлынувших от их близости воспоминаний.

– Так он тебя изнасиловал?

– Нет.

– То есть, как нет? Я ничего не понимаю.

Нина залилась краской.

– Я не могу об этом говорить.

Снова молчание, потом тихий голос Нины.

– Мне кажется, Улита наслала на маму порчу.

После вырвавшихся помимо воли слов пришлось упомянуть и про угрозу бабки Улиты расстроить их свадьбу.

– Да что за чертовщина! – воскликнул Николай, почувствовав холодок в груди. – Мы словно попали в средние века. Неужели в нашем современном мире существуют такие глупости?!

– Я тоже раньше смеялась, когда люди в нашей деревне стороной обходили Улиту, но теперь поверила. – Девушка посмотрела на часы. – Мне нужно идти. Я волнуюсь за маму. – Она встала из-за стола и, прежде чем уйти, дотронулась до плеча жениха, продолжавшему сидеть в каком-то оцепенении. – Прости меня.

– Подожди, я пойду с тобой.

ГЛАВА 7

Дарье Дмитриевне было очень худо. Приступы участились, но она хотела дождаться Нину, прежде чем звонить в больницу.

– Слава богу, ты здесь, – еле слышно пробормотала она, увидев дочь.

– Мама, что с тобой? Тебе плохо? Вызвать скорую?

– Потом. Присядь.

Нина уселась на край постели и взяла мать за руку.

– Почему ты не позвонила и не сказала, что тебе так плохо? Я бы тут же примчалась.

Дарья Дмитриевна не стала говорить, что несколько раз набирала ее номер, но телефон оказался выключенным. Да это и было сейчас не важно.

– Доченька, пообещай мне, что если со мной что-нибудь случится, вы с Николаем уедете из Тучково. Здесь вам жизни не будет. Той ночью я разговаривала с Улитой.

– Зачем же ты ходила туда? – воскликнула Нина.

– Испугалась за тебя, хотела ее припугнуть. Но все бесполезно, она по-прежнему хочет, чтобы ты вышла замуж за ее сына. – Дарья Дмитриевна не смогла договорить, новый приступ, сильнее предыдущих, обжег горячей болью. – Женщина прикусила губу, чтобы не кричать, но слабый стон вырвался из ее груди помимо воли.

Нина выскочила на веранду, где ждал Николай.

– Вызывай скорую. Маме плохо.

Дарью Дмитриевну увезли в ту же самую больницу, в которой она работала. Срочная операция удаления мочевого пузыря. Всю ночь Нина и Николай провели в больнице и только утром, когда врач уверил, что опасность миновала, вернулись в опустевший дом.

На следующий день, несмотря на протесты невесты, Николай перевез необходимые ему вещи в дом Веселовых. После неожиданной болезни Дарьи Дмитриевны он боялся оставить Нину одну. Ревность незаметно отошла на задний план, он старался думать только, как поддержать любимую. Когда Нина уснула, долго ворочался без сна, размышляя, как бороться с колдовством. Так

ничего и не придумав, сел в кресло и взял в руки конспекты с лекциями. Внезапно услышал Нинин голос.

– Я иду к тебе, Вася, иду.

Николай вздрогнул. А что, если она и на самом деле любит Василия?

Нина села, ее глаза были приоткрыты, словно она еще спала. Как ни страшно было Николаю, как ни хотелось разбудить девушку, он решил посмотреть, что будет дальше. Девушка сунула ноги в тапочки и вышла из комнаты. Дойдя до входной двери, уверенно повернула два оборота ключа и легко спустилась по ступенькам крыльца. Николай дрожал от ужаса. Конечно, он слышал, что некоторые люди ходят во сне, но в жизни никогда этого не видел. Полный диск луны придавал деревьям зловещие очертания. Вдалеке завывала собака. Нина шла очень уверенно. Остановившись у калитки, легко отодвинула задвижку. Сердце Николая замерло. Девушка вышла и повернула к дому Василия. У соседских ворот, Николай не выдержал и, схватив девушку за плечи, развернул к себе.

– Проснись! Что ты делаешь?

Николай вглядывался в ее лицо, освещенное тусклым фонарем. К его удивлению она обняла его за шею и пробормотала сонным голосом.

– Ты ждал меня? Я пришла.

– Да проснись же ты! – крикнул Николай, испугавшись своего голоса в тишине ночи.

Нина открыла глаза. Проснулась. Обнаружила, что стоит в ночной рубашке у соседских ворот. Осознав, что произошло, уткнулась в плечо Николая и разрыдалась. Молодой человек взял ее на руки и понес в дом. Сквозь тонкую рубашку чувствовал дрожащее тело. Закутав девушку в одеяло, примостился у нее в ногах.

– Почему ты не разбудил меня сразу?

– Я хотел посмотреть, что ты будешь делать.

– Ты мне не поверил?! Хотел, чтобы я снова испытала это унижение, когда ты не осознаешь, что делаешь, да?

– Нет, но я хотел убедиться, что все это происходит действительно во сне. А потом я и сам испугался.

– Ладно, – сразу остыла Нина. – Что я тебя обвиняю? Сама хороша. Выбежала в одной рубашке на улицу. То-то Улита бы обрадовалась. Да что же это творится со мной, а? Я ведь ничего не помню, как встала с постели, как подошла к их дому. Хорошо еще, что ты остановил меня. Ничего подобного со мной раньше не случилось. Мама бы рассказала.

– Прости, что не остановил тебя сразу, но зато теперь мы оба знаем, что это может случиться. И попытаемся с этим справиться. – Николай старательно избегал слова «колдовство», словно оно само по себе обладало какой-то силой, которую можно привлечь, если назвать. – Не бойся ничего, я не оставлю тебя одну. Мы что-нибудь придумаем. А сейчас давай спать.

Он лег рядом с Ниной, не раздеваясь, и обнял ее. Думал, что вовсе не сможет заснуть, однако, провалился в сон мгновенно.

На следующий день Николай купил газету и стал звонить по объявлениям. Цены неприятно удивили. Уже после пятого звонка понял, что эта, так называемая белая и черная магия, стала очередным бизнесом в руках ловких и

находчивых. Все, кому он рассказывал про Нину, говорили, что на его невесту была сделана сильная порча, снять которую потребуются много усилий, а еще больше денег. И это, естественно, без всяких гарантий. Николай призадумался. Денег у них не было. Тогда он пошел в местную библиотеку и набрал разных книг и журналов на нужную тему. Если им никто не может помочь, они будут бороться сами. После этого он зашел за Ниной в больницу. Состояние Дарьи Дмитриевны было по-прежнему тяжелым, и после операции она еще была слишком слаба. Ему удалось уговорить Нину вернуться домой, чтобы немного поспать.

– Пойдем пешком или поедем? – спросил он Нину, изучая расписание автобуса. – Ждать еще двадцать минут.

– Давай подождем. Идти сил нет, – Нина опустилась на скамейку на остановке и только тут заметила пакет с книгами. – Что это у тебя? Учебники?

– Нет. Я решил, что мы должны бороться с твоей соседкой. Но поскольку мы об этом ничего не знаем, набрал книг в библиотеке.

Нина благодарно посмотрела на него.

– Спасибо тебе. Мне это даже не пришло в голову. Давай посмотрим. «Магия черная и белая», «Магия деревенская» и «Ведьмы и колдуны». Какие названия. – Нина открыла одну книгу наугад и восхищенно сказала: – Ого, здесь все есть, смотри: как сделать приворот, как снять порчу. Так мы можем попробовать. Я на все готова, чтобы маму спасти. Трудно поверить, но несколько дней назад она была здорова. И что бы там врачи не говорили, я уверена – это дело рук нашей соседки.

Николай только крепче сжал ее руку:

– Я все сделаю, чтобы ты стала прежней. Я как тебя вчера увидел, – по лицу Нины пробежала тень, но она молчала, – сразу простил. Вся ревность испарилась. Я понял, что той ночью это была не ты.

– Ты меня простил? – неуверенно переспросила она.

– Да.

– И ...никогда больше не будешь вспоминать?

– Нет, никогда. Скажи только последний раз – ты на самом деле не любишь этого Василия?

– Конечно, нет, дурачок, – Нина прислонилась к его плечу.

Когда они уже свернули на свою улицу, из дома вышел Василий и направился к ним навстречу. Нина вздрогнула и почувствовала, что между ними по-прежнему что-то существует. Ее влекло к нему. Хотела пройти мимо, лишь холодно кивнув, но он загородил дорогу.

– Нам нужно поговорить!

– Оставь ее в покое, – вмешался Николай.

– Это очень важно, – настаивал Василий. Нина вдруг почувствовала желание провести рукой по его лицу и убрать упавшие на лоб кудри.

– Иди домой, я сейчас приду, – быстро сказала девушка Николаю. Молодой человек вздохнул и, сделав несколько шагов, остановился, не желая оставлять их наедине.

– Что ты хотел мне сказать? – нахмурилась Нина.

– Я жалею о том, что попросил сделать на тебя приворот. Если бы я только знал, что все пойдет так далеко. Теперь она решила известить твою мать. Вбила в

себе в голову, что она мешает нам быть вместе. Вчера узнал, что она попала в больницу.

Нина в ужасе закричала:

– Хватит! Я ничего не хочу слышать! Оставьте нас в покое!

Услышав последние слова, к ним подскочил Николай.

– Слушай, ты! Еще раз повторяю тебе, чтобы ты оставил в покое мою невесту.

– Не лезь не в свое дело! – огрызнулся Василий и тихо обратился к Нине.

– Я хотел тебя предупредить, что вам лучше уехать.

Дома у Нины началась истерика. Николай заставил выпить ее глоток домашней наливки, которую нашел на полке в шкафу. Позже, немного успокоившись, Нина передала жениху слова Василия. Николай посмотрел в незанавешенное окно, и деревья в саду снова показались ему зловещими, как и в предыдущую ночь. Он вспомнил, что рядом лес, а в лесу... Растревоженное воображение стало рисовать ему ведьм и русалок. Поежился, зажег свет и проверил: заперта ли входная дверь. Нина вопросительно посмотрела на него, и он мысленно отругал себя за малодушие. В конце концов, он здесь для того, чтобы защитить ее.

– Коля, давай твои книги. У нас нет времени. Мы должны остановить колдовство.

Они долго читали, ища средство, как снять порчу. И, наконец, Нина вскрикнула и ткнула пальцем.

– Смотри, кажется, это то, что надо. «Снять рубашку больного, обтереть его этой рубашкой и отнести ее в ближайший лес и там сжечь». Это легко можно сделать. Завтра возьму у мамы рубашку.

Николай посмотрел на девушку: в ее голубых глазах никакого страха, губы упрямо сжаты.

– А ты не боишься? Тут написано, надо быть одной. Или ты хочешь, чтобы я...

– Нет, я все сделаю сама. Будешь ждать меня дома. Ничего со мной не случится. Я в этот лес с детства хожу, каждую тропинку там знаю. Да и не пойду я далеко. Сделаю все на полянке и бегом домой.

Николай задернул шторы.

– Давай спать ложиться. Тебе вставать рано. Вдруг завтра Дарье Дмитриевне будет лучше и не придется ничего делать.

– Хорошо бы. Так хочется, чтобы мама поправилась.

Молодые люди посмотрели друг на друга и опустили глаза, побоявшись прочесть в них то страшное, о чем каждый думал и боялся сказать, словно облеченное в слова оно могло приобрести силу.

ГЛАВА 8

Состояние Дарьи Дмитриевны, несмотря на прогнозы врачей, продолжало ухудшаться, что и подтолкнуло Нину к решающему шагу. Около полуночи они вышли на крыльцо из теплого и уютного дома. Свет из окон отбрасывал причудливые тени на садовые деревья и узенькую дорожку к калитке. Лес стоял

темный и неприветливый, и Николай вспомнил про лешего. Как знать, если уж в соседнем доме живет колдунья, так почему бы и в лесу не обитать одетому в звериную шкуру старику? Молодой человек повернулся к Нине. Она прижимала к груди рубашку Дарьи Дмитриевны и фонарик. Заметил, что руки у нее дрожат.

– Может, все-таки вместе пойдем?

– Не надо, в книге написано, что нельзя даже по дороге ни с кем разговаривать. Давай сделаем все, как положено. Я тысячу раз была в этом лесу и уверена, что там никого нет. Прочитаю заговор, подожгу рубашку и бегом домой, – быстро говорила она, успокаивая то ли его, то ли себя.

Николай вздохнул. Конечно, в этом лесу не водятся дикие звери, и мало кому из деревни придет в голову пойти туда в такое время. Да и леший живет только в сказках. Но все же что-то неосознанно продолжало беспокоить. Он видел каких невероятных усилий Нине стоило казаться спокойной. Вряд ли он мог признаться самому себе, что на самом деле был рад остаться в спасительной близости от дома.

Нина сбежала по крыльцу и вышла за калитку. Около их ворот горел единственный фонарь, дальше простиралась темнота. Осина возле забора жалобно зашелестела листьями. Девушка отошла от дрожащего дерева и оглянулась на освещенные окна дома, чтобы взбодриться. Холод, несмотря на теплую куртку, пронизывал все тело. «Может вернуться», – мелькнуло в голове, но, напомнив себе о больной матери, Нина решительно вошла в лес, держа перед собой фонарик. На темном небе ветер гнал тучи, протяжно выли собаки. Нина остановилась. Казалось, что за каждым деревом может притаиться опасность.

На полянке девушка остановилась. Дальше в лес ни за что не пойдет. Сердце так билось в груди, что она слышала его стук. Несколько раз глубоко вдохнула и выдохнула, чтобы успокоиться. Нельзя дрожать, произнося заговор. Ей нужны силы, чтобы каждое слово заговора подействовало. Почувствовав, что немного успокоилась, начала вполголоса.

«Во имя Отца, и сына, и Святого духа.

Шел Господь по земле; людям помогая, от гроба поднимая. Подними Господь, рабу твою Дарью с одра болезни, смертельной постели, с мук телесных, отверни от смерти, поверни к жизни именем твоим, делом моим. Продли рабе своей Дарье веку земного. Аминь».

Достала коробок спичек из кармана. Мамину рубашку пришлось положить на траву. Присела на корточки. Чиркнула спичкой об коробок, но она тут же погасла. Поспешно достала другую: спичка сломалась, даже успев зажечься. Попробовала снова, прикрывая появившийся огонек ладошками. Несмотря на все усилия, ничего не получалось. Спички гасли прежде, чем она успевала их донести до рубашки. Нина чуть не расплакалась. Исчиркала полкоробка, прежде чем рубашка загорелась. Теперь можно идти домой. Повернувшись, сделала несколько шагов и заметила приближающуюся к ней высокую фигуру. Страх перехватил дыхание, и Нина только смогла тихо пискнуть, направляя фонарь идущему в лицо.

– Что ты делаешь в лесу? – спросил Василий, заслоняя рукой глаза. – Да убери ты фонарь.

Обрадовавшись, что это ее сосед, Нина опустила фонарик.

– Что ты там такое зажгла? Еще пожар устроишь!

Василий прошел мимо. Не выдержав, девушка оглянулась и увидела, как он принялся затаптывать слабый огонек. Нине казалось, что он топчет ногами не горевшую тряпку, а ее мать. С криком «прекрати» она бросилась к нему и оттолкнула, но огонь уже погас. Нина опустилась перед рубашкой на колени и заплакала. Теперь она точно знала, что мама умрет. Она нарушила заговор.

– Нина, что с тобой? Вставай! – он попытался поднять девушку.

– Откуда ты взялся? – закричала она. – Я ненавижу тебя! Ненавижу! Слышишь? Никогда больше не подходи ко мне.

Нина повалилась в траву, собирая голыми руками, обгоревшие клочки рубашки и захлебываясь от слез.

– Мама, мамочка. Не уходи. Не покидай меня.

– Да что с тобой? Оставь это, ты обожжешь руки. Мама поправится, – Василий говорил какие-то слова, чтобы утешить ее. – Тебе не нужно этого делать. Ничего не получится.

– У меня получилось бы, если бы ты не вмешался. Ты что, следишь за мной?

– Я возвращался домой, когда увидел, что ты пошла в лес. Сначала не хотел тебе мешать, но не смог. Не вступай ты на эту дорогу. Ты же не колдунья.

– А что мне делать?! Сидеть и смотреть, как мама умирает. Это был мой последний шанс.

Нина повернулась и пошла прочь из леса. Позади нее шел Василий.

ГЛАВА 8

Николай проснулся. Открыл глаза и увидел, что Нина и Дарья Дмитриевна в халате, накинутом на ночную рубашку, стоят в центре комнаты. Светало. Голос Нины звучал отчетливо, Дарьи Дмитриевны приглушенно, словно издалека. Сиреневая дымка окутывала всю ее фигуру. Прислушался.

– Мамочка, как ты сюда попала? Ты же должна быть в больнице.

– Я пришла проститься с тобой. Мне нужно выполнить поручение отца. Возьми мою шкатулку, где я хранила свои бумаги.

Нина подошла к столу и взяла шкатулку в руки. Следуя указаниям матери, нажала на потайную кнопку, и дно шкатулки послушно выдвинулось, обнаружив тайник внутри. Там, на синем бархате, в приглушенном свете ночника, поблескивала серебряная цепочка с большим крестом.

– Это крест твоего отца, – услышала она голос матери. – Надень его.

Нина повиновалась.

– Теперь я буду спокойна. Прощай!

Нина протянула руку к матери, но кисть повисла в воздухе. Дарья Дмитриевна исчезла.

Николай сел. Что это было? Видение? Взглянул на стоящую посередине комнаты девушку и громко, испугавшись, что она исчезнет, назвал ее по имени.

– Мама приходила. Отдала мне папин крест. – Пальцы девушки, перебирая звенья цепочки, добрались до креста, который она сжала.

– Дарья Дмитриевна была здесь? – на всякий случай переспросил он.

– Да. Ты видел ее?

– Видел.

Резкий звонок мобильного телефона разорвал тишину.

– Примите наши соболезнования. Дарья Дмитриевна скончалась. – Врач говорил что-то еще, но Нина не слышала. Опустила телефон и так и осталась сидеть, не двигаясь.

– Что? – спросил Николай, уже зная ответ.

– Сказали, что мама умерла, – тихо сказала девушка. – Но она же только что была здесь. Она не могла умереть. Я только что с ней разговаривала.

Николай обнял девушку за плечи.

– Бывает, что душа приходит к тем, кого любит, чтобы проститься.

– Не могу поверить, что мамы больше нет. – Нина всхлипнула. Я же только что видела ее своими глазами. И ты видел.

– Да, видел, – подтвердил Николай. – Но она была нереальная. Словно в облаке. А вот крестик, – он дотронулся рукой до ее шеи, белеющей в вырезе ночной рубашки, – здесь, и он настоящий. И это подтверждает то, что твоя мама была здесь на самом деле.

Они еще долго сидели молча. Потрясенные и испуганные. Нина не плакала. Говорила себе, что звонок оказался ошибкой. Нужно дождаться утра, когда можно будет поехать в больницу, чтобы убедиться, что мама жива. Николай понимал, что творится в душе у Нины. Понимал, что она не верит и чуть ли не впервые в жизни боялся рассвета, когда приблизится час горького знания о невосполнимой потере. И он, никого не хоронивший из близких, должен стать единственной поддержкой для любимой. Ему хотелось остановить часы и остаться в темноте, пусть с призрачной, но все же надеждой, что никаких страшных перемен в их жизни не произошло, и Нина, как и прежде, будет спешить домой, потому что мама волнуется и ждет.

ГЛАВА 9

Гроб с телом Дарьи Дмитриевны стоял в гостиной. Нина, просидевшая при свечах всю ночь, чувствовала себя совершенно больной. Слезы облегчения не принесли. Дарью Дмитриевну многие любили, поэтому проститься с ней пришла почти вся деревня. Одним из последних в калитку нерешительно вошел Василий. Николай загородил ему дорогу.

– А ты зачем здесь? – грубовато спросил он. – Я тебя не пущу.

– Мне может запретить только Нина, – мрачно заявил Василий, еле сдерживая желание отодвинуть этого худенького паренька плечом. – Позови ее.

Николай поплелся за Ниной. Уставшая от причитаний соседей и соболезнований, с красными глазами, она разговаривала на веранде с какой-то женщиной. – У Николая сжалось сердце от жалости – такой бледной и худенькой она выглядела в простом черном платье. Он отвел ее в сторону и прошептал:

– Там пришел Василий. Я не хотел его пропускать, но он спрашивает тебя.

Нина выглянула в окно и увидела его высокую фигуру соседа калитки.

– Пусть проходит, – тихо сказала она. – Он не может отвечать за дела своей матери.

Николай махнул Василию рукой и укрылся в глубине сада. Не хотел видеть их встречу с Ниной, боялся, что не сдержится.

С низко опущенной головой Василий переступил порог веранды и сразу увидел Нину. Он смотрел на нее, и ему хотелось сказать, как он сожалеет, что все так произошло, о своей любви, ставшей лишь сильнее, и как больно смотреть на ее жениха, державшегося по-хозяйски в ее доме.

– Ну что ты стоишь? – спросила Нина, глядя на него сухими глазами. – Пойдем. Ты сможешь собственными глазами увидеть, что вы сделали с мамой. – Его лицо исказилось гримасой боли, и она пожалела о своих словах.

Василий остановился у гроба, глядя в осунувшееся лицо Дарьи Дмитриевны. Он мысленно попросил у нее прощения, поцеловал в холодный лоб и, выпрямившись, осмелился поднять глаза на Нину: по ее лицу текли слезы. Если бы он только мог плакать вместе с ней. Он подошел к ней и прошептал «прости». Нина отвернулась, так защемило сердце. На веранде и во дворе толпились люди, собравшиеся, чтобы проводить Дарью Дмитриевну в последний путь.

Крышку гроба подняли. Люди выстроились полукругом. Рядом с Ниной, поддерживая ее под руку, стоял Николай. Никто не обратил внимания на Улиту, которая медленно, опираясь на палку, подошла к самой могиле и, дождавшись тишины, громко начала.

– Я хочу, чтобы все собравшиеся знали, что это она, – Улита ткнула пальцем в Нину, – виновата в том, что мне пришлось наслать порчу на ее мать. И это только начало. Я всех вас накажу, – она обвела взглядом людей в траурных одеждах. Молодая женщина, стоявшая ближе всех, непроизвольно отступила. – Все, что случится в деревне, – продолжила Улита, – произойдет из-за того, что эта девчонка не выполнила своей клятвы. Она еще может все остановить, если вернется к Василию. Она его невеста. И если она этого не сделает, страшное зло обрушится на деревню. – Улита подошла к самому гробу Дарьи Дмитриевны и усмехнулась: – Прощай, Дарья. Упрямая у тебя дочка оказалась. А я ведь ее предупреждала.

Улита пробормотала что-то себе под нос и поковыляла обратно. Нина не могла поднять глаз. Люди молчали, словно загипнотизированные. Несколько человек, не дожидаясь погребения, поспешили к выходу.

Дальнейшее было скомкано. Гроб поспешно забросали землей, на могиле, как положено, поставили крест. Люди потянулись к выходу. Все старались держаться от Нины подальше. Только одна старушка подошла к ней:

– А ты на самом деле подумай о том, что ведьма сказала. Все знают, что ты ходила с ее сынком. Замуж обещала за него выйти. Обещала, скажи?

Нина опустила голову, едва сдерживая слезы, а Николай возмущенно сказал:

– Ну, оставьте же вы ее в покое. Хотя бы сегодня. Имейте же совесть.

– А ты меня, милочка, не совести. Неизвестно откуда ты такой умный взялся. Живете в грехе, не венчаны, не расписаны. После твоего появления в нашей деревне все и началось. Нинка Ваську бросила, а ведьма вон как разозлилась. Я-то знаю, что она все может. А вдруг и в правду найдет беду на честных людей?! Она же колдунья.

После поминок, проводив последнего гостя, Нина горько сказала Николаю:

– Ну вот и все кончилось. Мамы больше нет, и в этом виновата только я.

– Да что ты такое говоришь? Дарья Дмитриевна просто заболела.

– Нет, она была здорова, – Нина упрямо покачала головой. – Она заболела после колдовства. Улита сама сегодня призналась.

– Не надо обвинять себя. От этого станет только хуже. Это просто совпадение.

– Совпадение! – Нина вскочила и заметалась по маленькой комнате. – Сколько же можно этих совпадений! Ты не знаешь, что со мной происходит, – она закрыла глаза и застонала от нахлынувших воспоминаний. – Я не могу справиться с собой. Когда вижу Василия, я чувствую себя привязанной к нему. Трудно объяснить, как это происходит. Тебе нужно бежать от меня.

Николай вздрогнул от неожиданности.

– Почему?

– Я приношу людям несчастье. Улита не остановится, пока я не вернусь к Василию. Сделает все, чтобы убрать тебя с дороги. – Нина взяла руку жениха и поцеловала, глаза лихорадочно блеснули. – Коленька, ты самое лучшее, что было в моей жизни, но я не смогу простить себе, если она и тебе причинит зло.

– Об этом не может быть и речи, я не оставлю тебя.

– Я прошу тебя, Коля. Зачем тебе нужна девушка, которая во сне ходит к соседу?

– Так не может быть вечно. Мы должны найти средство, чтобы снять это заклятие.

– Я уже однажды пробовала стать колдуньей, – горько усмехнулась Нина, убирая за ухо прядь волос, выбившихся из косы. – К сожалению, мы слишком слабы. Даже в этой книге я прочла: нужны определенные способности, чтобы внушать свою волю другим людям. Этому невозможно научиться. Колдуны после смерти передают свое мастерство другим.

– Неужели ей все-таки удалось тебя напугать?

– Это не испуг, это нечто другое. Мы с мамочкой были слишком самонадеянными и наивно считали, что нас это не коснется. Вот и подпустили ее к себе слишком близко. Ведь в нашей деревне, с тех самых пор, как здесь появилась Улита, ее все сторонятся. Беременные женщины переходят на другую сторону дороги. А уж если ее встречают молодые на своем пути к ЗАГСу – знай, что брак распадется. – Николай молчал. Он все еще до конца не мог в это поверить. Двадцать первый век на дворе, мобильные телефоны, цифровое телевидение, а здесь, в этой деревушке, всего в тридцати километрах от столицы, живет ведьма, которую все боятся. Будешь рассказывать – засмеют, скажут, что умом тронулся. А что же тогда здесь происходит? – А еще Улита умеет находить пропавшие вещи. Однажды мама потеряла браслет, свадебный подарок отца. Пожаловалась Улите, и та сказала ей пойти на станцию, где будут продавать этот браслет. Мама не поверила, но на станцию все же сходила. Представляешь, каково было ее удивление, когда все оказалось так, как предсказывала Улита.

– Представляю, – согласился Николай. – Но все это может быть...

– Совпадением, – перебила его Нина. – Нет, Коля, столько совпадений не бывает. Так что тебе лучше уйти.

– Нина, обещай мне ответить честно только на один вопрос? – Николай пытливо заглянул ей в глаза.

- Обещаю. Но только после этого ты уйдешь, ладно?
- Скажи – я мешаю тебе? Может, ты на самом деле решила вернуться к нему?
- он махнул в сторону дома Василия. – Я пойму, если ты вдруг поняла, что так и не смогла его забыть.
- Как ты мог подумать такое?! Конечно, я не вернусь к нему. Ни за что. Если только... – Нина опустила голову.
- Если что?
- Если только смогу быть достаточно сильной, чтобы не дать ей овладеть моей волей, – грустно произнесла девушка. – А теперь уходи. Я должна быть уверена, что старуха не причинит тебе зла.
- Николай встал и подошел к Нине, крепко прижал к себе.
- Я никуда не уйду, сколько ни гони. Я люблю тебя.

ГЛАВА 10

Девушка вскрикнула, когда Сатанов повалил ее на кровать, разрывая легкую ткань сарафана.

– Что ты делаешь?! Отпусти меня! – она замолотила кулачками по его груди.

Он закрыл ей рот поцелуем, возбуждаясь от прикосновения горячего тела. Она замотала головой и снова попыталась сбросить его.

Он ударил ее по лицу. Из разбитой губы потекла кровь, а в глазах, наконец, появился страх. Он обожал эту минуту. Все происходило по любимому сценарию. Он был весел и остроумен, когда подцепил эту сучку на пляже. Ему удалось внушить к себе доверие во время роскошного ужина в уютном ресторанчике в горах. И потом, как обычно, они отправились к нему на такси. Запирая дверь, Сатанов злорадствовал. Конец ухаживаниям. Сейчас он покажет этой безмозглой блондинке, кто здесь хозяин. Вдоволь насытится роскошным телом, оставляя на нем следы. И уж завтра ей не придется щеголять на пляже в бикини, сводя мужиков с ума. Он навсегда отучит эту сучку кокетничать.

Сатанов снова припал к ее рту, ощущая вкус крови и чувствуя, как нарастает возбуждение. Ему нравился этот соленый вкус. Блондинка царапала спину длинными ногтями, сама не понимая, что приводит его этим в экстаз. И все же, ему больше нравится, когда руки связаны. Он быстро поднялся и достал веревку. Девушка закричала, и он снова ее ударил.

– Тихо, – он прижал палец к губам. – Тихо. Если ты будешь вести себя тихо, ты сможешь скоро уйти. Если нет... – он хищно улыбнулся.

– Отпустите меня, прошу, – молила девушка. – Пожалуйста, не бейте меня. Позвольте мне уйти. Я никому не скажу. – Она тщетно пыталась прикрыть разорванной тканью обнаженное тело.

– Не прикрывайся, шлюха, – Иван содрал с нее остатки сарафана. На загорелом теле белели грудки и тонкие полоски, оставшиеся от бикини. – Ведь ты же, шлюха, да?

– Нет! – замотала головой девушка.

– Конечно, шлюха. Я видел, как ты виляла бедрами и кокетничала с мужчинами на пляже. А когда один из них подошел к тебе, ты послала его прочь.

Наслаждаешься, когда из-за тебя теряют голову? Я отомщу тебе за всех, кто страдал по твоей вине. Все зло мира заключено в женщинах.

Глаза девушки расширились от ужаса.

– Почему вы ненавидите женщин? Почему? – вдруг спросила она, желая оттянуть время.

– Почему?

Сатанов на мгновение задумался. На самом деле почему, он всю жизнь ненавидит женщин? Наверно, все началось с матери. Он тянулся к ней, искал любви, а у нее никогда не было времени, чтобы выслушать его маленькие детские страхи и погладить по голове. Тогда еще он любил ласку. Почувствовав злость, он размахнулся и еще раз со всего размаха ударил девушку по лицу.

– Молчать! Вопросы здесь буду задавать я.

Голова блондинки запрокинулась, она потеряла сознание. Сатанов грубо перевернул ее на живот и вошел, разрывая мягкие ткани, пытаясь не дать возбуждению утихнуть. Каждый раз, когда он вспоминал о матери, чувствовал себя маленьким брошенным мальчиком. А он не любил это чувство, очень не любил. И блондинка ответит за свой глупый вопрос. Она сбила его с толку, и он уже не получал удовольствия от ее красивого тела. Но все равно ему нужно выполнить миссию, с которой он пришел в эту жизнь: наказывать женщин.

ГЛАВА 11

Прошло полгода, Нина заставила себя с удвоенной силой взяться за учебу, а в свободное время подрабатывала санитаркой. Работа в той же самой больнице, где когда-то трудилась мама, давала ощущение, что она продолжает ее дело.

После случая на похоронах, местные стали шарахаться от Нины, как от прокаженной. Везде, куда бы она ни приходила, чувствовалось пренебрежение. Школьная подруга Настя перестала с ней разговаривать после того, как рассталась с возлюбленным. Видимо «добрые» люди нашептали ей, что это из-за Нины, которая якобы имеет особую силу очаровывать мужчин. То, что девушка и не сказала пару слов с этим парнем, значения не имело. Николая очень беспокоило отношение тучковцев к Нине. Может, даже больше, чем саму девушку. Она отгородилась от них некой стеной: не вступала в разговоры, не появлялась в местах всевозможных сборищ, а Николай сам стал ходить в магазин и закупать продукты на неделю. Он знал, что за его спиной тоже перешептываются, но его не игнорировали, как Нину, потому что считали, что он такая же жертва ее женских чар, как и Василий. Некоторые, особенно навязчивые, советовали вернуть Нину Василию, словно она была не живым человеком, а какой-то вещью.

Нине так и не удалось перебороть свое влечение к Василию. После той истории, когда она обнаружила, что во сне пришла к соседскому дому, чтобы не искушать судьбу, девушка стала запирает входную дверь и отдавать ключ Николаю. Так ей удавалось обмануть свое подсознание. Не найдя ключа в двери, просыпалась и понимала, что собиралась сделать. Иногда Николай будил ее, услышав шаги. Как-то раз, обнаружив, что она опять пытается выйти из дома, расплакалась от собственного бессилия. Повинуясь какому-то наитию, встала на

колени и начала молиться, прося Бога избавить ее от колдовства. После этого приворот странным образом перестал действовать. Теперь Нина спала спокойно и просыпалась от звонка будильника. Первый раз, когда она поверила в то, что Бог существует.

Наверно, она была слишком занята своими переживаниями, поэтому не сразу заметила, что с Николаем происходит что-то странное. Понаблюдав за ним, обнаружила причину: иногда он разговаривал сам с собой. Первый раз не придала этому значения, но потом, заметив, что это повторяется, решила спросить:

– Коля, что происходит? С кем ты разговариваешь?

Он смутился и покраснел.

– С тобой.

– Как со мной, если я была в саду?

– Я не заметил, что ты вышла, – попытался соврать он, пряча глаза.

Нина сделала вид, что поверила, но как-то раз вернувшись с работы пораньше, услышала его голос. Заглянув в комнату, обнаружила Николая, сидящего на диване перед шахматной доской с расставленными на ней фигурами. Девушка затаилась. Сделав ход, Николай спрашивал у своего невидимого противника, куда тот пойдет и после этого двигал за него фигуру. Иногда отпускал комментарии. Нина долго наблюдала за ним, спрятавшись за дверь. Своего невидимого партнера он называл Вова. Николай был очень увлечен игрой. Один раз он отбросил ладью на диван с такой яростью, что та упала на пол.

Ситуация казалась жуткой. Нина тихо закрыла дверь и вышла в сад. «Что же это такое? Неужели эта история с Улитой так повлияла на Николая? Или – мелькнула в голове страшная мысль – он сходит с ума?» Нужно выяснить, что с ним происходит и постараться помочь. Девушка решительно вошла в дом, сделав вид, что только что вернулась с работы.

– Привет. Как дела?

– Нормально, – Николай даже не повернул головы, глядя на шахматные фигуры.

– Ты играешь в шахматы?! Неужели можно играть за двоих?

– Я разбираю партию из журнала, – соврал он, сжимая в руке деревянного коня.

– И где же в таком случае журнал? – поинтересовалась Нина. Николай смутился еще больше. – Я слышала, как ты разговаривал с кем-то, и я слышу это не первый раз.

– Если я расскажу тебе правду, ты решишь, что я сошел с ума, – он посмотрел на нее измученным взглядом.

– Вовсе нет. Ведь видели же мы с тобой мою маму, когда она приходила, чтобы отдать крест отца. Вполне возможно, ты видишь этого Вову, и он существует.

Николай вскочил так быстро, что зацепил шахматную доску. Фигуры с грохотом рассыпались по полу. Выглядел молодой человек так, словно его уличили в тяжком преступлении.

– Откуда ты знаешь его имя?

– Слышала, как ты его называл.

– И как долго ты наблюдала за мной?

– Несколько минут.

– А потом?

– Потом я испугалась и ушла, чтобы подумать. – Николай молчал, по его обычно открытому лицу прошла тень, между нахмуренных светлых бровей залегла складка. – Я хочу тебе помочь. Кто этот Вова?

– Вова был моим другом, – нехотя начал молодой человек. – Погиб два года назад. Разбился на машине. Мы с ним очень любили играть в шахматы.

Нина облегченно вздохнула. По крайней мере, этот Вова существовал на самом деле, а не был плодом воображения. Но играть с призраком в шахматы? Все это так странно. Как и поведение Николая, который так нервничал, что очевидно, что сам боялся того, что происходит.

– А давно ли это началось?

– Пару недель назад. Сначала мы просто разговаривали, а потом он сказал, что будет приходить ко мне играть в шахматы до тех пор, пока я не выполню его просьбу. – Николай нервно теребил воротник свитера, переживая, как нелепо выглядит перед Ниной, у которой и без него проблем полно.

– И что хочет Вова? – без тени насмешки, очень серьезно спросила Нина.

– Ты будешь считать, что у меня поехала крыша, если я тебе скажу.

Пока Николай смотрел в окно, девушка незаметно огляделась, подумав о том, что этот его невидимый друг может быть еще здесь. Слушает их разговор. Поежилась. В комнате становилось темно, она включила свет.

Николай быстро обернулся.

– Страшно стало? Думаешь, не отправить ли меня в психушку?

– Ты же не отправил меня, когда я по ночам бегала к соседу?

– Тогда мы точно знали, что на тебя был сделан приворот. – Здесь другое, и я боюсь, – Николай сжал голову руками. – Я действительно боюсь сойти с ума. Последнее время Вова приходит каждый день. Рассказывает о себе. Оказывается, он всю жизнь мне завидовал. Был уверен, что я более способный, более сильный, ну и так далее. А он существовал в моей тени. Потом его девушка, на которой он собирался жениться, неожиданно влюбилась в меня. Последняя капля. В тот вечер мы большой компанией отмечали день рождения. Когда вино и сигареты закончились, Вова предложил мне съездить в ближайший магазин на его машине. Я не хотел, чтобы он садился за руль выпившим, но он меня уговорил, пообещав, что поедет аккуратно. Как только мы выехали на шоссе, он сразу выжал педаль газа до пола, и мы понеслись с жуткой скоростью. Я пытался его остановить, но в него словно бес вселился. Он дико хохотал и удивлялся, что во мне находят девушки, если я такой трус. Заметив, что все мои просьбы лишь раззадоривают его, я замолчал и на всякий случай пристегнул ремень безопасности. Это и спасло мне жизнь. Последнее, что помню: мы на огромной скорости летим в фонарный столб. Дальше провал. Очнулся в больнице только к вечеру следующего дня и узнал, что Вовка скончался на месте. Я все два года думал, что он просто не справился с управлением, а сейчас... – Николай замолчал и нерешительно посмотрел на Нину.

– Продолжай, – попросила она.

– Признался, что хотел убить меня. Он нарочно въехал в столб с моей стороны, но скорость была слишком большой, автомобиль развернуло.

– А этот Вова не говорил, что ему от тебя сейчас нужно?

– Да, говорил ерунду, какую-ту, – пожал плечами Николай. – Видите ли, из-за того, что он хотел лишиться меня жизни, он вынужден болтаться возле меня, пока не искупит свою вину. Недавно узнал, что мне грозит опасность и есть только одно средство, чтобы ее избежать.

Николай опустил голову.

– И что же это? – нетерпеливо спросила Нина, ощущая, как руки покрываются мурашками.

– Я должен покреститься, чтобы у меня появился агнел-хранитель. Еще он просит, чтобы после крещения, я помолился за него и поставил свечку за упокой его души. Якобы только тогда он сможет двигаться дальше.

– Но причем здесь шахматы? – спросила Нина.

– Раньше мы часто играли в шахматы на что-нибудь. Ну, например, кто в кафе платит. А недавно мы с ним поспорили, что если я проиграю, то сделаю, как он просит. Если выиграю, то он перестанет приходить ко мне.

– И какой счет в вашей игре?

– Пока ничья.

– Тебе надо выполнить его просьбу, – наконец, сказала Нина. – А вдруг и вправду тебя это уберезет от беды?

– Слушай, а если после крещения ничего не изменится? – он испуганно посмотрел на нее. – Вдруг, я сумасшедший?

– Уверена, что все будет хорошо. Завтра же пойдем с тобой в церковь. Знаешь, у нас появился новый помощник отца Георгия, с которым еще мой отец дружил. Его зовут Алексей. Молодой приятный мужчина, лет на десять старше нас. У него глаза такие потрясающие: ясные и светлые. Я сегодня встретила его вместе с отцом Георгием на станции, он нас познакомил. Не пойму, почему он решил стать священником.

– А твой отец. Я никогда не спрашивал. Отчего он умер?

– Погиб в автомобильной катастрофе. Мама считала, что поскольку она отняла его у Бога, он и забрал его так рано. Он собирался стать священником, а встретив маму, влюбился в нее и передумал.

ГЛАВА 12

На следующий день утром Нина привела Николая в церковь. Отец Георгий был в отъезде, их встретил Алексей. Николай купил серебряный крестик и цепочку. Две старухи из их деревни уставились на Нину и даже перекрестились, словно перед ними появилось видение из преисподней. Нина повернулась к ним спиной и спокойно продолжала беседовать с Алексеем. Проходя мимо них, Нина услышала, как одна из старух, злобно прошептала:

– Невесте дьявола не нужно осквернять святое место.

Алексей, шедший за девушкой, услышал ее слова. Наклонился к старухе и что-то тихо сказал. Нина выбежала из церкви и, сдернув с головы платок, вытерла выступившие слезы.

– Не переживайте, – Алексей взглянул в лицо Нины своими ясными глазами. – Люди не ведают, что творят. Постарайтесь не осуждать их. Отец Георгий рассказал мне вашу историю, и если я мог бы вам чем-то помочь...

– Нет, нет, – быстро сказала Нина. – Со мной все в порядке, я уже научилась справляться с этим. – Мне не следовало сюда приходить.

– Церковь открыта для всех. Вы не должны прятаться.

– Я не прячусь. Просто не понимаю, почему люди верят в предрассудки.

– Держитесь, – Алексей сочувственно посмотрел на Нину. Он искренне жалел ее и понимал, что мало, чем сможет ей помочь. Потребуются длительные беседы с каждым из их деревни, прежде чем отношение к девушке изменится. А пока ее спасение было в ней самой. Отец Георгий рассказывал, что она хорошо держится и даже помогает другим, работая в больнице. Он хотел бы продолжить разговор, но заметил приближающегося к ним Николая. Алексей попрощался с ними и пошел в церковь. Нина смотрела вслед его быстрым шагам и колыхавшимся складкам черной одежды, думая о том, что заставило его выбрать для себя путь церковнослужителя.

– Видели бы мои родители, что я собираюсь сделать, – возбужденно сказал Николай, бережно сжимая крестик. – Они считают, что Бога не существует, и вся эта религия выдумана, чтобы лучше управлять людьми.

– Ты вовсе не должен разделять убеждений своих родителей и сам решить, во что тебе верить, – ответила Нина, беря его под руку.

В ночь перед крещением Николай никак не мог заснуть. Последнее время бессонница стала его частой гостьей. Перед тем, как лечь, десятки раз проверял: заперта ли дверь и задернуты ли плотно занавески. Причем, даже не знал, чего именно боится. «Визиты» покойного друга и колдовство Улиты совершенно выбили парня из колеи. Он чувствовал, как расшатались нервы и вздрагивал от каждого звука, будь то скрип половицы или стук ветки старого жасмина в окно.

Вот и сейчас Николай приподнял голову, напряженно вглядываясь в темноту. Может, показалось? Сунул ноги в тапочки и вышел на веранду, с подозрением оглядывая каждый угол и не решаясь включить свет. Не обнаружив ничего подозрительного, нащупал пачку сигарет и закурил, глядя в окно. Стояла зима, в саду намело много снега. Посмотрел на соседский дом: в окнах Улиты горел слабый, словно от свечи, свет. Он машинально посмотрел на часы. Три часа ночи. Молодой человек накинул куртку и вышел на улицу. Ветер швырнул в лицо колючие снежинки. Николай поежился и сделал несколько шагов по расчищенной тропинке. Подойдя ближе к забору, увидел Улиту, направляющуюся в сторону бани. Николай почувствовал, как сжалось сердце. Он был уверен, что старуха отправилась колдовать, и это ее колдовство направлено против него. Проклятая колдунья хочет сжить его со свету, чтобы ее сынок смог получить Нину. Он поспешно вернулся в дом. Уснуть не удалось до утра.

Николай чувствовал, что через отца Георгия сам Бог принял его под свой кров, и впервые за последнее время испытал чувство покоя и умиротворенности. После крещения поставил свечу за упокой души своего бывшего друга Владимира, искренне простив его. Именно здесь, в церкви, внезапно осознал, что обязательно должен убедить Нину обвенчаться.

Выйдя из церкви, Николай огляделся. Нины еще не было. Присутствовать на крещении она отказалась, что его сильно огорчило. Мир показался ему прекрасным и гармоничным. Он вдохнул полной грудью свежий морозный воздух

и достал из кармана телефон. Набрать номер не успел: увидел спешащую к нему Нину.

– Ну и как все прошло?

– Сегодня лучший день в моей жизни, день моего второго рождения.

– Тогда давай устроим праздник. Если хочешь, можем съездить в город.

– Конечно, хочу, милая. Если бы ты знала, как я сейчас счастлив и спокоен.

Просто уверен, что с этого дня все будет по-другому. И знаешь, что я сделаю, когда приду домой? – Девушка вопросительно посмотрела на него. – Выброшу все книги по черной магии, и мы с тобой больше никогда не будем заниматься колдовством.

– Да, ты отнесся к крещению чересчур серьезно, – шутливо заметила Нина. Возникшая восторженность Николая ей не очень нравилась. Даже казалась неприятной. – Может, ты и крапиву с веранды выбросишь, а то она напоминает мне Улиту?

– Обязательно. Но прошу тебя: ни слова о колдовстве. Улита больше для меня не существует.

Нина еле заметно кивнула. Возникла пауза, во время которой Нина поняла, что будет дальше. Николай попросит ее оформить их отношения. Ей хотелось предотвратить это, она судорожно придумывала, как бы сменить тему, но не успела. Он замедлил шаг, повернулся.

– Нам надо пожениться, – Нина опустила глаза. Это уже было полгода назад. Только тогда все было по-другому. Была весна, он держал в руках красные розы и его голос дрожал от волнения, а в его словах вместо «надо» были «люблю» и «не могу без тебя жить». Потом они строили планы на будущее и мечтали, и она не могла заснуть полночи от счастья. Как все изменилось с тех пор, как ушла из жизни мама. – Я больше не хочу жить в грехе. Пусть отец Георгий обвенчает нас.

– Ах, вот в чем дело, – Нина освободила руку. – Надо же, как быстро ты переменялся. Решил стать настоящим христианином? – в ее голосе прозвучал сарказм, которого Николай, все еще пребывая в возвышенном настроении, даже не заметил.

– А что в этом плохого? Разве лучше жить так, как жили мы?

– Знаешь, Коля, – Нина поправила прядь светлых волос, выбившихся из-под вязаной шапочки. – Если так пойдет дальше, тебе лучше найти другую девушку. Я не собираюсь ходить с тобой по выходным на службу и читать библию.

– Нехорошо так говорить, – поморщился Николай. – Мы с тобой собирались пожениться еще весной.

– Помню, – резко сказала Нина. – И слишком хорошо помню, что было потом. И ты вряд ли когда-нибудь забудешь. А я не собираюсь слушать всю жизнь упреки, что из-за меня ты загубил свою жизнь.

– Я хотя бы раз упрекнул тебя? – обиженно спросил Николай, задетый ее непонятным сопротивлением.

– Пока нет, – Нина пожалела о своих словах. И надо же было ему начать этот разговор сегодня. – Она снова взяла его под руку. – Коля, ты не сердись, я думаю в первую очередь о тебе. Давай оставим все, как есть. Ты сможешь уйти в любой момент. Будет хуже, если мы будем официально женаты. И что от этого изменится? Мы итак живем вместе.

Николай не стал настаивать, но про себя решил, что будет ее уговаривать, пока она не согласится. Он был уверен, что на самом деле, Нина, как и любая девушка, хочет белое платье, свадьбу, гостей.

После крещения Николай переменялся. Начал ходить в церковь по выходным, повесил в доме несколько икон, молился утром и перед сном. У Нины создалось впечатление, что он старался больше убедить себя, чем верил на самом деле. Эта внезапно возникшая вера пугала ее. Он кинулся в религию, как в омут, и это не могло не раздражать.

Случай поговорить об этом скоро представился. Возвращаясь с работы, Нина заметила идущего ей навстречу Алексея.

– Почему вы не приходите в церковь вместе с Николаем?

– Мне некогда, – отмахнулась девушка. – Я учусь и работаю. Мне, вообще, показалось странным, что Николай так изменился, – неожиданно для себя выпалила она, глядя во внимательные и очень добрые глаза священника. Он посмотрел на Нину, и та вдруг почувствовала, что он откуда-то знает, как она несчастна.

– Николаю будет приятно, если как-нибудь вы придете вместе.

– О чем вы говорите?! – Нина горько усмехнулась. – Люди до сих пор показывают на меня пальцем и считают, что я должна вернуться к Василию. На прошлой неделе в поселке опять был пожар. Теперь в магазине. В этом тоже обвиняют меня.

– Я мог бы дать вам совет, – помолчав, сказал он. – Обвенчайтесь с Николаем и разговоры о том, что вы должны выйти замуж за Василия прекратятся. Да и Улита, возможно, начнет подыскивать для своего сына другую невесту.

– Думаете, поможет? – с сомнением спросила Нина, нахмурив светлые брови. Алексей не говорил ни о каком долге или грехе. Он сказал именно о том, о чем она последнее время думала.

– Если, конечно, вы любите Николая и готовы разделить с ним вашу жизнь.

– Люблю ли я его?! – воскликнула Нина. – Вам может показаться странным, но именно любовь удерживает меня от того, чтобы стать его женой.

Священник вопросительно поднял брови, и она быстро продолжила:

– Он страдает из-за того, что здесь происходит, вот и ищет спасения в церкви. Мы живем с ним вместе в гражданском браке. Так, по крайней мере, он волен уйти в любую минуту, когда жизнь со мной станет невыносимой.

– Гражданский брак – это совместное проживание, означающее только то, что каждый из вас готов посвятить друг другу лишь настоящее время, потому что боится принять ответственность за другого человека на всю жизнь. В то время как союз, освященный в церкви, подразумевает, что вы будете вечно делить друг с другом радости и печали. Николай к этому готов, а вы нет. Так что дело в вас.

– Я же объяснила, почему я не хочу этого делать.

– Вы считаете, что так будет лучше для него. Но вы заблуждаетесь. Николай готов быть с вами всю жизнь и хочет получить на то Божье благословение. Почему же вы отказываете ему в этом? Вы считаете, что он заслуживает лучшей доли, чем быть с вами? Но можете ли вы принимать решение за другого человека? Положитесь на волю Божию. Никому не дано испытать больше, чем он в силах

перенести. И почему вы считаете себя такой сильной, что можете справиться со всем и считаете слабым мужчину, который должен защищать вас? И вы еще говорите, что вы его любите? Нет, вы его просто жалеете.

Девушка смутилась. Она никогда не думала об этом в таком ключе.

– В вашем случае обвенчаться особенно важно, – продолжил Алексей. – В евангелии сказано «кого Бог сочетал, того человек не разлучает». А вы тем, что живете с Николаем в гражданском браке, даете лишний повод людям думать, что у вас несерьезные отношения.

Нина опустила голову, размышляя над его словами.

– Не позволяйте темным силам свернуть вас с правильного пути. Только вера в Бога уберезет вас от соблазна.

«Все-таки не удержался от нотаций», – подумала девушка, почувствовав легкое раздражение.

Алексей словно заметив это, поспешил попрощаться, сославшись на то, что ему нужно еще кое-кого навестить. Они простились, но он еще долго видел перед собой ее грустные голубые глаза.

ГЛАВА 13

Разговор с Алексеем поселил сомнения, поэтому однажды, когда Николай снова завел речь о свадьбе, Нина неожиданно для себя ответила согласием. Венчание назначили на седьмое июля.

За день до свадьбы Нина, выходя из дому, столкнулась с Василием. Ее сердце тревожно забилося. Опустив голову, девушка попыталась сделать вид, что не замечает его, но он преградил дорогу.

– Ну, здравствуй, соседка.

Нина быстро взглянула на Василия, заметив, что лицо его осунулось, вокруг глаз залегли тени, кудрявые, давно не стриженные волосы, спускались почти до плеч.

– Что ты хочешь? – резко спросила она, не отвечая на его приветствие.

– Поговорить с тобой, – он заставил себя оторвать взгляд от Нины. Долгое время наблюдал за ней издали, и вот сейчас с грустью заметил, что она похудела. Люди говорили, что она работает в больнице. Если бы он женился на ней, она бы ни в чем не нуждалась. Он хорошо зарабатывал. Только вот зачем ему деньги, если рядом нет ее? Ведь ему самому так мало надо. – Давай пройдем на опушку леса. Или ты боишься меня?

– Я ничего боюсь, – пожала плечами Нина и посмотрела на часы. Через полчаса должен вернуться Николай. Будет неловко, если он узнает, что она прогуливалась с Василием. Девушка остановилась, как только они вошли в лес.

– Говори, у меня мало времени.

– Мать узнала о вашем о венчании и заявила, что сделает все, чтобы этого не было.

– Ты хочешь испугать меня? – с вызовом спросила Нина, чувствуя, как мелко задрожали руки при воспоминании о том, что старуха устроила на маминых похоронах.

– Просто хотел предупредить. Мне больно, что ты страдаешь по моей вине. А я, – он вымученно улыбнулся, – смирился с тем, что ты не будешь моей.

Нина скользнула по нему взглядом и не удержалась:

– Ты нашел мне хорошую замену.

– О чем ты?

– Говорят, что ты много пьешь, и если ты не остановишься, то превратишься в алкоголика.

– Мне все равно, что будет со мной. Спиртное помогает мне забыться. Если не буду пить, сойду с ума. Я узнал, почему мать хочет, чтобы мы поженились.

– И почему?

– Это связано с ребенком, который должен у нас родиться.

– Твоя мать просто сумасшедшая!

– Она одержима своими идеями. Будь осторожна. Мне кажется, мать пойдет на все, чтобы не допустить вашего венчания.

Девушка сорвала ветку с березы и начала нервно обрывать листочки. Что же делать? Вряд ли она сможет объяснить Николаю, что будет лучше перенести венчание в другую церковь. К тому же они уже договорились с отцом Георгием.

– Слишком поздно что-то менять, – бросила она Василию и, повернувшись, почти бегом пообедала к дому. – Передай ей, чтобы держалась от нас подальше.

Нина проснулась от поцелуя.

– С добрым утром, любимая. Пора вставать.

Вся комната была залита ярким солнечным светом. Радостно пели птицы. В распахнутое настежь окно доносился сладкий запах жасмина.

– Ты только посмотри: какой сегодня чудесный день.

Нина сразу вспомнила о предостережении Василия. «Господи, сделай так, чтобы Улита не смогла навредить», – мысленно произнесла она. Ее взгляд упал на свадебное платье. Николай хотел, чтобы она была в белом, и девушка не стала спорить. Хорошо еще, что его удалось отговорить от фаты. Нина еще в задумчивости сидела в постели, когда он снова вошел в комнату.

– Почему ты не встаешь?

– Я смотрю на платье.

– Не могу дождаться, когда ты его наденешь. Ты будешь самой красивой невестой.

Нина еще не была готова, когда перед их воротами остановилась машина, из которой вышли их принаряженные свидетели: Марина, приходившаяся Николаю дальней родственницей, и его друг Андрей. Родители Николая приехать не смогли, а других гостей решили не приглашать.

– Какая ты счастливая, что смогла заставить Николая жениться! – с завистью сказала Марина, когда они остались одни в комнате. – А я никак не могу Андрея уговорить. Он все откладывает, да откладывает.

– Ничего, все еще будет у вас хорошо. Вы столько лет вместе, – поддержала ее Нина.

– Не знаю, может, ты мне раскроешь секрет, как заставить парня жениться.

– Да нет никакого секрета. Николай сам захотел. Я бы могла жить с ним в гражданском браке.

Натянув узкое платье с открытыми плечами, Нина встала перед зеркалом, разглядывая себя.

– По-моему, очень много оборок и слишком затянуто в талии.

– Все замечательно, – вздохнула с сожалением Марина, подходя к зеркалу, глядя на свое отражение. – Если бы у меня была такая фигура, думаю, Андрей бы тоже на мне женился. А я маленькая и толстенькая.

Нина обняла Марину.

– Ты тоже красивая, но по-своему. У тебя выразительные глаза и густые темные волосы. Лично мне всегда нравились маленькие и темненькие, а себе я частенько кажусь бесцветной молю. К тому же, мне нельзя надевать туфли на каблуках, я становлюсь выше многих мужчин.

– Ты не только красивая, но еще и добрая. Наверно, поэтому Николай так изменился, когда стал жить с тобой.

– Что ты имеешь в виду? – Нина повернулась к ней со шпильками в руке.

– Молится, в церковь ходит. Даже венчаться с тобой захотел. Простой свадьбы ему не достаточно.

– Это крещение так на него так повлияло.

– А как ему пришла в голову мысль покреститься?

– Ну, – Нина замялась. – Не уверена, что ты поймешь правильно.

– Почему? – обиделась Марина. – Неужели я такая глупая?

– Конечно, нет, извини. Попробую тебе объяснить. Дело в том, что к Николаю стал приходить дух его умершего друга. Его звали Вова. Однажды, когда Вова еще был жив, они после вечеринки поехали на машине. Да ты должна знать эту историю лучше меня, вы же вместе росли.

– Продолжай, – голос Марины прозвучал непривычно глухо, но Нина, занятая прической, этого не заметила.

– Все кончилось плохо, они врезались в столб. Николай после этого еще долго лежал в больнице, а Вова скончался на месте. И вот Вова, а точнее его дух, стал приходить к Николаю и настаивать, чтобы тот принял крещение и поставил за него свечу. Вроде как, он должен искупить свою вину перед ним. Ты знала этого Вову?

Марина, переменившись в лице, молчала, глядя с ужасом на невесту.

– Ну вот, я тебя напугала, – расстроилась Нина. – Зря я тебе все это рассказала.

– Но, – с трудом начала Марина, – у Коли не было друга Вовы. И аварии никакой не было. Я бы знала об этом.

Нина опустила на стул, из разжавшихся пальцев выпали белые цветы, которыми она украшала прическу. Значит, Николай был тогда прав, когда боялся, что ему это только кажется. Неужели Улите удалось, насылая свои проклятья, повредить его разум?

– Не бери в голову, – опомнилась Марина, поднимая цветы. – Ведь он нормальный, здоровый парень. Всякое бывает, может, почудилось. Ой, какая же я дура! Зачем я тебе это сказала?! Ты теперь думать будешь, что он больной, да?

– Нет, Марина. Просто я ... – она посмотрела на девушку, собираясь что-то спросить, как вдруг услышала шаги и поспешно встала перед зеркалом.

Послышался голос Николая.

– Милая, ты готова? Нам пора ехать.

Нина усилием воли взяла себя в руки и спокойно сказала, что будет готова через пять минут.

ГЛАВА 14

Убедившись, что Василия нет поблизости, Улита достала припрятанный мобильный телефон и набрала номер Сатанова. Услышав, что абонент находится вне зоны действия, выругалась. Какого черта он то и дело отключает телефон?! Неужели не понимает, как трудно ей приходится держать в руках тех немногих членов Огненного братства, которые еще остались, и как иногда ей бывает нужен его совет. Ему уже давно пора возвращаться. Трус несчастный. Все боится расправы. В отличие от других членов секты Улита не испытывала к их верховному правителю никакого благоговения, считая его временным. Ее гораздо больше интересовало то, что должно произойти в будущем, когда седьмого июля на свет должен появиться новый Иван.

Подъехавшая к Нининому дому украшенная шариками и лентами машина, заставила старуху похолодеть от страха. Как? Эти двое по-прежнему собираются в церковь? Колдовство не сработало? Неужели она утратила силу, позволявшую ей повелевать чужими судьбами? Ну, нет уж. На всякий случай, пока не поздно, лучше подстраховаться. Колдунья схватила телефон и набрала другой номер.

– Ты должна это сделать, Вилен. Это приказ, – голос старухи звучал твердо. – Ты давала клятву «Огненному братству».

«Проклятая девчонка, – пробормотала старуха, нажимая на кнопку отбоя, – совсем от рук отбилась. Если Иван не вернется в ближайшее время Огненному братству придет конец».

ГЛАВА 15

Девушек усадили на заднее сидение. В машине громко играла музыка. Проезжая мимо соседского дома, Нина не удержалась и посмотрела в окно. Возле ворот стояла Улита, опирающаяся на палку. Их взгляды встретились.

– Кто эта страшная старуха? – спросила Марина. – Похожа на колдунью.

Охваченная внезапным страхом Нина не смогла ответить. Вспомнилось, что вчера Василий предупреждал, что свадьбы не будет. Зачем она не рассказала все Николаю? Марина оглянулась и в панике схватила Нину за руку.

– Смотрите! Старуха вышла на дорогу и что-то делает. Ой, как это нехорошо.

Нина оглянулась и увидела черную зловещую фигуру с вытянутой вперед рукой. – Андрей, останови машину, – крикнула она в панике.

– Что случилось? – повернулся с переднего сидения Николай.

– Улита не допустит нашего венчания. Она все испортит. Помнишь, что она сделала на похоронах мамы? Давай не поедem в церковь. Я боюсь.

Николай медленно перекрестил Улиту. Марина и Андрей заворожено смотрели за его рукой.

– Все будет хорошо. Я осенил ее крестом. Она больше не сможет нам ничего сделать, – уверенно сказал жених. – Давай, Андрей, поехали.

– Не надо, я боюсь, – Нина вцепилась в рукав Николая.

Андрей нерешительно повернулся к жениху, но тот нервно закричал на него:

– Поехали отсюда! Быстрее!

Андрей нажал на газ с такой поспешностью, что машина рывком двинулась вперед и заглохла.

– Да что такое? Ты водить не умеешь?! – возмутился Николай.

Нина вжалась в спинку сидения и закрыла глаза.

Перепуганная Марина сидела молча. Ее поразила не столько сама старуха, сколько реакция на нее Нины и нервные грубые окрики Николая. Она никогда не видела его таким. Радостное настроение у всех было испорчено. Андрей приглушил музыку.

Церковь была еще закрыта, у входа толпились люди. Тучковцы с изумлением смотрели новобрачных, словно в том, что они собирались обвенчаться, было что-то из ряда вон выходящее. Никто не поздравил Нину, хотя она видела много знакомых. Ей казалось, что если кто-нибудь из толпы скажет неодобрительное слово, она бросится прочь. Ее нервы были натянуты до предела. Люди расступились, образуя узкую дорожку. Их взгляды были настолько колючими, что Нине хотелось крикнуть: «Разве я не имею права быть счастливой?»

Отец Георгий открыл церковь, приветствуя молодых. Они вошли первыми. Тучковцы, перешептываясь, потянулись за маленькой свадебной процессией.

Нина даже не пыталась понять смысл обряда, проводимого отцом Георгием. Ее сердце билось так, словно собиралось выпрыгнуть из груди. Внезапно она почувствовала легкий запах дыма. Подбежавший Алексей что-то прошептал на ухо отцу Георгию, который прервал службу и попросил всех покинуть церковь. Огонь распространялся со стороны алтаря. Испуганные люди, отталкивая друг друга, устремились к выходу. Со всех сторон доносились крики. У входа образовалась давка. Николай растерянно огляделся. Основная масса народа вместе с их свидетелями успела покинуть горящую церковь, кто-то еще толпился у входа. Церковные служащие выносили утварь, снимали иконы. Маленькая старушка в черном платке неистово осеняла себя крестом и причитала. Отец Георгий тщетно пытался снять икону Казанской божьей матери, но она не поддавалась. Николай бросился помогать ему, но едва успел отскочить: сверху упала горящая балка, сбив с ног священника. Дико завопила старушка. Николай с Алексеем вытащили отца Георгия из церкви.

Нина, не обращая внимания на огонь, бросилась к иконе, которую так и не успели снять. Огонь, бушевавший возле алтаря, опалял своим жаром, захватывая все больше и больше пространства. Царапая стену ногтями, невеста никак не могла нащупать крепление. В поисках предмета, который мог ей помочь, она оглянулась и неожиданно увидела вбежавшего Василия.

– Помоги мне! – крикнула Нина.

Василий со всей силой рванул икону со стены и отдал Нине. Прикрывая девушку от огня своей джинсовой курткой, вытолкнул ее из церкви. Как только они оказались на безопасном расстоянии, раздался треск, и купол церкви обрушился.

Люди с ужасом смотрели на Нину, прижимавшую к груди икону, стоящую возле своего бывшего жениха. Прозвучали знакомые слова «невеста дьявола». Положив икону, Нина отступила в сторону, испуганно глядя по сторонам.

– Невеста дьявола, – снова услышала она мужской голос.

– Из-за тебя сгорела наша церковь, – крикнула какая-то старуха в платке.

Рокот толпы начал нарастать, она двинулась к Нине и Василию. Кто-то бросил в нее камень, который больно ударил ее по руке.

– Прекратите!

Василий закрыл девушку собой и яростно оглядел толпу. Его черные глаза сверкали от гнева.

– Прекратите! Что вы делаете?

Она увидела Николая, который расталкивая людей пробирался к ней.

– Брось ее парень! – сказал какой-то мужчина. – Она проклята.

– Из-за нее у нас одни несчастья!

– Пусть возвращается к Ваське.

Николаю, который все это время был возле отца Георгия, наконец, удалось прорваться к ней.

– Все кончено, Коля. – Твой Бог, в которого ты так веришь, против нашей любви. И он это показал. Я возвращаюсь к Василию.

– Нет! – прошептал он, понимая, что сейчас произойдет непоправимое. Вот и настала та минута, которой он так боялся. Эти люди заставят ее принести себя в жертву. Но она же его невеста. Была его невестой. На глазах Николая выступили слезы. – Ты не должна так поступать!

– Я все решила. Довольно смертей и пожаров. Прощай.

Николай отшатнулся. Не было слов, чтобы убедить ее. Низко опустив голову, он повернулся к ней спиной. Люди расступились, пропуская бывшего жениха, и вновь сомкнулась вокруг Нины и Василия, ожидая продолжения зрелища.

– Успокойтесь, люди! – громко сказала Нина. – Невеста дьявола возвращается туда, где она должна быть. Ваши несчастья закончились.

Толпа с изумлением смотрела на девушку. Ее порванное белое свадебное платье было грязным, светлые волосы в беспорядке рассыпались по плечам, но она стояла с поднятой головой. В голубых глазах ни крупинки страха. Она повернулась к Василию.

– Теперь я твоя, если ты этого еще хочешь.

Да разве так он себе это представлял?! Люди, люди, ну почему же вы так жестоки!

– Забирай ее, – слышалось из толпы.

Василий подавил рвавшееся из груди рыдание и взял Нину за руку. Надо скорее увести ее отсюда. Люди расступились, давая им дорогу. Пробираясь через толпу, Нина встретила взглядом с Мариной. Девушка поспешно отвернулась и спряталась за чужую спину. Нина слегка кивнула головой и горько улыбнулась.

ГЛАВА 17

– Как ты думаешь, твоя мать успокоится после того, как убедится в том, что я вернулась к тебе? – спросила Нина после того, как они уже прошли полпути до их

улицы. Василий молчал. – Почему ты не отвечаешь? Не хочешь со мной разговаривать? По-моему, ты должен быть счастлив, что все так вышло.

Василий повернулся к ней, губы дрожали.

– Слушай, уезжай отсюда, а? Ты меня не любишь, а для меня будет только мучением быть с тобой рядом. Уезжай куда-нибудь, где тебя никто не знает и постарайся обо всем забыть.

– Как можно забыть? Теперь я должна отомстить.

– Кажется, сегодня и ты поверила в могущество моей матери. Тебе ведь не пришла в голову мысль, что церковь загорелась по другой причине? Ты сразу подумала о том, что это колдовство моей матери?

– Да, поверила, – тихо согласилась Нина. – Я видела ее утром, когда мы ехали в церковь. Если бы не вы, я была бы счастлива.

– А ведь твой Николай не любит тебя. Он слаб и труслив. Что ты ему там говорила – сам Бог не одобрил наш союз, а он с этим согласился и сбежал. И, вообще, я не понимаю, зачем вы хотели венчаться в церкви?

– Для него это было важно, – мягко сказала Нина. – Он думал, что если мы будем обвенчаны, то Улита отступит.

– Да если бы рухнули все церкви мира, и Бог оказался против моей любви, я бы договорился с дьяволом, но остался бы с любимой.

– Тебя переключило с этой любовью, – сказала раздраженно Нина, осознавая правоту его слов. – Я на самом деле не понимаю, что ты нашел во мне, чего нет в других женщинах?

– А я не могу тебя ни с кем сравнивать, потому что когда сравниваешь, уже не любишь.

– Хватит. Я не желаю этого слушать. Я буду жить с тобой, чтобы успокоить людей и утихомирить твою ненормальную матушку.

ГЛАВА 18

При подходе к дому у Нины заныло сердце. Вспомнилось, каким счастливым выглядел Николай, когда увидел ее в свадебном платье.

Василий остановился у калитки.

– Тебе помочь собрать вещи?

– Оставь меня одну. Не бойся, никуда не денусь.

Она поднялась на крыльцо, повернула ключ в замке и вошла на веранду. Домашняя одежда Николая висела на спинке стула, тапочки стояли у порога. Он никогда не раскидывал вещи. Нина взяла его рубашку, уткнулась лицом, вдыхая родной запах. Все кончено: они никогда не будут вместе.

Нина бродила по комнатам, прощаясь с каждой вещью. Проходя мимо зеркала, обнаружила, что до сих пор в свадебном платье. Теперь оно было грязным, оборки висели клочками, а на руках проступили следы от ожогов и царапины. Зарыдав, Нина повалилась на кровать. Пролежала так достаточно долго, пока не почувствовала, что кто-то коснулся ее плеча, словно утешая.

В серебристой дымке появилась знакомая фигура. Отец был в домашнем коричневом жакете, который вязала мама, и в домашних тапочках. Выглядел точно так же, как она его запомнила. Девушка не знала, слышала ли она слова, или они возникали в ее голове.

– Возвращайся к Василию, он любит тебя. Когда-то вы были вместе, и ваш союз придавал вам сил. Сейчас у вас снова есть шанс соединиться, но ты должна быть внимательна, чтобы он не стал таким же, как Улита.

– Почему Улита хочет, чтобы мы с ним были вместе?

– Из-за вашего будущего ребенка.

– Ребенка? Но я не хочу иметь от него детей.

Фигура отца растаяла в воздухе. Нина села на постели, прижимая руки к вискам. Что это было? Сон? Или отец на самом деле приходил к ней, как мама?

Девушка подошла к столу и взяла фотографию Николая. Долго, прощаясь, смотрела на родное лицо, потом вынула портрет из рамки и подожгла с одного конца. Фотография вспыхнула, слизывая желтым языком знакомые черты. Нина держала ее до тех пор, пока не обожгла пальцы и только потом бросила в стоящую рядом большую пепельницу, наблюдая за превращением в кучку пепла. Мысль, пришедшая вслед за этим действием, напугала, и Нина попыталась отмахнуться, но, поразмыслив, решила, что если она это сделает, к прошлому возврата не будет.

Девушка сбросила свадебное платье и тщательно вымылась. Потом надела чистую футболку, джинсы и сложила всю свою немногочисленную одежду в дорожную сумку, прихватив альбом с детскими фотографиями. Найдя в сарае канистру с бензином, разлила ее по дому, после чего подожгла клочок бумаги и бросила его в бензиновую лужицу на полу. Огонь сразу занялся, весело принимаясь за нейлоновые занавески. Нина вышла из дома и уселась возле забора на траву, наблюдая за огнем, яростно пожирающим ее единственный дом. Она так увлеклась своими воспоминаниями, что даже не слышала шагов.

– Зачем ты это сделала?

– Прощаюсь со своим прошлым.

– Ты сумасшедшая, – возле губ Василия залегли горькие складки. – Если хочешь, я построю на этом месте новый дом. Гораздо лучше прежнего.

– Не надо. Я хочу приходить сюда и смотреть. Это придаст сил для борьбы.

– Тебе вовсе не обязательно оставаться со мной. Ты можешь уехать. Уехать, где тебя никто не знает, и начать жизнь заново. Мы ничем не связаны.

– Я не хочу бежать, словно трусливый заяц. Я буду жить с тобой и Улитой в твоём доме. Будем считать, что она победила. – Девушка сжала маленькие кулачки. – Временно.

– Наверно, надо вызвать пожарных, вдруг огонь перекинется на лес, – заметил Василий, но они уже услышали сигнал пожарной машины. – Похоже, что кто-то уже это сделал. – Сегодня у ребят трудный денек. Много работы.

Пожарные ворвались в сад и деловито устремились к огню. Разговор произошел позже. Когда Василий заставил Нину подняться и отойти подальше. Лицо девушки показалось пожарному знакомым.

– А вы сегодня не были в церкви? – осторожно спросил он.

– Вы имеете в виду, не та ли я невеста, которой не удалось обвенчаться. Та самая. Бог не принял наш союз, – Нина издала булькающий смешок, и Василий обеспокоенно посмотрел на нее. – Но не только у Бога есть такое право. Я сама тоже умею поджигать.

– Вы сами подожгли свой дом? – переспросил парень.

– Да, полила бензином, а потом подожгла. Сделала это, чтобы не возвращаться в прошлое. Гори оно огнем. – Нина нервно расхохоталась.

К ним подошел еще один пожарный постарше. Парень, тиская каску в руках и избегая смотреть на девушку, тихо сказал:

– Хозяйка говорит, что это она сама подожгла свой дом.

Они переглянулись и старший оторопело посмотрел на девушку.

– Может, надо, это... – Он замялся. – Милицию вызвать, пусть разбираются.

– Вызывайте, – спокойно сказала Нина. – Только подумайте зачем? У каждого человека есть право на жилище и на землю. Почему я тогда не могу поджечь свой собственный дом?

– Если бы был ветер...

– Но его не случилось, – вступил в разговор Василий. – Пожара больше нет. Считайте это недоразумением.

Пожарные отошли в сторону и о чем-то посоветовались. После этого тот, кто постарше, видимо, он был у них за главного, подошел к ним и произнес, глядя на Нину.

– Учитывая обстоятельства, мы не станем докапываться до причин. Напишем, что причина возгорания – старая проводка или короткое замыкание. А вы уж держите язык за зубами.

ГЛАВА 16

С чувством тревоги и опустошения Нина вступила на территорию Улиты. Как она надеялась, что этого не случится, гнала дурные мысли и всячески старалась перекроить судьбу, но ничего не вышло. Сколько раз, глядя на Николая, думала, что он сможет вырвать ее из болота зла, засасывающего душу. Последнюю надежду девушка возлагала на венчание в церкви. Больше надежд не было, как не было тепла и веры в измученном сердце.

Молодые люди остановились в нескольких шагах от нового кирпичного дома. Нина до сих пор не видела его вблизи, да и, вообще, старалась не смотреть в эту сторону, зная, для кого он предназначен.

– Неужели ты сам его построил?

– Мне помогали ребята из бригады. Я строил его для нас. Не мог представить, что другая женщина войдет сюда хозяйкой.

– Но ведь я не собиралась за тебя замуж.

– Я надеялся, что все изменится, но никогда не предполагал, что это произойдет при таких обстоятельствах. Хотелось, чтобы ты сделала это по доброй воле.

Нина посмотрела на него:

– По доброй воле я бы никогда этого не сделала. Так что можешь, если угодно, благодарить обстоятельства.

Девушка первой поднялась по ступенькам крыльца и открыла дверь. Улита сидела за деревянным круглым столом, сжимая костлявыми пальцами кружку с дымящимся отваром. Пахло травами.

Наткнувшись на ее колючий взгляд, Нина остановилась. Обвинения застряли в горле, как только их глаза встретились. Старуха сделала глоток из чашки и сказала:

– Ну что, явилась все-таки?! Долго же мне пришлось тебя убеждать, – Улита издала противный смешок. – Зря ты меня тогда не послушала! Сколько бед могла предотвратить.

– Хватит, мать, – вступился Василий, обнимая Нину за плечи.

– А ты, сынок, наверно, сам не свой от счастья. Один дурачок сбежал от нее, а ты и рад подобрать.

Нина, сжав кулаки, сделала шаг к старухе.

– Я ненавижу вас! Вы разрушили мою жизнь. Вы погубили мою мать. Вы сожгли единственную церковь. Вы... – Нина остановилась.

– Продолжай, – спокойно произнесла Улита, словно ей было приятно слушать перечень совершенных злодеяний.

– Клянусь, что уничтожу вас! – Нина почувствовала, что, несмотря на желание броситься на Улиту с кулаками, не может подойти к ней ближе, словно между ними стоит стена.

– Какую чушь ты несешь! – рассмеялась старуха. – Да разве в твоей власти уничтожить меня? Если даже убьешь меня, буду являться к тебе по ночам. Ты же знаешь, к некоторым людям приходят духи из прошлого.

Нина вспомнила видения Николая. Значит, это проделки Улиты, она пыталась свести его с ума.

– Хватит разговоров! – решительно сказал Василий, подталкивая девушку к деревянной лестнице, ведущей на второй этаж.

– Не теряйте времени. Ваш сын должен родиться ровно через год, седьмого июля.

– Я скорее умру, чем сделаю то, что вы от меня хотите! – крикнула Нина, перегнувшись через перила.

– Не зарекайся, – хихикнула старуха. – Все предрешено заранее. Помнишь, я тебе тогда еще говорила, что свадьбы не будет.

Девушка поняла, что больше не в силах спорить. Страшная слабость охватила ее, и она стала медленно подниматься по лестнице. Василий открыл дверь, и Нина оказалась в просторной комнате с балконом, выходящим в сад. Двухспальная кровать застелена вышитым светлым покрывалом. Напротив кровати встроенный шкаф с большим зеркалом, в котором Нина поймала свой испуганный взгляд. На полу лежал пушистый ковер, гармонирующий с персиковым цветом стен.

Девушка удивилась. Здесь было так хорошо, словно она попала в другой мир.

– Какая милая комната, – вырвалось у нее против воли.

– Рад, что тебе понравилось, – просто ответил он.

Нина бросила взгляд на кровать. Никогда, чтобы они не делали, она не будет с ним спать.

– Не беспокойся, я не стану приставать к тебе, – сказал, словно прочитав ее мысли, Василий. – В другой комнате есть диван. Я буду спать там.

– А где комната Улиты?

– Помнишь, небольшой дом в глубине сада, она живет там. Ты хочешь что-нибудь поесть?

Нина отрицательно покачала головой. Одна мысль о еде вызвала приступ тошноты. Больше всего хотелось остаться одной.

– Я бы лучше легла.

– Может, выпьешь немного вина?

– Нет.

– Ну что ж, тогда спокойной ночи.

Дверь за ним закрылась. Нина без сил опустилась на широкую кровать и, уткнувшись в подушку, заплакала.

ГЛАВА 17

Проснувшись, Нина не сразу поняла, где находится. Солнечные лучи, проникая сквозь тонкие занавески, окрасили стены комнаты в розовые тона. Случившееся вчера навалилось сразу, не позволив насладиться ни светом дня, ни уютом комнаты. Как же теперь жить? Как получилось, что она оказалась здесь с человеком, которого больше не любит? Неужели она и на самом деле надеется, что у нее получится отомстить?

В дверь раздался тихий стук и на пороге появился Василий с подносом в руках.

– Доброе утро! Принес тебе завтрак.

Нина вздохнула, это утро никак нельзя было назвать добрым. Кинула взгляд на поднос: кофе с молоком и несколько горячих бутербродов, выглядевших очень аппетитно. Поджаренный белый хлеб, на котором дольки помидоров, ломтики огурцов, посыпанные репчатым луком, смешанным с зеленью и майонезом – любимое школьное лакомство. Нина почувствовала, что, несмотря на все переживания, страшно голодна и, подоткнув подушку поудобнее, села и тут же принялась за еду.

– Не возражаешь, если я посижу с тобой? – спросил Василий.

– Нет, – ответила Нина, испытывая благодарность за то, что можно не выходить из комнаты. – Никогда не завтракала в постели.

– Могу приносить тебе завтрак каждое утро. Я все равно рано просыпаюсь.

– Завтра я тоже встану рано, чтобы пойти на работу, – сказала Нина, отпивая горячий кофе.

– Ты больше не будешь работать в больнице, – тихо, но уверенно сказала Василий.

– Это еще почему? – возмутилась девушка, ставя чашку на поднос. – По какому праву ты распоряжаешься моей жизнью?

– Теперь, когда ты живешь со мной, буду заботиться о тебе. Я достаточно хорошо зарабатываю, чтобы ты ни в чем не нуждалась.

– Но я не могу сидеть дома и ничего не делать.

– Тебе нужно немного отдохнуть. Ты еле держишься на ногах из-за постоянного недосыпания и этой дурацкой работы в больнице.

– Больные любят меня.

– Давай я скажу тебе правду, а ты постарайся не обижаться. Что ты там делаешь? Моешь полы и выносишь утки?

– Ну и что? – Нина с вызовом посмотрела на него. – Мне нравится помогать людям.

– Ты можешь продолжать учиться, но работать санитаркой не будешь. Это унижает меня, понимаешь? Люди скажут, что я плохо тебя обеспечиваю. – Нина вспомнила плотное кольцо, окруживших ее тучковцев. Их глаза, наполненные страхом и ненавистью. Странно, что она тогда не испугалась. – Со вчерашнего дня ты моя жена. Может быть, твоему Николаю не приходило в голову, что мужчина должен обеспечивать семью? – Глаза Нины сверкнули, но он быстро продолжил: – Завтракай, одевайся и принимай душ. Я жду тебя в соседней комнате. – Он встал и подошел к двери, – но потом оглянулся: – мать не будет заходить в этот дом. Хозяйка теперь ты.

Нина задумчиво жевала бутерброд, размышляя над его словами. Конечно, работу в больнице можно оставить. Она и на самом деле чувствовала себя усталой: ночные дежурства и учеба в институте занимали все свободное время.

Когда после душа она зашла в комнату Василия, он сидел в кресле и держал в руках книгу.

– Ты читаешь? – удивилась девушка. Сколько она его знала, Василий не очень-то жаловал книги, предпочитая телевизор.

– Только на определенные темы. Вот, купил на развале в городе, – он протянул ей книгу.

– Ничего себе, – заинтересовалась она. – Какая древность. Прочла название: «Пристальный взгляд в хрустальный шар». О чем это?

– Ты знаешь о том, что с помощью хрустального шара можно узнать свое прошлое?

– Нет, – пожала плечами Нина. – Зачем тебе это?

– Я никогда тебе не говорил, что совершенно не помню своего детства. И мать очень не любит вопросов. Уверен, что есть какая-то тайна. Ну, в общем, я решился и ... – Василий замолчал, потом провел рукой по лбу и махнул рукой. – Впрочем, я не хотел бы сейчас говорить об этом. – Старичок, продававший книги, оказался забавным. Рассказал, что сам прошел через это и узнал, что в прошлой жизни работал в цирке. Василий тогда решил, что дедуля тронулся, но книгу купил. Прочитал два раза, прежде чем решил попробовать.

– Хорошо, – пожала плечами Нина, продолжая перелистывать, желтые потрепанные страницы.

– Благодаря этому узнал, что мы с тобой встречались в прошлой жизни. Это объясняет, почему меня так тянет к тебе. С самого начала, когда тебя увидел, был уверен, что тебя знаю.

– О чем ты говоришь? Я в это не верю.

– Ты думаешь, что человек, когда у него останавливается сердце, просто умирает? У него есть только это тело и одна жизнь, верно?

Нина вспомнила, как к ней пришла мама и рассказала о шкатулке с двойным дном. Она совершенно явно видела ее, но, как утверждал врач, в это время она уже была мертва. А вчерашнее происшествие с отцом?

– Нет, наверно, есть еще и душа, – неожиданно для себя девушка рассказала ему про крест.

Василий слушал ее молча, не отводя черных огромных глаз. Когда закончила, попросил показать крестик. Нина сняла с себя длинную цепочку и подала ему.

Василий долго рассматривал рисунок, а потом сказал:

– Я видел его.

– Ты не мог его видеть. Цепочка очень длинная, крест прячется под одеждой.

– Я видел его еще до тех пор, как он появился у тебя.

– Где? – удивилась Нина.

– Пока не знаю, но чтобы ты убедилась, что я говорю правду, переверни его и посмотри. Между словами «спаси и сохрани» буква «и» стерта. Я его не переворачивал. Держи.

Девушка быстро перевернула крест.

– Но откуда ты знал об этом? Я ничего не понимаю.

– У меня есть для этого только одно объяснение: мы жили до этой жизни.

– Я уже слышала что-то подобное от отца, – пробормотала Нина.

– Но твой отец никогда не видел меня.

Нина покраснела, что проговорилась. Василий воспринял ее рассказ совершенно спокойно. У него не возникло и мысли о том, что она немного не в себе.

– Ты боишься заглянуть в свое прошлое? – спросил ее Василий.

Нина вскочила с кресла и стала ходить по комнате.

– Я не хочу. Я не готова. – Она вспомнила страдания Николая. – Так можно с ума сойти. Сама не поймешь, как окажешься в больнице для сумасшедших.

– Не бойся. Вдвоем это не так страшно, как в одиночку. Насколько я знаю, у тебя всегда были крепкие нервы. К тому же ты, наверно, захочешь разобраться в том, что происходит в твоей жизни?

Нина выглянула в окно. День был такой же прекрасный, как и день ее свадьбы. Если бы она вчера вышла замуж, то сегодня они бы уже ехали в поезде на юг. Интересно, где сейчас Николай?

– О чем ты думаешь? – спросил ее Василий.

– Не важно.

Василий нахмурился. Конечно, она все еще страдает по своему бестолковому женишку. Нужно время. Василий старался держаться с Ниной холодно и слегка отстраненно, чтобы она не подумала, что он будет приставать к ней со своими чувствами. И все же, проснувшись утром, Василий почувствовал себя неприлично счастливым: неважно как это случилось, но его любимая рядом. Он может смотреть на нее, разговаривать с ней.

– Ты можешь почитать, если хочешь. – Он небрежно положил книгу на журнальный столик и поднялся. – Не буду мешать.

ГЛАВА 18

Громкая мелодия мобильного телефона вырвала Ивана Сатанова из объятий сна. «Какого черта?» – выругался он, глядя на часы.

– У нас все по плану. Девчонка теперь живет в моем доме. Мне удалось расстроить свадьбу, – затараторила Улита, как всегда опустив приветствие.

Иван тарашил глаза на залитую солнцем комнату, пытаясь понять, о чем идет речь.

– Какую свадьбу?

– Ты что, ничего не помнишь?! Я же тебе говорила, что Нинка собралась замуж. Но мне, – старуха издала неприятный смешок, – удалось заставить ее вернуться к Василию. Правда, пришлось приказать Марене кое-что сделать. Пока ты там отдыхаешь, твои люди совсем от рук отбились. Такое простое дело, а девка упрячилась. Но, в общем, не важно, главное, что теперь, когда все препятствия устранены, малыш обязательно родиться.

Иван поморщился. Всю эту историю с рождением нового правителя он поддерживал исключительно для того, чтобы занять умы людей. Сам он в это не верил. Улита появилась возле него в то время, когда он только начал организацию Огненного братства и рассказала о предсказании. Идея показалась занимательной, чем больше тайн будет в братстве, тем крепче привязаны люди. Колдунья на самом деле оказалась полезна и заслужила его доверие. Только ей был известен новый номер его телефона.

– Ну и хорошо, – отозвался, зевая, Сатанов.

– Когда ты собираешься возвращаться? Сколько можно отсиживаться?!

– Я решаю этот вопрос. Дай мне еще неделю, – Иван нажал кнопку отбоя и зарылся в подушку, надеясь еще поспать.

Проклятая старуха. Заснул на какие-то два часа. Что же с ним происходит такое? Не помогают ни снотворные, ни успокоительные. Наверно, ему лучше вернуться. Там, среди преданных ему людей, жизнь быстро войдет в обычную колею. Попытка заснуть не удалась, но после принятого решения откуда-то появились силы. Сварив себе кофе, позвонил своему знакомому риэлтору и дал задание найти большой лесной участок, на котором можно построить дом для себя и несколько корпусов, в которых будут жить купальцы. Все это должно быть не слишком далеко от столицы, откуда и будет осуществляться вербовка в члены Огненного братства. А еще лучше, если дом уже будет готов, тогда не придется возиться со строительством.

ГЛАВА 19

За несколько дней Нина изучила книгу и пришла к выводу, что использование этого хрустального шара единственная возможность заглянуть в прошлое. Николай, конечно, попытался бы ее отговорить, заявив, что все это противоречит законам церкви. Вечером девушка подошла к Василию и сказала, что согласна. Молодой человек улыбнулся, он слишком хорошо знал Нину, чтобы она упустила такую возможность.

Василий накрыл круглый стол темной скатертью, зажег свечу и выключил свет.

– Ты готова?

Нина сцепила ледяные пальцы, пытаясь справиться с волнением. Перед ней лежал переливающийся шар, в котором отражалось пламя свечи. На мгновение ей стало страшно, но она справилась с собой. Неважно через что придется пройти,

она должна разобраться в себе. Василий открыл потрепанную книгу на заложенной странице начал читать текст, специально используя местоимение «вы».

– Закройте глаза. Хорошо. Сейчас я начну считать от десяти до нуля, и с каждым счетом вы станете все более расслабленными. Когда я досчитаю до нуля, вам будет так удобно, как может быть только здесь, в этом месте и в это время. Сделайте усилие, чтобы вы представили и почувствовали, как выходите из своего тела. – Он сделал паузу. – Ну а сейчас поднимитесь на несколько метров над вашим телом.

Нина хотела возразить, что не сможет этого сделать, но все же решила попробовать и неожиданно для себя почувствовала, что находится под потолком.

– С этой высоты постепенно снижайтесь, пока опять не попадете на землю. На этот раз вы окажетесь в одной из ваших прошлых жизней. Вы сможете проникать в нее и выйти из нее. Несмотря на то, что вы расслаблены, вы сможете говорить. Вы будете переживать чувства, вызываемые событиями. В следующий момент, когда я щелкну пальцами, вы откроете глаза и увидите в хрустальном шаре свою прошлую жизнь, имеющую особую связь с нынешней жизнью.

Щелчок.

Нина открыла глаза и вгляделась в хрустальный шар.

Увидела себя верхом на серой лошади. Руки в перчатках крепко сжимают поводья, не давая ей двинуться с места. За рекой, на холме, упираясь в небо шпилями, возвышается замок. Рядом с ней, на черном коне, ее отец.

– Вряд ли нам удастся сохранить наш дом, – горько говорит он.

– Отец, я что-нибудь придумаю.

Он недоверчиво качает головой и украдкой вытирает слезу. Ее охватывает отчаяние и злость. Отец всегда жалел, что у него нет сына и не принимал ее в расчет. Не сговариваясь, они пускают лошадей в галоп и возвращаются в замок. На лицах встречающих их слуг надежда. Отец грустно качает головой, объясняя, что их трусливый сосед отказался, предпочитая не враждовать с могущественным Филиппом. Анна идет за прихрамывающим отцом в дом. Навстречу им выбегают дети, отец берет младшую на руки. На его глазах слезы. Отчаяние становится сильнее. Всей семьей садятся за стол. Еды очень мало, но Анна не может проглотить ни крошки хлеба. Она старшая в семье и должна их спасти.

После обеда она рассказывает отцу о своем плане. Она пойдет к Артуру, молодому и красивому мужчине, у которого самый неприступный замок в их округе и хорошее войско. О его отваге слагают легенды. Выслушав ее, отец горько усмехается.

– У нас никогда не было хороших отношений. Зачем ему помогать нам?

– Я пообещаю, что выйду за него замуж.

– Говорят, он не из тех, кто стремится обзавестись семьей и детишками. Хорошая партия для тебя. Но этого никогда не будет. Не стоит унижаться.

Она гордо вскидывает голову. Никакого унижения. Артур женится, потому что полюбит ее. Ей дана особая власть над мужчинами. Откуда она это знает?

В шаре, как ответ на ее вопрос, появляется следующая картина.

Ей двенадцать. У нее длинные, кудрявые волосы, спускающиеся до талии. Мать приводит ее к бабке с морщинистым лицом и выцветшими голубыми

глазами. Мама и колдунья шепчутся в углу комнаты. Потом колдунья пересчитывает монеты и велит прийти завтра перед рассветом.

Нина видит себя, стоящей на коленях перед чистейшим лесным озером, над которым поднимается солнце. Уверенно и громко звучит голос колдунии.

«Вся сила солнца вливается в тебя. С каждым лучом света пробуждается в тебе священное женское начало. Твоя кровь сильнее бурлит по жилам, заявляя о своей женской силе. Все прежние запреты, принижающие тебя, сняты. Мужчины, издавна заставляющие тебя признавать свое превосходство, теперь бессильны. Ты любимая дочь Бога. Ты совершенство. Настоящая женская сила дает неограниченную власть над всеми мужчинами. Ты сама вольна выбрать отца своих детей. Непрístupный замок женского превосходства светится в твоих глазах. Возрастает твоя смелость и уверенность в себе. Твоя воля крепнет и позволяет подчинить тех, кого ты желаешь. Никто не смеет отказать тебе. Через столетия я вижу тебя женственной и прекрасной, передающей эту вечную силу своим дочерям».

Картина исчезает. Нине хочется немного поразмыслить над тем, что она увидела. Тайная женская сила. Неужели эта власть сохранилась у нее до сих пор. Быстро мелькает перед ней ее настоящая жизнь. Достаточно ей было только один раз посмотреть на кого-нибудь из парней, как он в нее влюблялся. Подняла глаза на Василия.

– Ну что же ты испугалась? – спросил он. – Давай, продолжай. Уверен, ты увидишь еще много всего интересного.

Нина придвинула к себе хрустальный шар и снова попала в ту жизнь, где ее зовут Анна. Она в одиночестве подъезжает к величественному замку Артура. Серыми непрístupными стенами возвышается он на берегу реки. Старый слуга засмеялся, услышав о ее желании увидеть Артура.

– Боюсь, ты уже опоздала. Там уже полно красоток. Зачем еще одна?

Девушка сбрасывает капюшон и гордо поднимает голову.

– Не смей сравнивать меня с другими. Лучше поторопись доложить, что его ждет Анна. Еще раз усмехнувшись, слуга исчезает, но быстро возвращается, чтобы проводить ее к Артуру. Она долго идет по темным сырým коридорам, пока, наконец, не оказывается в просторном зале. Во главе длинного стола восседает Артур, по обе стороны от него красивые девушки, одну из них он обнимает за плечи. Стол щедро заставлен различными яствами, все гости пьяны и расслаблены. При ее появлении разговоры стихают.

– Зачем пожаловала, соседка, в такой поздний час? – Артур насмешливо смотрит на нее со своего места.

– Пришла посмотреть, правду ли люди о тебе говорят, – Анна с презрением окидывает стол, безразлично скользя взглядом по пьяным гостям с разморенными красными лицами. – И вижу, что они не ошиблись. Вокруг тебя одни бездельники, да развратные девки.

– Но ты, поосторожнее, – предупреждает ее кто-то из мужчин, делая попытку подняться из-за стола.

Не обращая на него внимания, Анна продолжает:

– Посмотри, как ты опустился. Наверно, и в седле теперь не усидишь. Куда подевался славный рыцарь Артур?!

Пронзительный взгляд девушки заставляет забыть о друзьях и девицах. Анна осмелилась прийти в такой поздний час совершенно одна. В ее лице нет ни капли страха, лишь насмешка. Артур чувствует, что в ее словах есть правда. Он изменился.

– Что тебе нужно? – грубо спрашивает он, подавшись вперед, сам не замечая, как соскальзывает его рука с плеча девицы.

– Ты мог бы на пару минут оставить гостей и поговорить со мной наедине? У меня есть к тебе предложение.

– Артур, не ходи с ней, – кричит кто-то из мужчин. – Пусть здесь говорит, что ей надо. Мы тоже хотим знать, зачем пожаловала эта красотка. Просто так ей отсюда не уйти.

Артур, грубо прикрикнув на них, выходит из-за стола. Он много лет знал Анну, но никогда она не казалось ему такой красивой, как в эту ночь. Он проводит ее в ближнюю комнату для гостей и закрывает дверь.

– Я слушаю тебя, – бросает он ей, усаживаясь на единственный стул и закидывая ногу на ногу. Всем своим видом он старается показать, что ему безразличен ее приход. Он зол на нее за то, что она осмелилась разговаривать с ним в таком тоне и на себя за то, что его жизнь превратилась в сплошной праздник.

– Наверно, ты знаешь, что наши дела идут плохо, – начинает Анна совершенно другим голосом. – Война с Филиппом совершенно истощила наши силы. Многие из наших людей убиты, запасы продовольствия подходят к концу. Если ты не поможешь нам, мечта Филиппа взять замок и наши земли осуществится.

– Почему я должен помогать вам? – холодно спрашивает Артур, стараясь не встречаться взглядом с ее удивительными темными глазами. – У меня хорошие отношения с Филиппом, а если я помогу вам, то приобрету лишнего врага.

– Филипп оставит нас в покое, если будет знать, что ты на нашей стороне, – уверенно говорит Анна.

– Ты плохо знаешь Филиппа. Если он решил, его ничто не остановит. А я не хочу войны.

– Наши земли могут стать твоими, если ты женишься на мне.

На некоторое время Артур лишился дара речи. Эта девица предлагает, чтобы он женился на ней?! Да он вообще не собирается жениться. Ни ради ее прекрасных глаз, ни ради ее земель.

– Что еще ты можешь предложить, кроме этого? Я не из тех, кто женится.

– Наверно, да, – усмехнулась девушка. – Ты создан для пьянства и разврата. Тебе проще иметь дело с такими, как они, – она кивнула в сторону залы, откуда доносился смех и пьяные крики, – чем позволить себе иметь хорошую жену и вести достойный образ жизни.

– Я никому не позволю так разговаривать с тобой!

– Что ты сделаешь со мной за то, что я осмелилась сказать тебе правду? Запрешь в одной из темниц своего замка или отдашь на растерзание дружкам? Идя сюда, я не очень рассчитывала на твою помощь. Сидеть за толстыми стенами и пить вино – более подходящее для тебя занятие. Зря я не поверила, что прошло время, когда о твоей храбрости слагали легенды.

– Хватит! – закричал Артур.

Он вскочил и поднял Анну рывком со стула, желая вытолкать из комнаты, но замер, охваченный неожиданным искушением поцеловать ее. Эта девушка обладала такой властью, что он испугался. Оттолкнул ее, но Анна уже знала, что одержала победу.

Следующие картины подтвердили ее предположение. Она видела их свадьбу и последующие дни их семейной жизни быстро промелькнули перед ней. Ей удалось спасти свою семью и людей, которые служили им многие годы. Больше никто не осмеливался угрожать им.

Нина отодвинула от себя шар, и некоторое время сидела молча, глядя на пламя свечи. Потом встала и прошла по комнате, зажгла свет и посмотрела на Василия. В том, что картины, возникшие перед ней в хрустальном шаре, были достоверными, она не сомневалась. Василий оказался не просто ее соседом, а далеким Артуром из средневековой Англии.

– Ты был прав. Оказывается, мы встречались, – наконец, решила сказать Нина. – В той жизни тебя звали Артуром.

– А тебя Анной.

– Откуда ты знаешь?

– Мне тоже это показали, – усмехнулся Василий. – Все пошло наперекосяк, когда мы расстались. В этой жизни у нас снова есть шанс не повторить прошлых ошибок. Понимаешь теперь, почему я интуитивно боялся расставания и заставил тебя дать клятву.

– Ладно, не будем об этом, – нахмурилась Нина, все еще не желая признавать, что и у нее всегда было ощущение, что они давно друг друга знают. – Теперь осталось понять, почему твоя мать хотела, чтобы мы поженились.

– Как? – Ты уверен в этом?

– Почти. Я видел в шаре лица своих родителей.

– Я думаю, что меня украли. Я видел женщину. Я был просто уверен в том, что она моя мать. Мне было около трех лет, и моя мать была похожа на цыганку. Или просто у нее была внешность цыганки: длинные прямые черные волосы, темно-карие глаза, смуглая кожа. Я видел себя на ковре с игрушками, а она сидела на диване с гитарой. Несколько раз появились картины, где я был с отцом. Я очень хорошо видел его лицо с серыми глазами и светлой бородкой.

– А ты что же, совсем ничего не помнишь из своего детства?

– Нет, – Василий грустно покачал головой. – Совсем ничего. Словно кто-то постарался, чтобы я забыл обо всем. То, что я помню, уже относится к временам, когда со мной была Улита.

– Ты никогда не рассказывал, где вы жили раньше?

Василий поднялся со стула.

– Я не хочу говорить об этом. Достаточно на сегодня откровений. У меня что-то голова разболелась. Выйду на улицу. Ты не хочешь пойти со мной?

– Нет, я лучше останусь дома, – ответила Нина. Ей хотелось побыть одной, чтобы спокойно поразмыслить обо всем, что она услышала от Василия и увидела в хрустальном шаре. Ей казалось, что она впервые прикоснулась к тайне, ей удалось заглянуть в свое прошлое, которое ранее было скрыто от нее, и это прошлое объясняло многое из того, что с ней происходило сейчас.

ГЛАВА 20

Нина сидела на берегу озера с книгой в руках. Она сбегала сюда из дома, где по-прежнему ощущалось влияние Улиты. Иногда достаточно было одного взгляда на ее согнутую спину, чтобы испортилось настроение. Девушка была уверена, что старуха просто затаилась, а когда поймет, что у них не будет детей, вновь начнет войну. Василий ни разу не сделал попытки обнять ее. То ли хорошо держал себя в руках, то ли стал к ней равнодушен. Как бы то ни было, ее вполне устраивали их разные комнаты и дружеские беседы за ужином по вечерам. Нина понимала, что в тот момент, когда Василий узнал правду, он превратился в ее союзника. Теперь их было двое и от этого становилось немного легче.

Она уже собиралась домой, как вдруг увидела, что прямо к ней направляется священник Алексей. Девушка заставила себя спокойно поздороваться, хотя весь его вид в черном платье всколыхнул слишком много воспоминаний. Священник присел на траву рядом с ней.

– Давно не видел вас, – начал он после неловкого молчания, во время которого старался не обращать внимания на обнаженные, покрытые золотистым загаром ноги девушки. – Как вы живете?

– Спасибо, все в порядке, – Нина поспешно спрятала книгу в сумку, чтобы он не увидел названия книги, которую она читала.

Алексей подумал, что она уходит.

– Я знаю, как вам тяжело. Постарайтесь не терять веру. Молитесь, и ваша жизнь изменится. Вера – это лучшее спасение от всякого зла.

– У нас с вами разная вера. А если уж у нас зашла речь об этом, как вы объясните пожар в церкви во время нашего венчания. Все произошло совсем наоборот.

Алексей поднял глаза к небу.

– На все воля Божья, – смиренно сказал он и перекрестился. Он сам не знал почему, но чувствовал себя виноватым.

– Да, на все воля Божья, – насмешливо повторила Нина. – Вот я и не стала больше сопротивляться. Бог слишком явно дал мне понять, что не одобряет моего желания обвенчаться с Николаем.

– Не нужно так говорить. Бог желает нам добра и посылает испытания. Неужели вы на самом деле верите, что ваша жизнь должна быть связана с Василием? Эта семья вам не подходит.

– А вот я теперь считаю, что поступила правильно.

– Эти люди погубят вашу душу. Теперь вы так далеки от света божьего. Молитесь о спасении.

– Ваши молитвы не уберегли церковь от пожара.

– Не говорите так, – горячо сказал он, негодуя на себя за то, что верные слова всегда застревают у него в горле, когда он встречается с этой девушкой. С того самого момента, как Нина вернулась к Василию, он каждый день молился за нее, остро осознавая, что она попала в беду. Если бы в тот день ее венчания он

оказался там, то смог бы ее удержать. Тогда, как ему рассказывали, никто не вступился за нее.

Нина поспешно поднялась с травы и сложила полотенце, на котором сидела. Алексей тоже поднялся.

– Извините меня, – сказала Нина. – Иногда я говорю страшные вещи. Мне до сих пор так неловко. Из-за меня сгорела ваша церковь и теперь...

– Это просто несчастный случай, – перебил ее Алексей. – Вы не должны так думать. А церковь мы начали строить новую. Администрация поселка помогла с деньгами. Я буду молиться за вас, Нина, чтобы вы обрели веру.

Оставшись один, Алексей еще долго стоял на берегу озера, глядя на воду и пытаясь успокоиться. Губы твердили молитву, а перед глазами стояло ее лицо с грустными глазами. Как бы он хотел обнять ее. «Господи, помоги мне! Дай мне силы справиться с этим наваждением. Прости мне мысли мои грешные».

Войдя в дом, Нина сразу уловила аппетитный запах жареного мяса. Она даже не думала, что так проголодалась. Утром выпила только кофе, а весь день провела на озере. Увидев Василия у плиты, почувствовала укор совести. Он пришел с работы голодный, а дома нет обеда.

– Если бы я знала, что ты придешь пораньше, приготовила бы что-нибудь, – сказала она, наблюдая, как ловко Василий поджаривает мясо.

– Мне нравится готовить, – ответил он, удерживаясь, чтобы не спросить, где же она бывает. Мать каждый день докладывала ему, что Нина «целыми днями где-то шляется». На какой-то момент мелькнула мысль, что она встречается с Николаем, но он выкинул ее из головы. Она не из тех, кто будет делать что-то тайком.

Они закончили ужин в молчании, а потом заперлись в комнате с опущенными шторами. Нина поймала себя на мысли, что ей начинают нравиться эти их сеансы с хрустальным шаром. Сегодня была ее очередь проводить процесс.

– Я сосчитаю от десяти до нуля и с каждым счетом, вы станете более расслабленными. Когда я щелкну пальцами, ваше подсознание выберет момент, имеющий особую связь с вашей жизнью, – медленно произнесла девушка.

Василий открыл глаза: комната исчезла, настоящее тоже. Есть только этот хрустальный шар, похожий на крохотный телевизор, такое четкое в нем изображение. Он видит себя мальчиком в большой комнате. Вокруг него незнакомые люди, ему страшно. Где же мама? Бородатый мужчина ставит его на стул, люди бесцеремонно разглядывают его. Хочется есть и пить. Они так долго добивались сюда. Перед ним появляется женщина, и он сразу узнает ее. Это Улита, только значительно моложе. Она треплет его по волосам и усмехается:

– Хороший мальчуган. Пожалуй, я займусь его воспитанием. Стану его матерью. Вы не умеете обращаться с детьми.

Неожиданно все расступаются и склоняют вниз головы. Перед ним появляется мужчина средних лет, в облике которого чувствуется властность.

– Вы хорошо поработали, – бросает он бородатому, и тот почтительно кланяется.

– Я хочу к маме, я хочу домой! – кричит он изо всех сил, надеясь, что этот человек, которого все боятся, поможет ему.

– Я займусь им, – быстро предлагает Улита и берет его на руки: – Теперь я твоя мама, а здесь твой дом. Ты забудешь своих родителей. И выполнишь свою миссию.

– Нет! – кричит он, снова пытаясь вырваться, но Улита силой вливает ему в рот горькое питье. Он хочет его выплюнуть, но захлебывается и кашляет.

– Пей!

Он не решает послушаться и, зажмурившись, проглатывает. Комната начинает плыть перед глазами, он проваливается в сон. Последняя картина, которая возникает в шаре: он лежит нагим на столе. Вокруг двигаются люди в черных одеждах. Заунывное пение.

Василий оттолкнул от себя хрустальный шар.

– Что случилось? – спросила Нина, но услышала в ответ только странный звук, похожий на сдавленное рыдание.

Неужели все это произошло с ним? Что они с ним сделали и почему он ничего не помнит о своем детстве?

– Вася! Да что же ты увидел там такое? Расскажи мне.

– Я снова видел ее, – хриплым голосом, медленно выговаривая каждое слово, начинает Василий. – Больше никогда не буду называть ее матерью. Люди из Огненного братства лишили меня всего: родителей, дома, нормального детства.

Он остановился. Картины, которые только что пережил, у него перед глазами.

– Не молчи, рассказывай, – Нина сжала его руку.

– До трех лет я жил с родителями. Потом меня выкрали и привезли в секту. Надо мной произвели какой-то обряд, после которого я забыл своих родителей и стал считать Улиту своей матерью. Теперь об этом обществе. Мы жили в большом доме, по несколько человек в комнате. Я был единственным ребенком. Однажды, когда Улита в очередной раз заперла меня, я выбрался через окно и пошел за ними. Мне было около десяти лет. Они пришли к заброшенной церкви. Все скинули одежду, и друг за другом вошли внутрь. Я помню, как был смущен, когда увидел их обнаженными. Девушку, которая часто играла со мной, Марену положили на алтарь. Я не видел, что было дальше, испугался, что ее убьют, и убежал.

– Они приносили в жертву людей? – с ужасом спросила Нина.

– Марена однажды проговорила, что в день Ивана Купала приносили в жертву маленьких девочек.

– Только девочек?

Василий кивнул.

– Чем старше я становился, тем больше начинал понимать, что моя жизнь ненормальна. Я не ходил в школу, мне не разрешали общаться со сверстниками. Но однажды все закончилось. Милиция, расследуя дело о похищении детей, обнаружила наше местопребывание. Некоторых членов нашей группы забрали в тюрьму, остальным, в том числе и нам, удалось сбежать. Конечно, им был нужен предводитель, но ему удалось скрыться. Мы с Улитой и еще двумя женщинами долго скитались по деревням, ночуя в брошенных или запертых на зиму домах. Это было очень плохое время. У нас не было теплой одежды, не было дома. Улита взяла с меня страшную клятву, что я никому не расскажу о том, откуда мы. К счастью, еще в секте, один мужчина научил меня читать и писать. Он же

немного занимался со мной математикой. Когда мы приехали в одну деревню, Улита отдала меня в школу. Кажется, она еще говорила, что когда все наладится, мы вновь будем жить нашей большой семьей. Я, конечно, этого не хотел. Я был рад, что могу играть с мальчишками, но учиться мне не нравилось. На уроках я почти ничего не понимал, и учителя ставили мне тройки из жалости. Когда год закончился, мы снова переехали, и я пошел в другую школу. Так я сменил три школы, прежде чем мы оказались в Тучково. Поверить не могу, что у меня была обычная семья, и могло быть совсем другое детство.

– Бедные твои родители, – вздохнула Нина. – Если бы можно было их найти! Они, наверно, считают, что ты погиб. Может, Улита что-нибудь знает о них?

– Она ничего не скажет.

– И все же я не понимаю, зачем Улите нужно было, чтобы мы были вместе?

– Ну, это самый легкий вопрос, – Василий улыбнулся. – Я любил тебя, и мне были не нужны другие женщины.

– Тебе были не нужны другие женщины, но в твоей постели перебивало полдеревни, – перебила его Нина. – Интересно, как это у мужчин так бывает?

– Пойми же ты, с каждой женщиной, я закрывал глаза, представляя, что это ты! – нервно выкрикнул он. – Но ты ушла к Николаю. И знаешь, что?! А ведь все это уже было. Хочешь, я расскажу, почему мы тогда расстались в той прошлой жизни?

– Когда я была Анной?

– Да. Ты вышла замуж за меня, не потому что любила меня, а потому что хотела спасти свой дом и защитить твою семью. После того, как мы прожили несколько лет, ты влюбилась. Тебя ничто не могло удержать возле меня, и ты уехала с ним. Я был в отчаянии, и этим же сразу же воспользовались наши враги. Все, чего мы с тобой добивались годами, было разрушено. Потом ты вернулась, просила у меня прощения, говорила, что ошиблась и любишь только меня. Но моя гордость не позволила простить тебя. Я прогнал тебя прочь. – Нина недоверчиво смотрела на него, пытаясь поверить в то, что он рассказал. – И все это очень похоже на то, что происходит сейчас. Мы были вместе, потом ты встретила Николая и полюбила его. Потом вернулась ко мне. Я не смог простить тебя тогда, но прощаю сейчас. Я не хочу без конца повторять одни и те же ошибки. Я готов ждать, пока твоя любовь вернется. – Нина опустила глаза. Ей не нравились эти разговоры. Она смутно ощущала свою вину.

Василий на мгновение коснулся ее плеча, словно хотел сказать, что все в порядке, и вышел из комнаты.

ГЛАВА 21

Приближалось первое сентября, а Нине совершенно не хотелось идти в университет. Летние события разрушили прежний мир. Она не чувствовала никакого желания снова посещать лекции и семинары. Желание стать юристом исчезло. Наверно, ей больше бы понравилось быть врачом. Как мама. Или хотя бы медсестрой. Так ничего и не придумав, Нина решила взять академический отпуск и отправилась в деканат, чтобы написать заявление. Когда приехала в городок, ее захлестнули воспоминания. Скамейка возле станции, на которой ее ждал Николай,

маленькое кафе на площади, куда они ходили выпить кофе. Все это, казалось, было так давно. Погруженная в свои мысли, Нина шла по улице, не замечая никого вокруг, поэтому ей и показалось, что Марина выросла из-под земли. Поздоровавшись, обе девушки молча изучали друг друга.

– Ну и как живешь? – выдавила после паузы Марина.

– Нормально, – уклончиво ответила Нина.

– Ты не хочешь спросить, что случилось с твоим бывшим женихом? Как ты только могла так поступить с ним? Ты знаешь, где сейчас Николай?

– Где он? Он жив? – Нина так старательно гнала от себя мысли о бывшем женихе, что даже не думала о том, что с ним может произойти что-то плохое. Ей казалось, что, избавившись от нее, его жизнь обязательно наладится.

– Жив, если это можно назвать жизнью. Лучше бы он никогда с тобой не встречался.

– Да что с ним?

– Он в психушке. И только ты во всем виновата. Зачем ты ушла к другому, да еще в день свадьбы? Из-за нашего разговора? Подумала, что он на самом деле псих?

– Да что ты такое говоришь?! – с болью сказала Нина. – Ты можешь мне не поверить, но я хотела, как лучше. Хотя ты права, я всем приношу несчастье. Видно судьба у меня такая.

Ее голос звучал так горько, что Марина смягчилась и взглянула на Нину внимательнее. Девушку, стоящую напротив, никак нельзя было назвать счастливой. Бросалось в глаза, что она многое пережила и выглядела старше своих двадцати лет.

– Ладно, извини, что так на тебя набросилась. Я только из больницы. Коля совершенно в невменяемом состоянии, несет черт знает что. После этого пожара крыша совсем поехала.

– А что говорят врачи?

– Обычные слова, – махнула рукой Марина. – Нервный срыв, надо подождать. Колят успокоительные. Но я же вижу, что ему становится только хуже.

– Может, мне попробовать поговорить с ним?

– Нет, тебе лучше там не показываться. Он, похоже, забыл о тебе. А как ты живешь с этим-то, как его там называли, дьяволом что ли? Хотя, – Марина хихикнула, – если он и не дьявол, то, во всяком случае, дьявольски красив.

– Я любила Николая и на самом деле хотела выйти за него замуж, но так уж получилось, что живу с другим. Но это не то, что ты думаешь.

Марина опустила голову. Ей стало неловко за свое любопытство, и она не решилась задать другой вопрос: почему этого парня называли дьяволом.

Девушки простились, Нина медленно пошла дальше. На сердце у нее стало еще тяжелее. Николай в больнице. А она только что думала о нем. Вспоминала, как им хорошо было вместе.

В туалете она умылась холодной водой и отнесла заранее написанное заявление в деканат. «Прошу предоставить академический отпуск на год по семейным обстоятельствам». Приготовила несколько дежурных фраз, но ее никто не расспрашивал. Нина вышла из университета и, спустившись по лестнице, оглянулась на серое здание. «Вряд ли я вернусь сюда», – промелькнуло в голове.

ГЛАВА 25

Как-то раз, когда Василий был на работе, Нина сидела у окна с книгой. Задумавшись, бросила взгляд в окно: по дорожке, ведущей к дому, шла ее бывшая школьная подруга Настя. Нина вышла и приветливо поздоровалась.

– Я к Улите, – быстро сказала Настя, отводя глаза.

Одного взгляда на расстроенное лицо подруги хватило, чтобы Нина поняла: у девушки что-то стряслось.

– Что-то случилось?

– Не твое дело! Позови Улиту.

– Зачем тебе Улита?

– Дело у меня к ней есть.

– Пойдем со мной, – быстро сказала Нина, бросая взгляд на домик Улиты и, молясь про себя, чтобы старуха не вышла.

– Куда ты меня ведешь?

– К Улите, – наврала Нина. На крыльце пропустила девушку вперед, и пока та снимала куртку, незаметно повернула ключ в двери и положила его в карман.

– Садись, – Нина подбросила полено в камин, чтобы было теплее. Она чувствовала, что разговор с подругой будет не из легких, но она обязательно должна ее отговорить обращаться к старухе.

Настя нехотя присела на краешек кресла, незаметно оглядывая обстановку.

– Где Улита?

– Я позову ее, но сначала мы поговорим.

– Нам не о чем разговаривать, – отрезала Настя, явно ощущая неловкость под пристальным взглядом бывшей подруги. Она и сама не понимала, как получилось, что, поверив сплетням, начала ее сторониться.

– Я не обижаюсь, что ты перестала общаться со мной, – спокойно сказала Нина. – Вокруг меня действительно происходит что-то страшное. И я хочу с этим разобраться. Хотя, возможно, было бы лучше уехать.

– А зачем тебе уезжать? Поменяла одного мужика на другого и живешь себе припеваючи. И что только они в тебе находят?! – завистливо добавила Настя.

Нина улыбнулась. Просто удивительно, что обряд, совершенный колдуньей столетия назад, действует до сих пор.

– Настя, Настя, – укоризненно сказала она. – Да разве счастье состоит в том, чтобы все парни влюблялись в тебя? Мне кажется, важнее любить самой. А с моей любовью все кончено. Ты ведь не знаешь, где сейчас Николай?

– Где? – Настя от любопытства подалась вперед.

– В психушке.

– Не может быть!

– После пожара в церкви он перестал осознавать реальность. Я думаю, что в этом Улита виновата. Как только он переехал ко мне, то стал слышать какие-то голоса, а потом и вовсе заболел. Скажи, зачем тебе понадобилась Улита? Может, я смогу тебе помочь?

– Ты?! – девушка грустно улыбнулась. – Ты, конечно, умеешь привораживать мужчин. Но мне-то что от этого.

– Ах, ты об этом, – Нина с облегчением откинулась на спинку кресла. – Ты хочешь понравиться какому-нибудь парню?

– Сколько я тебя помню, тебе всегда доставались самые лучшие ребята. Стоило лишь разочек взглянуть на них. Даже сейчас, после того, как твой жених сидит в психушке, ты прекрасно живешь с самым красивым парнем из нашей поселка, который с тебя пылинки сдувает. Тебе даже работать не нужно.

Запальчивый тон Насти совершенно не задел Нину.

– Ты хочешь поменяться со мной и жить рядом с Улитой?

– Я хочу, чтобы мой парень вернулся ко мне. Мне без него жизни нет. И только Улита может сделать приворот.

– Не стоит обращаться к ней. Последствия...

– Мне наплевать на последствия! – запальчиво перебила Настя. – Я жить без него не могу.

– Дура ты, Настя, – сказала в сердцах Нина. – Знала бы, что я пережила, когда Улита сделала на меня приворот. Я вставала ночью и в забытьи шла к Василию. Николай меня запирали. Когда на кого-то делают приворот, этот человек перестает быть самим собой. Нельзя вторгаться в душу человека против его воли. Это преступление.

– Тебе хорошо говорить, но что мне делать? Молиться? Положиться на судьбу? Что? – Настя нервно теребила край скатерти.

Нина вспомнила о том обряде, который подсмотрела в хрустальном шаре. Возможно, она могла бы попробовать провести его самой. Она в волнении вскочила с кресла и стала ходить по комнате. Что здесь главное? Почему, спустя века, он все еще продолжает действовать? Магическая сила слов или что-то другое? Скорее всего нужно верить, что с этого дня ты будешь обладать магической женской властью, способной подчинять себе мужчин. Нина остановилась у окна и задумчиво посмотрела во двор. Улита сгребала граблями желтые листья. Ее мрачная фигура сегодня показалась особенно зловещей. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Настя обратилась к ней.

– Я знаю, как можно помочь тебе, – сказала Нина, и в глазах у Насти зажегся слабый огонек надежды, который быстро погас, уступив место недоверию. – Как на счет того, чтобы получить неограниченную женскую власть над мужчинами? Ты хочешь иметь в себе такую силу?

– Конечно, но...

– Никаких «но». Это старинный обряд, я знаю заклинания. Сделаем его на рассвете на берегу озера. Тебе придется остаться на ночь.

Нина уложила Настю пораньше, чтобы та могла выспаться, а сама, слишком взбудораженная, чтобы заснуть, спустилась вниз к Василию, где он смотрел телевизор.

– Ну что, колдунья, готовишься к обряду?

– Перестань, пожалуйста. Я не колдунья и никогда не занималась бы этим, если бы все было хорошо. – Она стиснула руки. – Знаешь, иногда мне кажется, что какая-то темная сила влечет меня к магии. С трудом уговорила Настю не ходить к Улите. Пусть уж лучше я сделаю этот безобидный обряд. Как ты думаешь, у меня получится? – она вопросительно посмотрела на Василия.

– Это зависит от твоей силы воли. У тебя должен быть соответствующий настрой, а у твоей подруги слепая вера в твое могущество. Я заметил сегодня

вечером, что она посматривает на тебя, как на божество, – пошутил он. – А что?! Пожалуй, никто бы из мужиков не отказался иметь власть над всеми женщинами. Если у тебя получится, сможешь зарабатывать на этом хорошие деньги.

– Я не собираюсь этим заниматься.

– Другого я от тебя и не ожидал. – Василий зевнул и посмотрел на часы. – Уже поздно, наверно, пойду-ка спать. Телевизор выключить?

Нина кивнула, ощущая смутное желание удержать его. С ней явно что-то происходило. Она вновь начинала чувствовать, что попадает под власть его обаяния. Только теперь это не пугало. Она осознавала, что это новое чувство не имеет ничего общего с тем, которое появилось после приворота. Василий, словно что-то почувствовав, вопросительно посмотрел на нее.

– Ты хочешь еще поговорить?

– Нет, тебе показалось. Иди ложись.

– Можно поцеловать тебя на ночь?

– Лучше не надо, – затрясла она головой, чувствуя, как колотится сердце от желания, чтобы он это сделал. Да что же это с ней такое сегодня?

Василий усмехнулся, его темные глаза прожгли ее насквозь горячим взглядом.

– Спокойной ночи.

Он начал медленно подниматься по лестнице на второй этаж, но на середине лестницы остановился.

– Почему мне кажется, что ты не хочешь, чтобы я уходил?

– Тебе это только кажется. Спокойной ночи.

Нина задумалась о своих новых ощущениях. Когда она пришла в этот дом, не чувствовала ничего, кроме желания отомстить, но Василий повел себя так чутко и внимательно, ничего не требуя взамен и соглашаясь на все ее условия. Казалось, Василий счастлив уже только одним ее присутствием рядом, не настаивая на более близких отношениях. И эта его отстраненность, умение держать чувства под контролем поспособствовало возрождению прежнего чувства. Сейчас она относилась к нему так же, как до встречи с Николаем.

Взбудораженная собственными мыслями Нина долго лежала без сна, глядя в потолок. Неужели вся ее борьба за то, чтобы стать женой Николая была ошибкой? Почему она не могла понять, что всегда любила только Василия? Сколько непоправимых ошибок ей пришлось совершить, чтобы это понять.

ГЛАВА 22

Нина уверенно вела подругу через полутемный лес к озеру. Если Насте и было не по себе, она этого не показывала. Девушки остановились на берегу окутанного дымкой озера. Нина огляделась вокруг, и чувство радости, что она живет и мир прекрасен, нахлынуло на нее после ночного отчаяния. В этот час лес казался загадочным. Деревья, одетые в желтые и красноватые листья, чуть подрагивали на ветру. Некоторые из них, кружась, опускались, вплетаясь в пестрый ковер, заботливо укрывавший землю. Проскользнул первый солнечный луч, высветив золотые деревья, и пропал в озере. Прозрачная вода заиграла

капельками брильянтов. Природа начинала пробуждаться от ночного сна, готовясь встретить еще один новый день.

С трудом оторвавшись от созерцания природы, Нина начала громким голосом произносить заклинание.

– Ты любимая дочь Бога. Ты совершенство. Настоящая женская сила вливается в тебя и дает тебе неограниченную власть над всеми мужчинами. Ты сама вольна выбирать отцов своим детям, используя для этого любые средства, в которых нет никого искуснее тебя. Непрístupный замок женского превосходства светится в твоих глазах. Ты можешь все, только ты повелеваешь мужчинами. В миллионы раз возрастает твоя смелость и уверенность в себе. Твоя воля крепнет и позволяет тебе подчинять тех, кого ты желаешь, и никто не смеет отказать тебе. Через столетия я вижу тебя женственной и прекрасной, покоряющей самые непрístupные мужские сердца.

Еще долго Настя смотрела на пробудившийся осенний лес, прислушиваясь к новому ощущению себя. Ее напряженное лицо разгладилось, солнце освещало русые распущенные волосы, придавая им золотистый оттенок.

Настя как-то по-новому гордо повернула голову и посмотрела на подругу.

– Спасибо тебе. Я чувствую себя родившейся заново. У меня столько сил, что я могу покорить весь мир. И уж совершенно точно моего парня. Знаешь, я как-то сразу поверила в себя и почувствовала себя красивой. Что мне сделать, чтобы ты простила меня за ту зависть, которую я к тебе испытывала и за то, что предала нашу дружбу?

– Уже достаточно этих слов. Я давно тебя простила.

– Значит, мир?

– Мир! – повторила Нина, заключая Настю в объятия.

ГЛАВА 23

Нина ждала Василия с работы, нетерпеливо подгоняя время. Приготовила вкусный ужин и накрыла стол в гостиной. Два бокала, бутылка вина, нарядная скатерть. В духовке, наполняя дом приятным ароматом, запекалось мясо с сыром и грибами. Подойдя к зеркалу, удивилась, как блестят глаза. Никогда бы не подумала, что будет с таким трепетом ждать встречи с тем, кто еще недавно казался досадной обузой. Накинув куртку, Нина вышла на балкон, чтобы остудить горящее лицо. Уже смеркалось, но она издалека заметила высокую фигуру Василия, торопившегося домой. Почти бегом спустилась с лестницы, чтобы встретить его. Ей так хотелось броситься ему на шею.

– Как вкусно пахнет! – заметил Василий с порога.

– Я приготовила ужин, – она смущенно улыбнулась, но не стала ничего объяснять. Да он и не спрашивал, любясь ее блестящими глазами и покрасневшим от волнения лицом. Что-то сжалось в его груди, но он боялся поверить. Вдруг снова ошибется? Нина внесла в гостиную поднос.

Василий накинулся на еду и только, когда опустошил полностью тарелку, заметил, что Нина почти ничего не съела.

– Почему ты не ешь? Очень вкусно.

– Нет аппетита. Мне доставляет удовольствие смотреть на тебя.

– Ну да, – Василий улыбнулся. – Как на кормление диких зверей в зоопарке. Но мясо действительно восхитительное. Так увлекся едой, что даже забыл сказать тост.

– За самую красивую девушку на свете, – его темные глаза смотрели на нее с такой страстью, что Нина вновь почувствовала волнение.

– Давай, лучше за нас, – она ласково посмотрела на него.

Василий поставил бокал обратно.

– Не шути со мной.

Она обошла стол и села к нему на колени.

– Я поняла, что люблю тебя. Всегда любила.

Позже Нина осознала, почему так боялась их близости. Никогда раньше она так не желала мужчину, и это чувство полного растворения в другом существе опять испугало ее. Нельзя так сильно чувствовать.

Она встала и, накинув махровый халат, подошла к окну.

– Скажи еще раз, что ты не жалеешь о том, что произошло? – Василий обнял ее сзади за плечи. Она обернулась к нему, их губы встретились.

– Глупенький, как можно жалеть об этом? Это было прекрасно. Но мне страшно.

– Я люблю тебя и постараюсь защитить.

– Я никогда раньше не испытывала такого. Ты делаешь со мной что-то невозможное.

– Пойдем в постель, – он потянул ее за руку.

– Ты не выспишься перед работой, – поддразнивала его Нина.

– Мне нет никакого дела до работы, да и вообще до всего. Ты – моя, и эта ночь наша. И если я завтра умру, мне уже наплевать.

– Кажется, мы с тобой уже выяснили, что не умираем.

– Да, конечно. Но если мы не встретимся в следующей жизни, то зачем мне все это?

– Ты же все забудешь. Будешь считать, что эта жизнь единственная и будешь признаваться в любви другой девушке.

– Никаких других девушек. Жизнь без тебя не имеет смысла.

ГЛАВА 24

На следующий день утром, когда Нина еще нежилась в постели, позвонила Настя. Ее голос так звенел от возбуждения, что пришлось отодвинуть телефон подальше.

– Все получилось. Твой обряд – это что-то. Он вернулся ко мне. Я так счастлива. – Нина торжествующе улыбнулась. У нее получилось стать доброй колдуньей. Нет, не колдуньей, волшебницей. – И еще ты знаешь, я стала по-другому себя чувствовать. Так, словно мне принадлежит весь мир. Вчера я, как обычно, пришла на работу, посмотрела на него, нет, даже не посмотрела, просто кинула взгляд, и он сразу же подошел ко мне и предложил выйти. В коридоре сказал, что ошибся, умолял простить. Ну, я, конечно, помучила его для виду. Совсем чуть-чуть.

Нина встала с постели и оделась. Сначала позавтракает, потом займется чтением. После ночи с Василием ей еще больше захотелось разобраться во всем, что произошло. Она должна понять, почему для Улиты так важно, чтобы у них родился ребенок. Ее взгляд упал на календарь, и она с ужасом заметила, что вчера был один из благоприятных дней для зачатия, самая середина цикла. А она, полностью поглощенная своей внезапно вспыхнувшей страстью, совершенно забыла об этом. «Ладно, в конце концов, это не обязательно случается сразу».

Нина налила себе чашку горячего кофе и открыла «Каббалу чисел», которую недавно купила. Прочитав первые страницы, узнала, что каббалисты считали, что если Бог, сотворив мир, наделил каждую его частицу смыслом, то ее можно постичь посредством вычислений. А смысл учения о сотворении мира через Слово скрыт за бесконечными комбинациями цифр.

Знакомый со школы Пифагор был не только великим математиком, но еще и мистиком. Он изобрел теорию сокращения всех чисел. Эти цифры и являлись исходными, из которых можно получить все другие. Таким образом, число двадцать два редуцировалась в цифру четыре, а число пятьдесят пять, сначала в десять, а потом в единицу и так далее.

Численные значения приписывались и буквам. Соответственно этому можно рассчитать числовое значение имени, фамилии и отчества. Но поскольку с течением времени человек мог их изменить, то главными все же считались число, месяц и год рождения. Сумма этих чисел и есть число сущности. Именно число сущности определяет внутренний потенциал человека, его таланты и способности.

Нина отложила книгу. День рождения Василия приходится на седьмое июля. Старуха говорила, что их ребенок тоже должен родиться седьмого июля. Значит, этот день важен для них. Но она так и не знает почему. Василий говорил о каком-то празднике. Она вскочила и взяла с полки мифологический словарь и нетерпеливо раскрыла. Ну конечно! Седьмое июля – день Ивана Купала, который с древних времен считался праздником колдунов и ведьм. Соответственно, ребенок, родившийся в этот день, мог оказаться... О Господи, о чем она думает. Мало ли детей рождаются в этот день. Но все-таки... Взяла ручку и блокнот. Итак, попробуем. Василий родился седьмого июля одна тысяча девятьсот восемьдесят шестого года. $7+7+1+9+8+6=38=11=2$

Нина взяла книгу по нумерологии и нашла описание цифры два. «Двада предстает как злобный демон, осмелившийся отойти от Единого Бога и принести людям ложный огонь. Двойка – это число, впитавшее в себя порок и невежество, нестабильность и дерзость, жестокость и неуверенность. Двойка, являясь первым четным числом, вмещает в себя женские качества характера, такие как пассивность и уступчивость, что в сочетании с жестокостью и смелостью производят вероломство и двуличность. Таковыми являлись все убийцы и тираны, начиная со времен Каина. Это число войны и ненависти, поэтому люди с таким числом сущности должны быть осторожны в своих действиях, им противопоказаны алкоголь и наркотики, поскольку эти препараты могут спровоцировать полное порабощение личности темными силами, находящимися в подсознании. Цифру два можно интерпретировать, как бунт люцифера против бога».

Нина сидела, уставившись в пустоту, не обращая внимания на выпавшую из рук книгу. Люди из секты Улиты верили в Кабалу чисел, и все просчитали.

ГЛАВА 25

После ужина Нина и Василий устроились в гостиной. Тут и попалась ему на глаза «Каббала чисел». Он взял ее в руки и раскрыл. Между страниц белел исписанный Нининым аккуратным почерком листок в клеточку.

– Что это такое?

– Я пробовала кое-что подсчитать. Ты что-нибудь знаешь о нумерологии?

– Наука о цифрах. Где-то слышал об этом.

– Как ты думаешь, в братстве могли использовать нумерологию?

– Не знаю, – Василий задумался. – Возможно. Почему ты спрашиваешь?

– Я просчитала твое число сущности. Ну, в общем, будет лучше, если ты сам об этом прочтешь. – Нина открыла ему нужную страницу и ждала, сцепив руки на коленях. Прочитав, Василий долго молчал, размышляя о чем-то.

– Мне кажется, в этом что-то есть. Иногда у меня появляется непреодолимое желание разозлить кого-нибудь. Просто так, без причины. У тебя так бывает?

– Ну, если этот человек сделал мне что-то плохое, то... – Нина остановилась и нахмурилась.

– Это другое. Мне все равно, кто это будет. В этот момент мне, словно не хватает воздуха, и я должен сделать это, не смотря ни на что. Мне нужна его злость, его раздражение, я питаюсь его эмоциями, и мне становится легче. Помнишь, у нас был парень Лешка? – Нина кивнула. – Я все время над ним потешался, а вы хохотали. Наверно, все думали, что мне нравилось веселить вас, а я это делал для себя. Потом мне, конечно, было стыдно. Леха был совершенно безобиден. Даже сейчас у меня в бригаде есть парень, к которому я все время ощущаю желание придрататься.

– И ...?

– Ну, иногда борюсь с этим желанием, а иногда... – Василий замолчал, а потом поднял на Нину глаза: – откровенно издеваюсь над ним, пользуясь своим положением. Причем стараюсь это делать при людях. Однажды чуть не довел его до увольнения.

– Я никогда не испытывала ничего подобного. Наоборот, когда вокруг меня злятся, я стараюсь всех успокоить.

– Потому что ты другая. У тебя-то какое число получилось?

– Я не просчитывала.

– Давай я сделаю это. Это же интересно. Василий взял ручку и быстро написал Нинин день, месяц и год рождения и сложил сумму.

– У меня получилось шестьдесят три. А это редуцируется в девять. – Улыбнулся. – Конечно, у такого человечка, как ты и не могло получиться колдовской двойки. – Он открыл книгу и начал читать вслух: – Число девять является очень сильным числом и накладывает на людей отпечаток величественности и благородства. Человеку этого числа свойственно творить добро на благо других, подчас даже через собственное самоотречение. Вы обретете высшую награду тогда, когда поймете, что ваш долг – служить человечеству. Люди отовсюду будут стремиться к вам в поисках сострадания и утешения. – Василий захлопнул книгу и улыбнулся: – Очень тонко подмечено.

– Я не такая, – отмахнулась Нина.

– Ну как же? А помнишь, как ты еще в школе всем помогала? Не списывать давала, как другие, а пыталась объяснить. А твоя работа в больнице? А то, что ты пришла сюда жить со мной? Ты же это сделала не для себя, а чтобы Улита перестала творить свои злодеяния.

– Неправда, я хотела ей отомстить.

– Что-то я не заметил никакого мщения. Возможно, ты хотела ее остановить. Но в любом случае ты согласилась пожертвовать собой ради других.

– Все закончилось хорошо. Я полюбила тебя.

– Это счастье, которого я не заслуживаю. – Он взял ее за руку и прижал к губам. Потом посмотрел на нее страдающим взглядом. – Не хотел тебе говорить, но видно придется. Сегодня вечером Улита поджидала меня на улице, чтобы поговорить. Начался дождь, и мне пришлось пойти к ней. Она начала расспрашивать, как у нас с тобой дела. Ну, ты понимаешь, что я имею в виду?

– И ты ей сказал?

– Нет, конечно. Она сказала, что время благоприятного зачатия наступает, и я должен постараться.

Нине стало страшно. Все оказывалось еще хуже, чем она предполагала. Сумасшедшей старухе на самом деле нужен их ребенок. Василий обнял ее за плечи.

– Я посмотрела по календарю, вчера у меня был один из благоприятных дней для зачатия.

Он нежно посмотрел на Нину, представляя ее мамой. Он, она, их ребенок.

– Если бы не это дурацкое предсказание, я был бы только рад.

– Ты хочешь ребенка? – удивленно спросила Нина.

– Да, конечно, – он сжал ее руки, – но не в этих обстоятельствах. Я буду слишком бояться за него и за тебя. Больше не будем рисковать, но если ты забеременеешь, клянусь, я сделаю все, чтобы защитить вас.

Весь вечер они были слишком подавлены, чтобы разговаривать. Василий смотрел телевизор, а Нина пыталась читать, но ее мысли все время возвращались к Улите. Она была уверена, что Николай, еще одна жертва проклятого колдовства. Наконец, она решилась.

– Вася, – Нина подошла к нему, устраиваясь на подлокотнике кресла. – Есть одна вещь, которая не дает мне покоя. Только пообещай мне, что ты не будешь ревновать.

– Если ты меня поцелуешь и еще раз скажешь, что ты меня любишь.

Нина рассказала о встрече с Мариной и предложила вместе съездить к Николаю.

Василий нахмурил брови, с лица слетело довольное выражение. Одно упоминание об этом парне причиняло боль. Какое ему дело, что с ним произошло?!

– Слушай, Нина, я уже тебе говорил и еще раз повторю: Николай – слабак, вот у него крыша и поехала. И я совершенно не понимаю, как мы с тобой можем вернуть ее на место, – немного раздраженно заметил он.

– Зато я понимаю. Николай попал в вымышленный мир, его надо вернуть в реальность.

– И ты знаешь, как это сделать?

– Последний раз во время сеанса с шаром, я обратила внимание, что почти не пользуюсь им. Я даже закрыла глаза на какое-то время, но продолжала отчетливо видеть картинки. Такое впечатление, что можно обойтись и без него. В связи с этим я подумала, что можно с помощью только этой процедуры вернуть его в настоящее. Он потерялся где-то среди прошлых жизней.

– А ты уверена в том, что не собираешься вернуться к нему, если на него вдруг снизойдет чудесное исцеление? – ревниво произнес Василий.

– То, что было между нами уже в прошлом, – она обняла его и запустила правую руку в его кудри, ласково перебирая их. Он зажмурился от удовольствия и прижал ее к себе. – Я чувствую себя виноватой из-за того, что с ним произошло.

– Нет, виновата она, – Василий кивнул в сторону дома Улиты. – И ты права, мы должны помочь парню. Сумасшедший дом не самое лучшее место для него. Но если он снова будет приставать к тебе, я этого не потерплю.

– Успокойся, после того, что с ним случилось, он будет бояться меня, как огня, – заверила его Нина.

ГЛАВА 26

В субботу Нина и Василий поехали в психиатрическую больницу. Найти ее оказалось несложно: в таком маленьком городке, было лишь одно заведение подобного рода. В приемном отделении ребята представились дальними родственниками, и их провели к врачу. На их счастье врач не был приверженцем шоковой терапии. Нина облегченно вздохнула, дни предшествующие их посещению, она провела в читальном зале городской библиотеки и прочитала все, что было, про психотиков и невротиков и успела узнать, какое непоправимое воздействие оказывает электрошок на мозг.

– Прежде, чем вы увидите Николая, я должен рассказать вам о его состоянии и вашем поведении рядом с больным, – начал врач, откинувшись в кресле и устремляя свой взгляд на Нину. Василий заметил, что с начала беседы он не отводил от нее глаз. У него даже возникло ощущение, что он вряд ли замечает его присутствие.

– Так вот, – Сергей Иванович прокашлялся. – Ваш родственник Николай Коротков не осознает, где находится, и кто он на самом деле. У него видения, о которых он рассказывает. Например, он твердо убежден в том, что виноват в смерти друга, которого не было на самом деле и многое другое. Как рассказали его родные, во время его венчания произошел несчастный случай, и это потрясение сильно повлияло на него. Подготовьтесь к тому, что вы не увидите прежнего Николая, он очень изменился и скорее всего не узнает вас. Во всяком случае, он не узнает ни родителей, ни двоюродную сестру. В их роду уже было заболевание психического характера по отцовской линии. Разговаривайте с ним спокойно и ни в коем случае не упоминайте о его бывшей невесте. – Нина сделала над собой колоссальное усилие, чтобы не выдать себя и замерла на стуле. – Он находится в палате из трех человек, но вы можете побеседовать с ним в холле. Не думаю, что ваше посещение будет долгим.

– Скажите, а он может поправиться? – вступил в разговор Василий.

– Мы не делаем никаких прогнозов. Он не буйный и его вполне можно было бы через несколько недель выписать домой, но... – Сергей Иванович снова посмотрел на Нину. – Дело в том, что родители просили поддержать его здесь еще.

– Да как же это так? – воскликнула Нина.

– Такое бывает. Более половины пациентов находятся здесь постоянно.

– Но ему нужна помощь и внимание. – Она хотела еще что-то сказать, но потом подумала, что это можно ожидать от людей, которые не захотели приехать на свадьбу к собственному сыну.

– Кто знает, может именно вы и будете теми людьми, которые ему помогут. В прошлом году у меня был такой случай: к парню приехала девушка, с которой они расстались, и его состояние стало улучшаться с каждым днем. Вскоре я его выписал.

Нина решила, что более благоприятного момента не будет и сказала:

– Сергей Иванович, у нас будет необычная просьба. Нельзя ли нам побеседовать с Николаем наедине? Нам бы не хотелось, чтобы нас прерывали. Я не могу сейчас вам это объяснить, но это очень важно.

– Ни в коем случае! – строго сказал Сергей Иванович. – Мало ли что, вы можете принести ему. – Нина посмотрела на Василия, и тот быстро вышел. Его нервы были на пределе. С утра он ревновал Нину к Николаю, а вот сейчас уже к врачу.

– Пожалуйста. Я вас очень прошу, – взгляд голубых глаз Нины был умоляющим. – Если вы откажетесь, я не знаю, что мне делать. Поймите, это может оказаться очень важным для него. – Она достала из сумки конверт с деньгами и положила на стол. – Поймите, это не взятка. Маленькая благодарность за то, что вы пошли мне навстречу. Клянусь, что не сделаю ему ничего плохого. В конце концов, если вы не хотите взять эти деньги себе, купите для больных еще один телевизор или что-нибудь еще.

Сергей Иванович колебался. Ему были нужны деньги на лекарства для умирающей от рака тещи, но просьба казалась столь странной и необычной, что он сомневался.

– Вы можете попросить медсестру обыскать нас, – добавила Нина, словно они были в тюрьме.

Мозг врача лихорадочно работал. Если он действительно попросит оставить их вещи в кабинете и убедится, что у них с собой ничего нет, что могло бы навредить больному, то почему бы и не предоставить им отдельную палату. Он еще раз внимательно посмотрел на Нину, на ее открытое лицо с беззащитными светлыми ресницами. Такая девушка не может сделать ничего плохого. Слегка хриплым голосом он дал свое согласие.

Нина улыбнулась, и ему показалось, что в кабинете в этот хмурый осенний день стало светлее. Бывают же такие девушки. Только ему почему-то не встречаются. Врач вздохнул, вспомнив свою скандальную, вечно уставшую жену.

– Подождите меня в коридоре, я выйду к вам, – произнес он, убирая конверт с деньгами в стол.

Прошло некоторое время, прежде чем он смог снять трубку телефона и вызвать медсестру. Он даже не заглянул в конверт, в такой момент ему не хотелось думать о деньгах. Он сделает это позже, когда пройдет это чудесное

состояние. «Вот повезло цыгану», – с раздражением подумал он, вспоминая тяжелый взгляд Василия.

Василий ждал Нину, прислонившись к стене.

– Ну как?

– Он согласился.

– Нисколько в этом не сомневался, – хмыкнул Василий. – Мне хватило одного взгляда, чтобы это понять. Мужчины – воск в твоих руках. Ты делаешь из них все, что хочешь. Его голос звучал с раздражением, но Нина была слишком взволнована предстоящей встречей с Николаем, чтобы успокаивать его.

Сергей Иванович привел их в пустую с решетками на окнах двухместную палату. Больничная мебель прикручена к полу.

– Хороша, обстановка, – Василий нервно усмехнулся. – Небо в клеточку, а друга приведут в полосочку.

– Перестань говорить глупости, – одернула его Нина.

Дверь открылась и в палату вошли пожилая медсестра с Николаем. Его серая застиранная пижама действительно оказалась в белую полоску. Выглядел он ужасно: когда-то стриженные ежиком светлые волосы теперь свисали сальными прядями на лоб, нижнюю часть лица закрывала неопрятная борода. Нина бы не узнала его, если бы встретила на улице. Неужели это тот самый Николай, за которого она собиралась замуж? Больной медленно опустился на соседнюю кровать.

– Привет, – выдавила из себя Нина, присаживаясь напротив.

– Здравствуйте.

– Ты не узнаешь меня?

Николай покачал головой и, равнодушно скользнув взглядом по Василию, уставился в окно. Некоторое время, Нина пребывала в легком шоке, пока Василий не сжал ей руку.

– Коля, я здесь, чтобы помочь тебе. Я проведу тебе процесс, который тебе необходим. Ты согласен?

Николай кивнул, не задавая вопросов. Казалось, ему было безразлично, что делать.

– Я буду давать тебе команды, а ты будешь их выполнять. Пожалуйста, встань и дотронься до этой стены, – Нина показала на стену рядом с ним.

Николай дотронулся до стены и послушно посмотрел на Нину.

– Спасибо, теперь дотронься до этой стены, – она показала на другую стену. Примерно в течение получаса она гоняла его от стены к стене, заставляя смотреть то в пол, то в потолок, пока в его бессмысленных глазах не появился проблеск какого-то понимания. Об этом процессе она вычитала в медицинском журнале. Там говорилось, что он помогает человеку осознать, где он находится. – Ты знаешь, где ты? – спросила она.

Николай нерешительно посмотрел на нее.

– Я ничего не знаю.

– Вернись в настоящее время.

Николай помотал головой и отмахнулся от картинок, возникших перед ним.

– Вернись в настоящее время, – доносился до него голос Нины, но он не видел ее, он видел перед собой только огонь, огонь, пожирающий иконы и

разрушающий церковь, в которой он находил свое спасение. Внезапно он увидел молодого человека в костюме с красивой девушкой в свадебном платье.

– Будь здесь и сейчас.

– Я не могу, – Николай повалился на кушетку, закрывая лицо руками, чтобы ничего не видеть. Нине стало страшно, и она умоляюще посмотрела на Василия.

– Не бойся. Он попал в какой-то эпизод своей жизни. Спроси, что с ним происходит.

– Что происходит? – спросила Нина, придавая своему голосу спокойствие, которого более не ощущала.

– Огонь, везде огонь, – Николай съежился и кашлянул, словно задыхался. – Стена огня. Я не могу пройти через нее.

– Что еще происходит?

– Горит церковь, горят иконы. Я вижу девушку в белом платье. Она уходит от меня.

Нина повернулась к Василию и прошептала:

– Он рассказывает про нашу свадьбу.

– Как зовут эту девушку? – спросил Василий.

– Я не знаю, – Николай открыл глаза и сел. Какое-то время он вглядывался в Нинино лицо. – Ты опять пришла. Твое лицо, ее лицо. Ты все время приходишь ко мне во сне и никогда наяву. Я знаю твое лицо. Но я не помню тебя. Кто ты?

– Ты должен сам вспомнить. Кто была та девушка в церкви?

– Это была ты, – уверенно сказал Николай.

– Тогда кто я, назови мое имя.

– Ты Анна, – вдруг сказал он.

Нина вздрогнула. Наверно, они все сошли с ума. Она сама иногда испытывала сомнения, была ли она Анной, и существовали ли те прошлые жизни, которые они видели в шаре. Но почему тогда Николай назвал ее Анной? Может, это случайность?

– Где вы встретились с Анной?

– Я не помню. Ничего не помню.

– Ну, хорошо, закрой глаза и вернись в тот момент, когда вы были вместе с Анной. Рассказывай, что ты видишь.

– Темная лунная ночь. Я держу лошадь под уздцы, спрятавшись под деревом. Наконец, она приходит. Ее лицо скрыто под капюшоном. Я помогаю ей сесть на лошадь. Она крепко держится за меня. Мы скачем прочь от замка, но ее муж догоняет нас и требует, чтобы она вернулась.

– Как зовут мужа? – спрашивает дрожащим голосом Нина.

– Она называет его Артуром.

Только сейчас Нина понимает, что он рассказывает ей о той жизни, в которой она была Анной. Роковой треугольник, появившийся через столетия, чтобы опять запутать их. Она смотрит на Василия, и он шепчет ей на ухо:

– Это продолжение истории. Он говорит правду. В той жизни его звали Ричард. Спроси его имя.

– Как твое имя?

– Ричард, – уверенно отвечает Николай.

Нина чувствует, что у нее дрожат колени. Это не может быть правдой. Или может? Они сходят с ума вдвоем или просто вторглись в тот запредельный мир, о котором принято говорить, что он не существует?

– Вернись в настоящее время, – приказывает ему Нина, вкладывая в свою команду всю свою силу и намерение. В этот момент она и сама чувствует, как ее охватывает страх.

Стремительный поток выхватывает Николая из прошлого. Он открывает глаза. Перед ним одно и то же лицо. Как ее зовут? Он пытается вспомнить ее имя.

– Нина, – вдруг неуверенно шепчет он, и разбросанные куски памяти, подобно мозаике, выстраиваются в картину. Взгляд становится осмысленным. Где бы он ни был до сих пор, сейчас он определенно вернулся. Василий выходит из палаты, чтобы своим видом не травмировать Николая.

– С возвращением, – говорит Нина, когда они остаются одни.

– Что со мной было? Где я? – спрашивает у нее Николай, с удивлением оглядывая решетки на окнах и прикрученные к полу стулья.

– Ты немного запутался в своих прежних жизнях, а в нашем обществе такого человека принято называть... – она запнулась, еще не зная какое подобрать слово, но Николай уже прервал ее:

– Господи! Я знаю, где я. Это же больница. Я все вспомнил. Они упекли меня в психушку!

– Кто эти они?

– Мои родители. А я всего лишь пытался им рассказать, что видел.

– Не нужно их винить, они просто испугались. Когда человек начинает общаться с теми, кого не существует в их мире, люди называют это сумасшествием.

– Ты тоже считаешь меня сумасшедшим?

– Нет.

– Но я совершенно точно видел все эти картины. Ты была Анной, и ты убежала со мной. Вот только не знаю, кто был твоим мужем.

– Моим мужем был Артур, который в этой жизни носит имя Василий.

– Откуда ты это знаешь? – Николай подозрительно посмотрел на Нину.

В нескольких словах Нина рассказала ему об их опытах с хрустальным шаром и о том, как начиналась и закончилась история, связавшая их в один клубок. Николай слушал ее, не перебивая, и только иногда в его глазах мелькали искорки сомнения.

– Так что в этой жизни мы снова встретились, чтобы повторить ту же самую историю, – улыбнулась Нина.

– Этого не может быть!

– Тогда как ты объяснишь то, что происходило между нами троими? Мы были помолвлены с Василием со школы, в той жизни мы были с ним мужем и женой, потом появляешься ты, и я влюбляюсь в тебя и бросаю его. Я начинаю жить с тобой, и у нас как в этой жизни, так и прошлой, ничего не получается.

– Значит, ты все-таки вернулась к нему? – спросил Николай.

– Да, – подтвердила Нина. – И еще я знаю, что это было правильным решением. Ты должен идти другой дорогой. Мы снова встретились в этой жизни, чтобы доиграть свои партии.

– Так я оказался в психушке.

– Жизнь со мной оказалась слишком большим потрясением для тебя. Сначала появился твой друг, с которым ты играл в шахматы, а после пожара, ты и вовсе оказался вне этой жизни.

– Все утверждают, что не было аварии и не было Вовки. Но я же видел его, я знаю об этом! – Он вымученно посмотрел на Нину.

– Я уверена, что был, но в прошлой жизни. – Нина взяла его руки в свои и твердо сказала: – Не думай сейчас об этом. Я уверена, тебя скоро выпишут.

– Спасибо тебе.

В дверь тихо постучали, и Нина быстро встала.

– Будет лучше, если ты не будешь никому рассказывать, чем мы с тобой здесь занимались. Не думаю, что твой врач поймет это правильно. Скажи, что я напомнила тебе один случай, и память вернулась.

– Ладно, – Николай улыбнулся ей и подошел к окну. Ему захотелось как можно скорее выбраться отсюда и начать новую жизнь. Было легко: он чувствовал, что мучившая его боль, наконец, ушла. Потом, когда он окончательно поправится, подумает обо всем, что с ним произошло. Нина обняла его на прощание, и Николай понял, что чувство, которое он испытывал к ней, осталось в прошлом. С Ричардом.

ГЛАВА 27

Через пару недель Нина почувствовала первые признаки беременности. Надеясь, что все обойдется, она ничего не говорила Василию, пока не сходила к врачу, который подтвердил ее опасения. Всю дорогу домой будущая мать была погружена в свои мысли, что не замечала ничего вокруг.

– Здравствуйте, Нина, – Алексей появился перед ней так неожиданно, что девушка вздрогнула.

– Здравствуйте, – пробормотала она. – Ей совершенно не хотелось ни с кем разговаривать, но не остановиться было бы невежливо.

– Как ваши дела?

– Спасибо, хорошо.

– У вас расстроенный вид, – заметил он. – Я могу вам помочь?

– Нет, вряд ли. Просто я узнала одну не слишком приятную новость, и теперь не знаю, как поступить, – отмахнулась она, пытаясь обойти его.

– Расскажите мне. Вдруг я мог бы дать вам нужный совет?

– Я знаю наперед ваши советы, – раздраженно заметила она. – Прийти в церковь, покаяться и получить отпущение грехов. Молиться и верить, что Бог не оставит меня. Если бы он существовал, он бы не допустил того, что случилось.

– Ну, зачем вы так, Нина? – Алексей грустно посмотрел на нее. – Если вы позволите, я провожу вас. Мне все равно в вашу сторону. Мне кажется, что вы изменились. Вы уверены, что правильно поступаете, оставаясь в этом доме с Василием?

– Да, – серьезно сказала Нина: – Я уверена, что поступаю правильно. А вы, надеюсь, больше не будете меня уговаривать, чтобы мы с Василием пришли в церковь и обвенчались? – с сарказмом спросила она.

– Я бы посоветовал вам уехать куда-нибудь. Эти люди погубят вашу душу. Вы не понимаете, что вы подвергаетесь опасности.

«Это как раз я и понимаю», – мрачно подумала Нина.

– Зачем вы вернулись к Василию? – продолжил Алексей. – Если вы вообразили себя спасительницей, так это не в ваших силах, а в руках Божьих.

– Тогда почему же ваш Бог не помог Николаю и позволил родителям отправить его в сумасшедший дом? – резко спросила Нина. – А ведь, кажется, Николай последнее время стал настоящим христианином.

Увидев его расстроенное лицо, она прикусила язык. Зачем она, вообще, она упомянула об этом?

– Я ничего не знал об этом.

– Сейчас ему лучше, – быстро сказала она. – Нам удалось вытащить его.

– И как вы ему помогли?

Нина улыбнулась и начала рассказывать, что его проблемы были не в этой, а в прошлой жизни. Алексей прервал ее, заметив, что церковь отрицательно относится к реинкарнации. С какой-то злостью Нина поняла, что ей удалось расстроить его.

– Пожалуй, будет лучше, если я пойду дальше одна.

– Нина, Нина, – Алексей грустно смотрел на нее. – Вы опускаетесь все дальше и дальше в пропасть. Бегите от Василия. Спасите вашу душу. Бог готов принять вас и простить ваши грехи.

– А я не нуждаюсь в прощении. Достаточно и того, что некоторых своих поступков я никогда себе не прощу. Мне придется жить с этим. – Она впервые почувствовала свое превосходство над священником, потому что считала, что теперь знает больше него. – Да и слишком поздно.

– Не бывает слишком поздно.

– Я беременна от Василия, – бросила она ему и с удовлетворением заметила, как исказилось его лицо. – Или вы посоветуете мне сделать аборт? Что мне сделать, скажите? Родить ребенка, которого ждет Улита, чтобы сделать из него колдуна по своему подобию или убить его еще в утробе? Что? Что подскажет вам ваш Бог?

Алексей отшатнулся. Ему показалось, что впервые в лице Нины промелькнуло что-то злое. Неужели дьявол забирает ее к себе? Этого нельзя допустить. Но почему у него никогда не находится нужных слов, чтобы переубедить ее? Почему рядом с этой девушкой он всегда чувствует себя растерянным?

Нина наблюдала за ним, испытывая тайное наслаждение от своего бунта. Впервые она разрешила себе быть такой прямой и откровенной. Она не станет больше слушать его проповеди. Теперь он оставит ее в покое.

Алексей молча смотрел ей вслед, понимая, что теряет ее. Слишком поздно для спасения.

Василий застал Нину, сидящей в темноте у окна. Она не вышла встретить его, как обычно. Смотрела на выпавший утром снег. В камине потрескивали березовые поленья, комната выглядела теплой и уютной, если бы не висевший в воздухе страх.

– Милая, что случилось? Почему ты не зажигаешь свет?

Нина шмыгнула носом.

– Мне надо тебе кое-что сказать. Сегодня я была у врача, и он... – Она разрыдалась, так и не закончив фразы.

– Ты беременна?

– Да.

– Это точно?

– Шесть недель. Ребенок должен родиться в первых числах июля. Возможно, даже в день Ивана Купала.

Василий, присев на корточки, взял ее ледяные руки в свои.

– Это я во всем виноват. Надо было держаться от тебя подальше. Я сделаю все, чтобы вас защитить. Ты веришь мне?

Да, – Нина кивнула. – Но как ты это сделаешь? – Может, все-таки мне сделать аборт? Вдруг Улита заберет его у нас?

– Нет, ни в коем случае. Никаких аборт. Я уже люблю этого малыша и готов на все, даже на самые крайние меры.

– Что ты подразумеваешь под крайними мерами? – тихо спросила Нина.

– Если придется убить Улиту ради спасения тебя или малыша, я сделаю это.

– Ты сходишь с ума. Должен быть другой выход.

– Есть, я расскажу тебе о нем. Перестань плакать. – Он достал из кармана платок и вытер ей слезы. – Тебе нельзя расстраиваться. Скажи, ты сегодня ела что-нибудь?

Нина отрицательно покачал головой. С утра ее так мутило, что она даже не смогла выпить кофе. Потом ездила в поликлинику, а уж когда узнала, что беременна и вовсе забыла о еде.

– Теперь тебе надо заботиться о себе. – Он встал и включил свет. – Пойду, приготовлю что-нибудь поесть.

ГЛАВА 28

За ужином Нина едва смогла проглотить несколько кусочков жаркого. Все ее мысли крутились вокруг того, как спасти их будущего ребенка, и она не понимала, почему Василий отложил такой важный разговор. И как он, вообще, мог есть с таким аппетитом? Она отодвинула тарелку и вопросительно посмотрела на него, но Василий сделал вид, что этого не заметил. Хотел выиграть время, чтобы еще раз внимательно обдумать: стоит ли втягивать в ее в это дело. Без сомнения, он сделал бы все сам, но боялся, что не хватит сил. Он так долго считал Улиту своей родной матерью. Но теперь есть только он и его любимая, и они вдвоем должны противостоять злу, которое она несет в себе. Опасность существует. Он в этом уверен. Если бы Улита оставила их в покое, они бы уехали и начали все заново на новом месте. Но с ее способностью находить пропавшие вещи и людей, она отыщет их где угодно. Да и некуда им бежать. Здесь у него есть дом, работа. Где и на что они будут жить? Отодвинув тарелку, он попросил Нину сварить кофе. Она молча вышла из гостиной. Василий уронил голову на руки, из груди вырвался стон. Он может позволить себе эту минутную слабость в одиночестве. Потом он вновь станет собранным и уверенным, чтобы не пугать Нину. Настанет ли день, когда они будут свободны? Всю свою сознательную жизнь он жил испытывая

прямое или косвенное давление Улиты, и вот сейчас есть веская причина вырваться из-под ее гнета. Тогда почему же так страшно? Василий вздохнул. А ведь он должен быть храбрым. Ради Нины. Ради их малыша.

Услышав ее шаги, он выпрямился и пригладил волосы. Она поставила поднос на стол и забралась в кресло с ногами, вновь устремив на него вопросительный взгляд. Василий рассказал ей о каббалистическом проклятии, которое использовали иудеи. С помощью особой молитвы призываются ангелы-мучители, расправляющиеся с человеком, которого надо убрать. Произносится на кладбище в полночь. Читать нужно десяти женатым мужчинам, все должны быть в черном, а один из них в белом. С помощью этого заклятия по легендам погибло много людей, в том числе и Троцкий, а Шарон оказался в коме.

– Подожди, – Нина нахмурилась. – Они просто читали эту молитву на кладбище и больше ничего не делали?

– Это происходит не сразу, но достаточно быстро. И можно думать, что те, кто читал не виноваты. Бог покарал.

Нина нахмурилась.

– Это все равно, что заговор на смерть. То, что Улита делает. Участвующие в обряде создают мысленную картину наказания, которая потом притворяется в жизнь. Для этого и нужны десять мужчин, чтобы усилить вероятность происхождения с этим человеком несчастья. На самом деле это настоящее убийство. Даже если предположить, что бог существует, зачем ему ждать, пока его попросят, чтобы кого-то призвали к ответу. Неужели он не видит, кого нужно наказывать?

Василий задумался. Если посмотреть на это с такой точки зрения, то нет разницы убить топором или с помощью обряда. Почувствовав духоту, распахнул форточку, и в комнату ворвался морозный воздух. Нина поежилась и накинула шаль на плечи. Василий подошел к бару и плеснул себе в стакан виски. Выпил залпом. Потом осмелился – был уверен, что она его осуждает – снова взглянуть на Нину. Ее лицо было серьезным и даже строгим.

– Сделав это, чем мы с тобой будем отличаться от Улиты?

Василий бросился в кресло и закрыл лицо руками. Когда поднял голову в его глазах стояли слезы.

– Прости меня. Мне не надо было до тебя дотрагиваться. Я проклят с самого детства.

Увидев его страдания, она пожалела о своих словах. Что толку в правильных рассуждениях? У них нет выхода. Другого выхода.

– Забудь о моих словах. Я просто рассуждала. У нас есть замечательное оправдание: мы хотим спасти нашего ребенка.

В его темных глазах застыла нечеловеческая боль.

– Ты уверена в этом?

– Да. И чем раньше, тем лучше, – решительно сказала Нина. – К чему откладывать?

– Может, мне попробовать одному?

– Ты говорил, что нужно десять человек, а нас только двое. Мы должны быть очень сильными. Примерно в шесть раз сильнее обычного человека, поэтому давай, как советуют в книгах, сосредоточимся на накоплении внутри себя этой негативной энергии. Мы будем вспоминать только плохое, что нам сделала Улита.

Она убила мою мать. Она, – Нина сжала кулаки, и ее голубые глаза сузились от злости, – она устроила поджог в церкви. Она чуть не лишила разума Николая. – Нина перечисляла преступления Улиты, как верующие перебирают четки во время молитвы.

Василий чувствовал, как ярость охватывает все его существо, создавая тот самый необходимый черный поток, который несет с собой смерть.

– Улита лишила меня нормального детства, сделала так, что я не знаю имен своих родителей, и она хочет сделать из нашего ребенка исчадие ада, – перечислил он хриплым голосом.

Нина взглянула на висевшие на стене часы и быстро сказала:

– Сделаем это сегодня, чтобы не откладывать?

ГЛАВА 29

На темном ноябрьском небе проносились быстрые облака, сквозь которые проглядывала полная луна. Держась за руки, Нина и Василий подошли к кладбищу. Чуть помедлив у входа, вступили в царство мертвых. У ворот кладбища горел один единственный фонарь, освещая простые памятники ушедших. Тихое деревенское кладбище. Только сейчас Василий понял, что если бы он был один, наверно, струсил бы и убежал. Он ужасно боялся мертвецов и кладбищ даже днем. Покосился на Нину, но она уверенно шла вперед по центральной аллее, видимо, не испытывая страха.

– Куда ты идешь? – шепотом спросил он, озираясь по сторонам. Ему так и казалось, что за каждым памятником кто-то притаился. Хотя, – успокаивал себя Василий, кому кроме них, могла прийти идея, отправиться ночью в такое место? Только Улите. Но в ее домике, когда они уходили, горел свет.

– Мне пришла в голову одна мысль, – тоже шепотом ответила Нина. – Если нам нужна помощь, почему бы не прочитать этот текст на могилах моих родителей.

– Мне кажется не стоит идти так далеко, – с ужасом сказал Василий. Он помнил, как далеко от входа была похоронена Дарья Дмитриевна. Нина почувствовала, как дрогнула его рука.

– Пожалуйста, давай сделаем это там. Это недалеко. В конце этой дорожки надо повернуть направо. Я пойду вперед.

Нина выпустила его руку и осторожно стала пробираться между могилами. Вдалеке завывала собака. Василий споткнулся о камень и растянулся на чьей-то могиле. Рука ощутила холодный скользкий камень, а нога провалилась в сырую землю. Он еле сдержал стон. В этот момент был уверен, что мертвец потянет его за собой. Чертыхаясь, поднялся.

– С тобой все в порядке? – спросила Нина.

– Да, я просто споткнулся. Такая темнота.

– У тебя в кармане фонарик.

Василий выхватил из кармана фонарик и какое-то время водил им по сторонам, пытаясь убедиться в том, что они здесь одни.

– Может, лучше вернемся?

– Дай мне фонарь, я хорошо знаю дорогу. Не бойся. Мертвые не опасны.

Василий не мог с этим согласиться. Покойников и кладбищ он боялся куда больше, чем живых. Рубашка прилипла к телу от пота. Хорошо еще, что в темноте не заметно, как ему страшно. У могилы родителей Нина остановилась и высветила фонариком родные лица на памятнике.

– Ну, вот и пришли. Мне кажется, что тут не так страшно, как везде.

Василий посмотрел на часы со светящимся циферблатом и сказал, что пора начинать, но Нина опустилась на колени перед памятником.

– Мамочка и папочка. Мы пришли сюда, чтобы наказать Улиту и спасти нашего будущего ребенка. Помогите нам остановить ее. Прошу вас, присоединитесь к нашей молитве. Нам очень нужна ваша помощь. – Нина повернулась к Василию. – Начинай. Помни, ты должен вложить все свое намерение, всю свою силу. Снова и снова вспоминай ее преступления и удерживай черный поток ненависти.

Если Василий и волновался до этого, то сейчас почувствовал неожиданный прилив сил, словно Нины родители на самом деле услышали просьбу их дочери и присоединились к ним. Он погасил фонарь, и луна осветила фотографию Дарьи Дмитриевны. Ему сразу вспомнились похороны и все, что этому предшествовало.

– Мы собрались здесь во Имя Твое, и просим Тебя ради священных строк, читаемых нами, услышать и совершить свой суд безотлагательно...

Голос Василия раздавался над ночным кладбищем и в нем была сила, побуждающая проклятие к действию. Сейчас они оба не сомневались, что рано или поздно Улиту призовут к ответу.

Василий закончил, памятник погрузился во тьму. Молодой человек зажег фонарь и нашел руку Нины. Она наклонилась и поцеловала фотографию мамы на памятнике. «Словно поблагодарила за помощь», – подумал Василий. Домой возвращались молча, как и было предписано.

ГЛАВА 30

Возмездие запаздывало. Встречаясь с Улитой, Нина и Василий опускали глаза, стараясь побыстрее проскользнуть мимо, снова и снова терзаясь вопросом, когда бог накажет колдунью. В ночь под пятницу будущему отцу приснился страшный сон. Когда проснулся, понял, что это был знак, что все произойдет сегодня.

Василий несколько раз звонил Нине, но она каждый раз говорила, что все как обычно. Только с наступлением сумерек молодая женщина заметила, что Улита направилась в баню. Почувствовав, что не в силах находиться дома, Нина быстро оделась и вышла на улицу. Замедлила шаг только, когда начала задыхаться. «Куда я бегу?» – спросила она себя, но не смогла найти разумного ответа на этот вопрос. Страх тисками сдавливал сердце, заставляя уходить все дальше и дальше. В кармане куртки зазвенел мобильный телефон, и Нина быстро схватила трубку.

– Ты где?

Нина сказала, что как только заметила, что Улита заперлась в бане, вышла на улицу. Не смогла больше находиться дома.

– Наверно, опять задумала какое-то колдовство против нас. Мне кажется, она знает.

– Не возвращайся в дом без меня. Мне приснился сон. Не могу сейчас рассказать, – в трубке послышались гудки.

Нина набрала номер Василия снова, но вежливый женский голос сообщил, что абонент находится вне зоны действия сети.

– Что за черт?! – выругался Василий, глядя на погасший экран. Попробовал включить снова. Безуспешно.

– Юрка, дай мобилу, – попросил он парня из бригады.

– На, держи. Только осторожнее. – Я его купил позавчера. – Парень с любовью держал новую игрушку на широкой мозолистой ладони. – Видишь, какой красавец? У него столько функций, просто обалдеть. И фотоаппарат, и плеер...

– Хватит болтать, – еле сдерживая нетерпение, Василий вырвал телефон из рук. И ту понял, что не помнит нового номера Нины.

– Проклятие, – пробормотал он и чуть не швырнул бесполезный телефон об асфальт. Неуправляемое желание сорвать на ком-нибудь злость захватило его целиком и только колоссальным усилием воли, он заставил себя успокоиться. Быстрыми шагами покинул стройку и направился по безлюдной улице, снова припоминая сон.

Ему приснился пожар. Горела баня. Улита была внутри, и он чувствовал, что ему нельзя подходить к ней. Но, услышав ее крик, выбил дверь и вытащил ее. Вид ее обгоревшего тела был страшен. Черными руками она протягивала ему свой амулет. Он проснулся. Весь день сон не выходил у него из головы. Он знал, что умирая, колдун, должен передать кому-нибудь свое мастерство.

Василий снова достал из кармана телефон и попытался включить. После нескольких неудачных попыток убрал его в карман. Как найти Нину? В их поселке было много параллельных улиц. Он шагал так быстро, как мог. Теперь он был почти уверен в том, что все произойдет так, как ему приснилось. Стало страшно. Он нерешительно остановился на перекрестке, вглядываясь вдаль. Уже совсем стемнело. Пятнами горели фонари. Где же ты, милая? Только не возвращайся домой. Василий свернул налево и опять ускорил шаг. Теперь он почти бежал, но и на этой улице Нины не было. Надо зайти домой, чтобы убедиться, что ее там нет. Потом он снова будет ее искать. Подходя к дому, почувствовал запах гари. Тяжело дыша, распахнул настежь калитку и остановился. Горела баня. Значит, бог, в которого он никогда не верил, услышал их молитву. Ему надо уйти и сделать вид, что его здесь не было. Страшный стон, доносящийся из бани, пригвоздил его к месту. Стон раненого зверя, а не человека. Василий задрожал. Он уже слышал этот стон! Во сне! Стон повторился.

Он выбил дверь ногой и ворвался внутрь. Улита лежала на полу. Василий вытащил ее на воздух, положив на снег. Одежда обуглилась, обгоревшее тело пахло паленым. Он убил ее! Он – убийца! Неожиданно Улита закашляла. Он мог поклясться, что в этот миг обрадовался. «Прости меня», – прошептал он, опускаясь на колени.

– Не подходи к ней! – услышал он отчаянный знакомый крик и оглянулся.

В двух шагах от него стояла Нина. В ее памяти всплыли слова отца: «настанет момент, когда он перестанет сопротивляться, и тогда Улите удастся забрать его в царство зла».

– Вася, оставь ее, она получила по заслугам. Ей нужно передать свою власть перед смертью.

– Сынок, – застонала Улита. – Приподними меня. Я задыхаюсь, – Василий стянул с себя куртку и подложил ей под голову. Он чувствовал свою вину, и, стоя возле нее на коленях, был готов умолять о прощении.

Нина схватила его за плечо, пытаясь оттащить.

– Вспомни, скольких людей она погубила. Вспомни мою мать, – ее голос сорвался, она видела, что они не реагирует на нее. – Я умоляю тебя: отойди от нее ради нашего малыша. Упоминание о ребенке придало Улите сил. «Значит, их будущий правитель родится вовремя».

– Не верь ей, – прохрипела старуха. – Ты должен передать наши знания своему сыну.

Нина вцепилась в Василия и попыталась оттащить.

– Не слушай ее. Неужели ты хочешь погубить нашего ребенка?

– Разве ты не видишь, что она умирает? Я не могу оставить ее сейчас, – он склонился над Улитой.

– Сынок, я должна назвать тебе твое настоящее имя. Имя, которое поможет тебе занять место в наших рядах. Тебя зовут... – она сделала паузу, и ее рука начала шарить у себя под рубашкой. Василий вспомнил сон и понял, что сейчас произойдет. Посмотрел на Нину, которая в этот момент показалась ему ангелом. Тихим покорным ангелом, который сложил крылья, потому что больше не в силах помочь. Старуха сорвала амулет с груди. – Твои родители называли тебя Иваном, в честь нашего почитаемого Купало.

– Иван, – повторила Нина, пытаясь понять, почему это простое русское имя нагоняет на нее такую тоску. Внезапно поняла. Нумерология. Буква «и» – это единица, буква «в» – тройка, буква «а» снова единица, а буква «н» – шестерка. Сложив быстро цифры, получила одиннадцать, что при редукции давало двойку. Ту самую дуаду, которая соответствует колдовскому числу. Эта проклятая двойка уже присутствовала в числе сущности, и теперь она появилась в имени.

– Так значит, ты подтверждаешь, что вы украли меня? – воскликнул пораженный Василий.

– Нам пришлось долго искать тебя. – Улита сунула амулет ему в руку. – Храни это, Иван. Здесь твоя сила.

Чувство невозвратимой потери нахлынуло на Нину. Все кончено. Она потеряла его. Ей нельзя было уходить. По ее лицу текли слезы. С амулетом Улита передала ему свое тайное знание. Теперь он тоже принадлежит темным силам. Нина выхватила у него из рук амулет и бросила в огонь. Губы старухи искривились, и она выдохнула:

– Теперь ты один из нас. Передай наше знание своему сыну.

Из ее горла вырвался предсмертный хрип.

– Она умерла, – Василий жалобно взглянул на Нину.

Нина молчала, глядя на старуху. Она не могла заставить себя приблизиться к ней, чтобы удостовериться в ее смерти. Она не чувствовала ни жалости, ни угрызений совести, лишь только боль, от того, что старухе вновь удалось перехитрить их.

Весть о смерти бабки Улиты быстро облетела деревню. Желающих проститься не оказалось. Тучковцы при встрече с тем, кого считали ее сыном, опускали глаза и проходили мимо, а те немногие, выражающие соболезнования, выглядели неискренно. Василий это чувствовал, но ему не было до этого дела. Его терзало чувство вины, словно он убил ее собственными руками. Все считали это несчастным случаем. Но он-то хорошо помнил ту ночь на кладбище, когда они призывали наказать ее. Наказать, наказали. Но как теперь жить? Как?

Нине удалось убедить Василия, что сердце Улиты, как всякой колдуньи, нужно пронзить осиновым колом. Перед похоронами срубил маленькую осинку у ворот, содрал с нее кору и остро заточил. Показал его Нине:

– Подойдет? – в его черных глазах стоял укор.

– Я понимаю, тебе тяжело, но поверь: так будет лучше. Боюсь, вдруг Улита будет приходить к нам по ночам. Помнишь, она обещала? Говорила, что я не смогу ее убить.

– Ты совсем помешалась. Ей просто нравилось тебя пугать.

– Но это же не принесет ей вреда.

Не ответив, Василий хлопнул дверью. После смерти Улиты Нина обратила внимание, что на его усилившуюся раздражительность. Он снова начал выпивать. Нина же, кроме навалившейся тоски, перемежающейся с приступами страха, никаких угрызений совести не чувствовала. Она боялась за себя, боялась за ребенка и больше всего боялась за Василия, потому что любила его. Ей не давала покоя мысль, что теперь он станет таким же, как Улита. Тайное имя названо, колдовская власть передана.

Проститься с Улитой никто не пришел, и они отправились на кладбище вдвоем. Гроб погрузили на специальные сани, взятые у могильщиков. Василий тянул за веревку, а Нина, зажав в руке осиновый кол и опустив голову в черном платке, шла позади.

Добравшись до нужного места, Василий снял гроб с санок и открыл крышку, чтобы проститься. Нина, подавив приступ тошноты, отошла в сторону. Обмывать и переодевать Улиту Василию пришлось самому. Он смотрел на перекошенное от застывшей боли лицо той, которую он считал своей матерью. Мысль о том, что он убийца истерзала его. Напрасно он уверял себя, что так будет лучше для их ребенка. Вспоминалось, как Улита вела его по дороге, крепко держа за руку. Тогда ее рука казалась ему надежной, потому что он считал ее своей матерью. Ладно, хватит. Взявшись за крышку гроба, он повернулся к Нине, стоявшей поодаль.

– Ты, как я понимаю, проститься не хочешь?

Нина подошла и молча протянула осиновый кол. Василий неожиданно взорвался:

– Неужели ты по-прежнему хочешь, чтобы я это сделал?! Посмотри на нее? Она мертва. Мы убили ее! Она не причинит больше зла.

– Если это не сделаешь ты, сделаю я, – решительно сказала Нина. – Я еще помню, что на этом же кладбище лежит моя мать, чья смерть на ее совести. И я не хочу, чтобы она приходила к нам по ночам и навредила ребенку.

Упоминание о ребенке привело его в чувство. Какой смысл снова спорить? Он знал, что Нина не уступит. Ему придется сделать это. Он взял из ее дрожащих

рук собственноручно заточенный кол и еще раз вопросительно посмотрел на Нину. Она кивнула. Поднял кол и с силой вонзил его в Улиту. Тело подпрыгнуло, Нина отшатнулась. «Я убил ее дважды, – промелькнуло у него в голове, – и мне нет прощения».

– Что делать дальше? Кол надо вытащить?

– Нет, давай закопаем с ним. Она должна остаться пригвожденной, – решила девушка.

– А как я, по-твоему, тогда крышку закрою?

Нина понимала, как он, должно быть, ненавидит ее в этот момент.

– Закапывай так, – твердо сказала она. – Иначе в этом не будет смысла.

Василий выругался и на веревках погрузил гроб в могилу. Он стукнулся о дно, и тело чуть подпрыгнуло, вызвав ужас у обоих. Заглянул внутрь: ему показалось, что лицо Улиты исказилось от боли. Бросил взгляд на крышку гроба, лежавшую на снегу.

– Ты можешь меня убить, но я не могу сыпать землю ей на лицо. Я не могу! – он чуть не плакал. – Ведь я считал ее матерью.

– Это не причинит ей никакого вреда. Она мертва.

– Я не буду этого делать! – закричал он. – Закапывай сама, если хочешь. В конце концов, это была твоя идея. Ты пришла к нам дом бороться с ней. Ты должна быть довольна. Посмотри, она там, мертвая, пригвожденная колом. Ты все еще боишься ее?

Нина молча взяла лопату и, стараясь не смотреть вниз, швырнула в могилу ком промерзлой земли. Возникло ощущение, что она закапывает живого человека. Наверно, Улита наблюдает за ними сверху. Душа присутствует на погребении и очень расстраивается, если с телом обращаются непочтительно. Василий отошел в сторону и достал из кармана фляжку с коньяком. Горячая жидкость обожгла горло. «Прости меня, я оказался плохим сыном. Я убил тебя». Снова отхлебнул коньяку и прислонился к березе, стараясь не смотреть в сторону могилы. Наверно, сейчас впервые чувствовал ненависть к Нине. Она не должна была так поступать.

Лопата была тяжелой, Нина волновалась, что это может повредить ребенку, но Василий вовсе не собирался помогать. Ну что ж, она справится. Вот уже и не видно Улиты. Только осиновый кол торчит из бурой земли. Резкая боль внизу живота заставила ее разогнуться. Нина застонала и, бросив лопату, прислонилась к дереву, схватившись за живот обеими руками.

– Что с тобой? – бросился к ней Василий.

– Болит внизу, – прохрипела она.

Василий усадил Нину на сани, на которых они привезли гроб.

– Я совершенно забыл, что тебе нельзя поднимать тяжести. Мы сейчас поедem домой. Я все закончу. – Василий схватил лопату и, проклиная себя, быстро засыпал могилу землей и сделал небольшой холмик, в который вместо обычного креста воткнул искусственный цветок. Минуту постоял молча, как бы отдавая дань памяти умершей, потом повернулся к Нине, которая сидела на санях.

– Ну, как ты?

– Уже лучше.

– Хочешь, я повезу тебя?

– Ты собираешься везти меня на похоронных санях, – Нина рассмеялась нехорошим смехом, и Василий почувствовал, что у нее может начаться истерика. Им нужно выбраться поскорее из этого ужасного места.

– Хорошо, давай я понесу тебя.

– Нет, не надо. – Нина встала, придерживая рукой низ живота.

– Тебе больно? – Василий заглядывал ей в лицо, словно не он несколько минут назад, равнодушно наблюдал, как она закапывала могилу.

– Немного. Лопата была слишком тяжелой.

– Сам не знаю, что на меня нашло, – сокрушенно сказал Василий. – Я так был зол на тебя за то, что ты хочешь пронзить ее осиновым колом, что забыл о ребенке.

– Ничего. Только бы обошлось.

Ночью у Нины открылось кровотечение. Пока Василий суетился вокруг нее и вызывал скорую помощь, она думала, что потеряет ребенка. А может даже и умрет сама. Обе эти мысли не вызывали страха. Похоже, ребенку уготована такая судьба, что ему лучше не рождаться. Нина устало закрыла глаза, чувствуя глубокое равнодушие ко всему на свете. Даже их любовь сейчас показалась ей порочной. «Любила ли я его на самом деле?» – размышляла она. И не принимала ли за любовь, желание обладать его телом? Или же это все было следствием давнего приворота, сделанного Улитой?» С какого-то момента все пошло наперекосяк, и, несмотря на попытки исправить судьбу, становилось только хуже. Вдруг вспомнился последний разговор с Алексеем, уговаривающим ее спасти свою душу. Если бы она могла молиться, ей было бы легче. Зачем она тогда носит крестик? Только потому что его носил ее отец? Мысли начали путаться, накатывала слабость. Трудно открыть глаза, трудно пошевелить рукой.

Серьезное лицо врача, его шевелящиеся губы, слова, которых она не понимает. Боль отпустила, ее положили на носилки. Рядом шел Василий, его лицо было таким грустным, таким несчастным. Наверно, врач сказал, что она умирает.

Когда за санитарями, увезшими Нину, закрылась дверь, Василий устало опустился на больничную банкетку в холле. Никто не сказал ему, стоит ли ждать, но он и сам не мог уйти. Чувство раскаяния жгло изнутри. Зачем он заставил Нину закапывать могилу? Почему не мог смириться с этим дурацким обрядом, который казался ей таким важным? Какие темные силы снова нахлынули на него, заставив потерять разум? Неужели ему суждено стать таким же, как Улита?

Только бы Нина выжила. Он вспомнил их первую встречу, голубоглазую худенькую девчушку с доброй улыбкой. Никто никогда так не улыбался ему. Его жизнь была слишком мрачной и серьезной. Может быть, в далеком детстве, его родная мама улыбалась ему, когда пела песни, укачивая перед сном. Он не знал, сколько он так просидел. Время исчезло. Наконец, белая дверь, отделявшая его от любимой, открылась, и оттуда вышел врач. Василий медленно встал.

– Вы муж Веселовой?

– Да.

Глаза врача были уставшими и грустными. Лицо человека, который чувствует дыхание смерти гораздо чаще других, не может быть иным.

– Мы сделали все возможное, чтобы спасти ее и ребенка. Она потеряла много крови, и теперь только время покажет – справится ее организм или нет.

– Я могу ее увидеть? – спросил Василий.

– Только завтра. Если все будет хорошо, конечно.

– А что же мне делать? – воскликнул Василий. Мысль, что ему придется вернуться одному домой, оставив Нину в больнице, казалась невыносимой.

– Что вам делать?! – врач неожиданно сурово посмотрел на Василия. – Молиться. Все в руках божьих. Это самое лучшее, что вы можете сделать. Только Бог решает, жить вашей жене или умереть. И только Бог решает: родиться вашему ребенку или нет.

– Молиться?! – переспросил Василий. Он и не ждал ответа на свой вопрос. Слова вырвались сами собой.

– Да, молиться, – повторил врач и, повернувшись к нему спиной, пошел обратно. Когда он скрылся за белой дверью, Василий еще стоял, глядя ему вслед. Молиться?! Да он никогда в жизни не молился и не знает ни одной молитвы.

– Молодой человек, – молоденькая медсестра, сидевшая за столиком, подошла к нему и сочувственно посмотрела в глаза. – Не стоит так переживать. Ваша жена поправится. Врач, который оперировал ее, наш самый лучший хирург. Вам лучше пойти домой и поспать. О состоянии вашей жены вы сможете справиться по телефону утром.

Василий медленно пошел к выходу. Его губы беззвучно шевелились: «Ниночка, живи». Это была та единственная молитва, которую он мог произнести.

Состояние Нины было таким же неопределенным и на следующий день и через день. Тогда Василий решился. Он пойдет в церковь и будет молиться.

ГЛАВА 36

С каждым шагом, подходя к церкви, Василий чувствовал себя все хуже и хуже. Силы покидали, в душе зарождалась тоска. Пытался убедить себя, что он просто обязан помолиться о здоровье Нины. Произнесет несколько слов и поставит свечу. Но что-то внутри него неумолимо восставало. Он боролся с собой, он привык бороться с собой. В последние дни приступы меланхолии и желания позлить людей появлялись чаще и чаще, и все труднее становилось сдерживаться. «Может, это и есть то посвящение, о котором говорила Улита?» – спрашивал он сам себя с ужасом. – Неужели, он все-таки станет одним из них?» Вчера ночью, когда засыпал, почувствовал, как голову сильно сжали, тело вытянулось, как пружина, а потом так же сжалось, и он в бестелесном состоянии сначала поднялся к потолку, а потом вылетел из открытой форточки. Чувство свободы опьяняло, ночь с тонким зарождавшимся месяцем и яркими звездами казалась прекрасной. Он мог проходить сквозь стены. Таким образом, он навел семью, жившую напротив них. Обнаружив что, они крепко спят, ему захотелось похулиганить, и он перевернул стол с оставшейся от ужина немытой посудой вверх ногами. Страшный грохот разбудил домочадцев, которые с ужасом оглядывали возникший беспорядок, бегая вокруг в ночных рубашках. Василий висел над потолком и наслаждался их изумлением, пока ему не захотелось на воздух. Он летел невысоко, где-то на высоте двадцати метров и сожалел, что не

может подняться выше. Когда небо начало светлеть, почувствовал, что нужно вернуться. На кровати лежало его тело, и он легко вошел в него.

Горящий на солнце желтый купол еще недостроенной, но уже функционирующей, церкви слепил глаза, ноги казались деревянными. Он сделал два шага и остановился. «Да что же это такое?!» – вслух воскликнул Василий, наблюдая издали за вышедшей из храма и осенявшей себя крестом старушкой в платке. К горлу подкатила тошнота. Через какое-то время Василий понял, что войти в церковь физически не сможет. Даже с того места, где он стоял, чувствовал запах ладана. Внезапно ему пришла в голову спасительная мысль. Нужно попросить Алексея помолиться за Нину. Заказать молебен или как там это называется. У него достаточно денег, чтобы заплатить всем этим божьим слугам, чтобы они всю ночь молились. По выходящим из церкви прихожанам Василий понял, что утренняя служба закончилась. Дожидаясь Алексея, достал из кармана мобильный и набрал номер больницы. Узнав, что состояние Нины осталось без изменений, съезжился. Один раз в жизни судьба повернулась к нему лицом, позволив встретить самую чудесную девушку на свете. И он погубил ее. Народ расходился медленно. Василий основательно замерз. Близость церкви сводила его с ума, а все эти тучковцы, которые крестились на выходе из церкви, вызывали лишь раздражение. «Надо же, какие благочестивые», – бормотал он, прохаживаясь взад вперед, чтобы согреться.

Увидев, наконец, выходящего из церкви священника, Василий бросился к нему. Слова замерли у него в горле, как только преградил Алексею дорогу. Глаза не отрывались от большого креста на черном платье. Близость священника подавляла. Василию пришлось сделать колоссальное усилие, чтобы не убежать прочь. Алексей догадался сам. Только одно могло заставить Василия появиться здесь. Нина.

– Что случилось?

– Мы можем отойти отсюда подальше? – Василий оглянулся на церковь, и его лицо скривилось.

– Я провожу тебя, – Алексей понял, что ему тяжело находиться здесь. Они молча прошли несколько шагов и завернули за угол тихой улицы. Церквушка скрылась из виду, и Василий почувствовал себя лучше.

– Нину увезли в больницу, – выпалил он.

– Что с ней?

– У нее открылось кровотечение, ей сделали операцию, но она уже несколько дней не приходит в сознание.

Алексей еле сдержался, чтобы не бросить ему в лицо, что им все-таки удалось угробить ее.

– Зачем ты пришел? – Алексей чувствовал, что не способен помочь этому человеку, и если бы не Нина, не стал бы с ним разговаривать.

– Я хочу заказать молебен за ее здоровье. Доктор сказал, что ей может помочь только молитва.

Алексей холодно ответил:

– Ты можешь зайти в церковь и заказать молебен сам. Для этого не обязательно было ждать меня на улице.

– Ты же знаешь, что я не могу. – Черные глаза Василия опалили Алексея огнем, и ему показалось, словно сам дьявол взглянул на него. Никогда раньше он не видел ни у кого таких глаз.

– Все люди находят в церкви успокоение, если их сердца чисты.

Неожиданно Василий почувствовал хорошо знакомый приступ неконтролируемой ярости. Да как он может, этот святоша, читать ему нотации? Он вцепился Алексею в шею и начал душить.

– Ты или сейчас дашь мне слово, что будешь молиться за нее день и ночь, или я вытрясу из тебя душу, и никакой твой Боженька не придет на помощь.

Алексей захрипел, пытаясь разжать руки Василия, но тот быстро опомнился.

– Извините. Нервы сдали. А тут вы со своими нравоучениями. Если я говорю, что не могу зайти в церковь – значит, я действительно не могу. А доктор сказал, что ей может помочь только молитва. Она должна жить. Сделайте все, что можете, я заплачу, – он достал из кармана бумажник.

Священник растирал шею и откашливался. В голове прыгали мысли. «Он сумасшедший. Как же Нина живет с ним?».

– Не надо никаких денег. В какой она больнице?

Василий не рискнул спорить и неловко засунул деньги в карман.

– В сорок второй, но к ней не пускают.

– Меня пустят, – уверенно ответил Алексей. – Я поеду туда и буду молиться за нее.

– Спасибо, – еле слышно заставил прошептать себя Василий. Вдруг ему захотелось рассказать Алексею, как Нина попала в больницу. Впервые в жизни он понял, почему у людей возникает такое непреодолимое желание покаяться, чтобы им отпустили грехи. Груз вины слишком тяжел, чтобы нести одному. Если бы можно было с кем-нибудь поговорить. У него не было друзей, только Нина.

Алексей видел, что Василий хочет что-то рассказать, но не мог заставить себя остаться. Он чувствовал, что ему нужно бежать от этого человека. Кивнув Василию, уже сделал два шага в противоположном направлении, как вдруг повернулся.

– Она потеряла ребенка?

Василий удивленно посмотрел на священника. Откуда он знает о том, что Нина беременна? И какое ему до этого дело? Он хотел ответить что-то резкое, но в глазах Алексея была та же самая мука, которую он видел в своих, когда подходил к зеркалу.

– Нет, – ответил Василий и зачем-то добавил. – Но это теперь не важно. Главное, чтобы она осталась жива. «А этому ребенку, – подумал он про себя, – может лучше и не рождаться. Неизвестно, что его ждет».

Они разошлись в разные стороны. Алексей вернулся в церковь, привычно встал перед распятием и начал молиться. Обращение к Богу всегда приносило облегчение. Привычные стены церкви поддерживали его и давали необходимую силу. Он вновь пожалел людей, которые живут без веры, им приходится труднее.

Нина видела себя сверху. Рядом с ее кроватью на коленях стоял человек в черном одеянии священника. «Слишком поздно», – подумала она. Ей нравилось новое состояние, в котором не ощущалось боли. Она начала подниматься вверх к светящемуся существу, манившему своим белоснежным сиянием. Перед Ниной, как в кино, стали возникать фрагменты из жизни. Она вновь стала маленькой девочкой, увидела отца и мать. Промелькнули школьные годы, их первая встреча с Василием. За некоторые события ей было стыдно, и она раскаивалась, что поступала плохо, но Существо не ругало ее. Когда просмотр закончился, перед Ниной появились ее родители, и она почувствовала исходящую от них любовь. Они были рядом, хотелось обнять их, но что-то невидимое удерживало ее на расстоянии.

– Ты уверена, что готова уйти? – спросило Существо. – Есть два человека на земле, которые хотят твоего возвращения.

Священник Алексей в черном одеянии подле ее тела больнице. Василий в их комнате, шепчущий ее имя, как молитву и не отводящий глаз от ее портрета. Нина поняла, что придется вернуться. Двумя тончайшими, но крепкими нитями они привязывали ее к земле. Она помахала родителям, и они исчезли.

– Спасибо Господу, ты вернулась, – Алексей поспешно вышел, чтобы позвать врача. Пока врач суетился возле нее, она так и не решалась спросить, потеряла ли она ребенка. Неожиданно сквозь вернувшуюся слабость и боль, она почувствовала слабенький толчок внутри, повторившийся более четко и определенно. Их с Василием ребенок впервые заявил о себе.

– Доктор, я его слышу.

– Что слышите, милая? – пожилой мужчина по-доброму смотрел на нее из-под косматых бровей.

– Ребенок зашевелился, – сказала Нина. – Он жив. – У нее на глазах появились слезы. Как она могла желать остаться там, рядом с родителями? Она могла погубить малыша.

– Поздравляю вас. Это чудо, которое совершила молитва. Когда за человека молятся, это не дает смерти забрать его. Я убежден в этом. А вам еще рано было уходить.

«Алексей не дал мне уйти, – подумала Нина и вдруг вспомнила Василия. Он тоже молился, но по-своему».

– А сейчас, – доктор поднялся, – нужно поспать. Вам нужны силы.

– Хорошо, но могу я сначала поговорить с мужем, – попросила его Нина. – Он очень переживает за меня.

– Я понимаю, – кивнул врач. – Но будет лучше, если вы отдохнете, а я попрошу медсестру позвонить ему. Завтра, если все будет хорошо, я разрешу ему побыть с вами.

ГЛАВА 33

Василий спешил к больнице. Он еще спал, когда медсестра сообщила, что его жене гораздо лучше. Он так быстро вскочил с постели и начал собираться, что

времени размышлять, не было. Последнее, что запомнилось, как он сидел перед фотографией Нины, умоляя ее не оставлять его. Потом пил виски. Потом опять с ним произошла странная вещь. Сон, который не был сном.

Главное, что Нине лучше.

Проходя по соседней улице, обратил внимание на сгоревший дом. «Еще вчера вечером никакого пожара не было», – мелькнуло в голове. Внезапно он все вспомнил. Сначала стало холодно, а потом жарко. Бросился прочь со всех ног, словно боялся, что ему предъявят обвинение.

Это не было сном.

Он засыпал, когда почувствовал, что кто-то входит в его тело.

– Иван, пора немного поразвлечься.

– Но я не Иван, – попыталось протестовать его «я».

– Ты родился в день Ивана Купала и пришел в этот мир с определенной миссией. Ты должен приносить в мир зло.

– Но я не хочу. Не хочу, – бормотал он, чувствуя, что от него прежнего остается все меньше и меньше. Черный густой поток захватил его сознание и заставил вылететь из тела. «Зло, зло, ты должен творить зло», – совершенно явно слышал он, перемещаясь в пространстве.

– Сегодня ты должен сжечь какой-нибудь дом. Ты переходишь на новый уровень, – звучало в нем. Он бы сказал в голове, если бы в тот момент у него была голова.

– Выбирай объект, – слышал он команду.

Он перемещался по Тучково, разглядывая дома. Та маленькая часть, что осталась от него, сопротивлялась, стараясь выбрать пустой дом. И вот он нашел, что искал. Завис невысоко от крыши с красной черепицей. Семья Козловых, которых в поселке недолюбливали за их заносчивость, отправилась в отпуск. Опустился ниже и направил сверкающий красный луч на деревянные обшитые панели передней стены. Несмотря на мороз, огонь занялся быстро. Василий снова поднялся вверх и наблюдал за пожаром.

– Молодец, Иван, – слышал он. – Ты хорошо выполнил свое первое серьезное задание. Жаль только, что ты выбрал дом, в котором не было людей. Но я надеюсь, что завтра, когда я приду, у нас будет много жертв.

«Завтра, то есть сегодня», – пробормотал Василий, подходя к станции. – Он опять придет и заставит меня творить зло. Неужели Улите удалось превратить его в колдуна? Громкий шум поезда заставил его отпрянуть. Чертыхнулся: так ушел в свои мысли, что совершенно не смотрел по сторонам. Впрочем... От пришедшей в голову мысли сначала содрогнулся. По-крайней мере, выход из этой жизни. Нужно сделать это до Нининого возвращения домой.

ГЛАВА 34

Нина была еще слишком слаба, чтобы разговаривать, поэтому он просто держал ее за руку, радуясь, что она не замечает его состояния. Через несколько минут, когда зашла медсестра и сделала знак, что пора уходить, он поднялся, поцеловал Нину и вышел. Прощальный поцелуй. Они больше не увидятся. Пора свести счеты с этой жизнью. Этот груз слишком тяжел.

Сразу уйти не удалось, медсестра попросила зайти в кабинет к врачу. Василий побрел в указанную сторону, гадая, что хочет от него доктор.

– Состояние Нины Веселовой по-прежнему остается тяжелым, несмотря на то, что она пришла в себя, – начал врач, как только Василий уселся. – Положение осложняется беременностью. Организм нужно поддерживать лекарствами. – Он посмотрел на Василия из-под очков в золотой оправе. – К сожалению, это очень дорогие лекарства. Но без них она не справится.

– Выпишите рецепт, я куплю его, – глухо сказал Василий.

– Вы даже не спросили, сколько стоит лекарство?

– Я найду деньги, – повторил Василий, испытывая раздражение от слишком внимательного взгляда доктора. Ему хотелось уйти, чтобы остаться одному. Общение с людьми причиняло боль от осознания того, что он не такой, как они.

– К сожалению, не все так просто. Наш сотрудник привозит его из Германии. Пока я не знаю, сколько времени ваша жена должна будет принимать его. Сейчас я даже не могу назвать вам всю сумму. Минимальный курс в течение двух недель стоит около двух тысяч долларов. Возможно потребуется несколько курсов.

– Я принесу вам сегодня деньги, – сказал Василий и поднялся. – Сделайте все возможное, чтобы она поправилась.

– Безусловно, – кивнул врач, наблюдая за молодым человеком. Он видел, что тот был чем-то подавлен и решил, что он переживает из-за Нины или из-за ребенка. А возможно что-то еще произошло. В любом случае нужно предупредить. – И еще одна вещь: вы не должны ни в коем случае волновать вашу жену, в ее состоянии это может привести к губительным последствиям. До нее не должно доходить никаких плохих новостей. Даже если мир перевернется, вам придется это скрывать.

Василий потрясенно взглянул на врача. Сейчас до него дошло, что ему придется повременить со своим решением. Во-первых, Нине нужны лекарства, которые нужно оплачивать, а во-вторых, она вряд ли перенесет новость о его самоубийстве.

– Я все понял, – Василий, не прощаясь, выскочил из кабинета, немало озадачив врача своей поспешностью.

Всю дорогу до дома Василий прошел пешком, размышляя о своей судьбе. Если бы кто-нибудь знал, как он устал. У него никогда не было никаких прав, даже права умереть, он все время жил по чужим законам. В гостинной он устало опустился в кресло, прихватив книгу «Каббала чисел». На первой же странице он прочел: «Математические науки стоят в такой внутренней взаимосвязи с магией и так же всячески необходимы для нее».

Когда братство распалось, они долго находились в бегах. Поддерживала ли Улита связь с кем-нибудь еще? Общались ли они между собой? Если бы он мог поговорить с кем-то оттуда, нашел бы ответы на многие вопросы. Василий снова вернулся к книге. «Люди, вступающие в религиозные общества, принимают новые имена, чтобы показать, что они стали другими и начинают новую жизнь. Так же поступают и в оккультных общинах».

– Наверно, поэтому мне поменяли имя, – пробормотал Василий, переворачивая страницу. «Во многих первобытных обществах у человека было два имени. Одно, для обычного, повседневного использования, другое же,

настоящее, хранилось в тайне. Иногда оно не было известно даже самому владельцу, так как произносилось шепотом его матерью еще в младенческом возрасте. Если колдуну удавалось выяснить истинное имя человека, он мог уничтожить его. Истинное имя содержало сущность человека и, распадаясь, влекло за собой и его распад»

– Вот я и распадаюсь, – грустно заметил Василий, разговаривая сам с собой. – Нина была совершенно права, когда говорила, что перемена имени повлекла за собой мое изменение. Ведь действительно, днем, когда я – Василий, я веду себя совершенно иначе. Этот демон овладевает мной лишь ночью.

«Если для совершения важных поступков не помогает ни перемена мест, ни выбор подходящих дней, то можно найти выход, изменив свое имя и тем самым, приобретя другое число. Это мнение было широко распространено среди евреев в период средневековья, считалось, что жизнь больного можно спасти, заменив ему имя, так как это приводило в замешательство ангела, ответственного за подведение итоговой черты в жизни человека. Влияние нового числа станет постепенно сказываться на вашей жизни, и люди начнут относиться к вам по-иному», – прочитал Василий и захлопнул книгу.

«Что же делать?» – крутилось у него в голове. Сейчас у него было как бы два имени, днем он был Василием, но ночью, когда его называли Иваном, он начинал торить зло.

Василий взял с полки русский мифологический словарь и открыл страницу на букву «К». «В купальских празднествах участвовало все население. Девушки собирали травы и изготавливали обрядовую куклу в качестве жертвы природным силам. Для этого в землю втыкали кол, который обвивали соломой, а на верхушке укрепляли пук из нее, называемый «Купалой». Иногда куклу также называли «Иваном». Делали и «Марью». Они соответствовали мифологическому мотиву о кровосмесительном браке брата и сестры, выразившемся также в цветке Иван-да Марья, особо почитаемом в те дни».

Вдруг заплясали перед глазами воспоминания, как всем братством они выходили в лес. Разжигали большой костер. Женщины, у каждой на голове венок из сине-желтых цветов, протяжными голосами тянули песни. Парни прыгали через костер. Он тоже прыгал. Праздник приходился на его день рождения и продолжался до утра. На заре купались нагишом в озере. Василий вновь обратился к книге, надеясь, что новые строчки разбудят еще какие-нибудь воспоминания. «В вечернее время «Ивана» и «Марью» топили или разрывали на части». Молодой человек задумался. Захватив с собой факелы огня, некоторые взрослые куда-то исчезали и возвращались очень довольные, говоря другим, что они отомстили за Ивана. Что же они делали? Внезапно он все понял и, накинув куртку, вышел в сад. Какое-то время бродил по тропинкам, испытывая одно единственное желание – напиться до бесчувствия. Но смог себя остановить: через несколько часов он снова окажется в рабстве, а ему нужно контролировать себя. Взгляд упал на домик, в котором жила Улита с тех пор, как Нина переехала к нему. Возможно, там спрятаны документы, которые прольют свет на то, что творится вокруг него.

Василий открыл дверь. Привычно пахло травами. Он поморщился. Показалось, что Улита вовсе не умерла, а все еще здесь. Прошелся по комнате, выдвигая ящики. Под старым бельем в шкафу нашел коричневую тетрадь,

исписанную заклинаниями и приворотами. Нетерпеливо перелистнул страницы и обнаружил листок с номерами мобильных телефонов. Телефон Марены был вычеркнут. Вытащил из кармана куртки мобильный и быстро набрал номер, молясь про себя, чтобы девушка сняла трубку. К телефону не подходили, но он снова набрал этот же номер.

– Слушаю вас, – ответил, наконец, женский голос.

– Марена, это Василий, – быстро начал он говорить. – Я нашел ваш телефон в записной книжке Улиты.

– Вы ошиблись, я не Марена, – быстро ответила женщина. Василий мог поклясться, что узнал ее голос.

– Пожалуйста, помогите мне, – взмолился он. – У меня случилась беда, и я не знаю что делать. Мне просто нужна кое-какая информация.

Молчание.

– Поймите, вам ничего не угрожает. Улита умерла.

– Умерла? – переспросила женщина, и в ее голосе послышалось облегчение.

– Да, произошел несчастный случай, – зачем-то сказал Василий, всеми силами пытаясь поддержать разговор.

– Вы позвонили, чтобы сообщить это?

– Мне нужно встретиться с вами. Когда-то вы хорошо относились ко мне.

– У меня мало времени.

– Марена, пожалуйста. Это очень важно. Я все объясню при встрече.

– Хорошо, – наконец, решила она. – Вы можете прийти ко мне на работу. – Она назвала адрес, добавив: – Вечером там никого не будет, и мы сможем поговорить.

Василий знал этот детский сад, находившийся в получасе езды на автобусе от дома. Внезапно он почувствовал зверский голод и вспомнил, что ничего не ел с самого утра. Отправился на кухню и быстро сделал яичницу.

ГЛАВА 35

Василий сразу узнал Марену, несмотря на то, что она очень изменилась. Ее темные кудрявые волосы теперь были зачесаны в пучок, косметика отсутствовала, а мятые бесформенные брюки да слишком свободный свитер скрывал фигуру. Создавалось впечатление, что она специально уродует себя, чтобы не привлекать внимание.

– А ты здорово вырос, – заметила она, когда они сели в маленькой комнатке, заполненной ведрами и швабрами.

– Так сколько лет прошло. Мне тогда было двенадцать.

– Я очень изменилась? – спросила она Василия.

– Нет, ты такая же, – соврал он, легко перейдя на «ты». Женщина, сидевшая перед ним, несмотря на прошедшие годы, все равно осталась той девушкой, которая в те одинокие для него годы дарила тепло, играя с ним или просто разговаривая.

– Ладно, не ври, – скривилась Марена. – Я знаю, что постарела и рада этому. Моя красота всю жизнь была для меня, как проклятье, и они с готовностью

использовали это. Ты должен дать мне слово, что никому не скажешь, что встречался со мной.

– Да что ты, Марена... – начал Василий.

– Не называй меня так, – вскрикнула она. – Когда я слышу это имя, чувствую, что во мне пробуждается зло, и я словно возвращаюсь в прошлое. В то ужасное время. Теперь меня зовут Инна.

– Ну, хорошо, как скажешь. Инна так Инна. Неужели это имеет такое значение?

– Принято считать, что имя выбирают родители. Но ребенок рождается с запрограммированной судьбой и подобранным под нее характером. Как назвать решают на небесах и нашептывают в уши родителям.

– Значит, Нина была права, когда говорила мне это.

– Кто эта Нина? – насторожилась Инна.

– Моя жена, – успокоил ее Василий.

– Ты женат? – в ее усталых глазах промелькнуло нечто подобное интересу.

– Гражданский брак, – на всякий случай уточнил Василий. – Она и рассказала мне о том, что наш числовой код, включающий в себя день, месяц и год рождения, очень важен. Так же, как и имя. Я тогда не придавал этому особого значения.

Марена назвала Василия дурачком и разразилась целой лекцией. Когда человек удаляется в монастырь, ему меняют имя для того чтобы он мог полностью отрешиться от прошлого. Выбор имени происходит, чтобы оно находилось в соответствии с его новыми задачами. Когда люди уезжают в другую страну их жизнь резко меняется в основном из-за того, что их имя произносится иначе. Например, Анна станет просто Эн, Петя Питером и так далее. Меняется сумма цифр и их цифровой код. Это серьезнее, чем люди осознают. При поступлении в Огненное братство каждому ее члену изменяли имя. Сумма цифр обязательно образовывала цифру «два», что означает дуаду. Дуада – это воплощение всего зла и порока на земле.

Услышав об уже знакомой дуаде, Василий нахмурился: оба его имени несли в себе зло, и он поспешил перевести разговор на интересующую тему. В ответ на вопрос Марена снова выдала лекцию.

Огненное братство основано на легенде. Иван и Марья – мифические брат и сестра, которые не ведали о своем родстве и вступили в брак, за что и были превращены Богом в цветок. Это одна версия. Другая, что они превратились сами, чтобы не разлучаться. Брат с сестрой символизируют огонь и воду, поэтому цветок состоит из желтых и голубых цветов. Братство использовало третью малоизвестную версию, что Мария коварством и хитростью соблазнила своего чистого и непорочного брата Иванушку и женила его на себе. Бог рассердился и превратил их обоих в цветок, навсегда соединив чистое с порочным, не особенно разбираясь в том, что Иван пал жертвой коварства. Цветок создан в назидание людям, и его тайный смысл в том, что, единожды оступившись, прежнюю чистоту не сохранишь. Иван да Марья – цветок искушения, поэтому люди и сжигают его в праздник Ивана Купала, чтобы миновала их участь впасть в искушение. Но во всем этом есть одна несправедливость. Если Марья и была воплощением зла, то Иван был обманут. И разве прав Бог, что поместил их вместе на один стебель? Во время празднования Ивана Купала чучело Ивана и чучело

Марьи сжигали на костре. Но в Огненном братстве сектанты, поклоняясь Ивану, мстили за него, сжигая дома, в которых в этом году родилась девочка. Иногда ее успевали выкрасть в суматохе пожара и принести в качестве жертвы.

После ее рассказа оба молчали. Василий заметил, что длинные пальцы Марены, превратившей в Инну, дрожат от волнения.

– Я помню только, что ко мне все были очень внимательны в этот день и дарили подарки. – И ты знаешь, почему так было?

– Потому что я и есть тот самый Иван, который родился в этот день.

– Ты родился с определенной миссией.

Василий стукнул кулаком по столу.

– Какая все это чушь! Надо же так задурить людям голову! – раздраженно заметил он. – Как ты, вообще, попала в эту секту?

– Влюбилась в парня, мы какое-то время встречались, а потом оказалось, что он женат. Конечно, такое случалось со многими. Но для меня, а мне было тогда девятнадцать – это был конец света. Я чувствовала себя опозоренной. К тому времени я всем в деревне рассказала, что он мой жених. И он, заметь, действительно, обещал на мне жениться. После того, как мы стали близки, я заговорила о свадьбе. Он рассмеялся и сказал, что женат и вовсе не виноват, что я свела его с ума своей дьявольской красотой. Тогда я решила увести его от жены. – Инна поднялась и подошла к окну, глядя в темноту, вновь переживая события тех дней. – Если бы я тогда смогла остановиться! Уехать в другой город, выкинуть его из головы. Время все лечит, я бы забыла его и ничего из того, что случилось, не произошло бы.

– Не кори себя, – тихо сказал Василий, желая успокоить ее. – Что сделано, то сделано.

Когда она повернулась, ее глаза сверкали.

– Всю жизнь, слышишь, всю жизнь расплачивается тот, кто хотя бы раз попросил помощи у темных сил! Запомни это!

Василий вздрогнул, вспомнив, как попросил Улиту сделать приворот. Инна закурила сигарету и вновь опустилась на стул. Выпустив дым, продолжила глухим, до отчаяния спокойным голосом человека, которому нечего терять.

– Я была словно одержима этим мужчиной, мной двигало желание вернуть его, несмотря ни на что. Нашла газету и позвонила по объявлению. Познакомилась с Улитой. Они специально вербовали в секту тех, кого обманули в любви. – Инна внимательно посмотрела на Василия. – Ты понимаешь почему?

– Потому что это соответствовало легенде об обманутом Иване, – предположил Василий, чувствуя холод, пробирающий его до костей. Казалось невероятным, чтобы взрослым людям вбили в голову поклоняться сказке. – Так у тебя получилось вернуть его?

– Попав в братство, я и думать о нем забыла. Мне дали новое имя. Вбили в голову, что мы собрались вместе для того, чтобы мстить. Мстить за нашу поруганную гордость, за наши растоптанные чувства. Конечно, теперь я понимаю, как заблуждалась. Лишь один Бог указывает нам верный путь. – Она быстро несколько раз перекрестилась.

– Ты что же это, веришь в Бога? – поразился Василий.

– Да, сейчас я прохожу своеобразное очищение, выполняю грязную работу, – она кивнула на тряпки и швабру в углу комнаты. – Я слишком долго служила

злу, чтобы работать с людьми. Лишь позже, когда я осознаю все свои грехи, мой духовный наставник разрешит мне делать что-нибудь еще.

Инна стала верующей. Это было немислимо. Василий вдруг вспомнил ее обнаженной, выходящей из воды после традиционного купания: полная грудь, колыхающаяся при ходьбе и на голове венки из голубых и желтых цветов.

– Почему братство разогнали?

– Я не могу говорить об этом, – Инна опустила голову на руки. – Я еще слышу крики людей в поджигаемых нами домах. Они снятся мне по ночам в кошмарах. Как я могла участвовать во всем этом? – Василий вспомнил свой собственный поджог и еле сдержался, чтобы не рассказать об этом Инне.

– Мне надо знать, – настаивал Василий.

– Многих нашей людей взяли в праздник Ивана Купала, из-за чего мы наше общество перешло на подпольное существование. После того, как Сатанов был вынужден уехать, Улита взяла правление в свои руки. Мы продолжали иногда собираться.

– Но почему Улита?

– А что здесь удивительного? У нее же был ты, Иван, будущий правитель Огненного братства. Мы лишь слепо выполняли ее волю, потому что боялись.

– Но я ничего не знал, жил обычной жизнью, ходил в школу.

– Тогда ты был еще слишком мал, а Улите, временно занявшей руководство братством, роль пришлось по душе. Она оказалась такой тщеславной, что не хотела отдавать тебе свое место. Упивалась своим могуществом, рассказывая на встречах, что ты еще молод, чтобы управлять братством, нужно подождать пока у тебя родится сын.

– Но как долго она собиралась ждать?

– «Мужчина только тогда становится мужчиной, когда становится отцом», – повторяла она. Твоему сыну, которого ты обязан назвать Иваном, уготована более серьезная роль, нежели тебе.

– Какая роль? – выкрикнул Василий, еле сдерживая нетерпение.

– Она упоминала о вратах зла, которые сейчас открыты лишь наполовину. Он должен стать тем, кто распахнет их настежь и тогда на землю придет царство тьмы.

Василий сжал виски. Начинался приступ головной боли.

– Ты знаешь что-нибудь о моих настоящих родителях? – спросил он, пристально глядя на Инну.

Женщина вскочила с места и метнулась к окну. Вытащила сигарету и попыталась прикурить, но сигарета выпала из дрожащих губ на пол. О, она помнила этот день до мелочей. Прекрасный майский день, когда после зимы солнечные лучи особенно приятны, а молодая зелень распускающихся деревьев радует глаз свежестью. Она и еще двое мужчин из их братства, были посланы с важным заданием – организовать похищение маленького Ивана. Они долго искали его, колеся по городам и скрупулезно просматривая списки мальчиков, родившихся седьмого июля. И вот, наконец, повезло, они его нашли. Дело было за малым – выкрасть его из семьи. Ему, этому трехлетнему малышу, уготована совершенно другая участь, нежели просто ходить в детский сад и спокойно жить с родителями в уютной квартире.

Марене поручили отвлечь внимание отца, который по воскресеньям гулял с сыном на детской площадке. Специально для этого она полностью изменила имидж, превратившись из монашки с гладко-зачесанными волосами в платке в женщину-вамп. Короткая юбка, открывающая стройные ноги, прозрачная блузка с глубоким вырезом, туфли на высоких каблуках. В целях конспирации на голове парик с каштановыми кудрявыми волосами. Оглядев себя в зеркало, Марена усмехнулась. Наконец-то ее дьявольская красота послужит благому делу. Она была одной из самых красивых девушек в их братстве, поэтому ее часто использовали на подобных ролях.

Все шло по плану. Худенький малыш с черными глазами возился в песочнице вместе с другими детьми. Отец расположился на скамейке неподалеку, рассеянно перелистывая газету. Марена вышла из автомобиля неподалеку и оправила короткую юбку. Нарочито развязной походкой направилась к отцу ребенка с тем расчетом, чтобы закрыть собой малыша.

– Извините, совершенно запуталась. Как называется эта улица?

Молодой отец ответил, скользнув взглядом по ее ногам.

– Мне кажется, я хожу по кругу. Вон та улица, как называется? – спросила она, указывая рукой, заставляя тем самым его повернуться спиной к песочнице.

– Улица Ленина.

– Ох, эта улица Ленина, – рассмеялась девушка. – Вы знаете, что в каждом городе до сих пор осталась улица Ленина, несмотря на то, что мнение о Ленине совершенно изменилось.

Она еще болтала какую-то ерунду, отвлекая его и делая вид, что не понимает, куда ей надо свернуть, чтобы найти нужный дом. Когда она удалилась, покачивая бедрами, мужчина еще некоторое время заморожено смотрел ей вслед.

Василий подозрительно смотрел на смутившуюся Инну, совершенно уверенный в том, что она имеет отношение к похищению. Возможно, и ее ласковое обращение с ним в секте было всего лишь следствием вины.

– Я задал тебе вопрос, – повторил он.

– Ничего не знаю об этом, – Инна нахмурилась. – И, вообще, тебе пора уходить. У меня много дел. Надо помыть полы.

Он даже сам не понял, как это произошло. Ярость нахлынула на Василия так быстро, что опомнился только когда, накинувшись на Инну, начал ее душить, бормоча проклятия. Инна захрипела:

– Нет, не надо, пожалуйста. Я все расскажу. Только не убивай меня.

Молодой человек опустил руки, проклиная себя за несдержанность. В ее глазах был ужас.

– Теперь я верю, что ты и есть тот самый Иван.

Инна растирала шею. Прошло несколько минут напряженной тишины, пока она собиралась с силами.

– Ты, наверно, убьешь меня, когда узнаешь, – наконец, произнесла она. – Но ты должен меня понять. К этому времени я была полностью порабощена братством и свято верила в правильность того, что делала.

– Рассказывай!

– Нас было трое. Я и еще двое мужчин. Имена не назову. Да это и не важно. Мы получили задание привезти тебя в братство. Тебе исполнилось три года. Пока

я отвлекала твоего отца, мужчины затолкали тебя в машину. – Она остановилась, ожидая взрыва ярости, но на лице Василия была лишь боль и отчаяние. Хотя он и верил хрустальному шару, но услышать подтверждение от живого человека оказалось все равно мучительно.

– Поэтому ты всегда была со мной такой ласковой, да? Пыталась возместить свою вину?! – горько спросил он.

– Сначала да, а потом я на самом деле привязалась к тебе. Не забывай, что я давала клятву, расписывалась в книге наших правил. Я верила в наши принципы.

Василий хмыкнул.

– Ты помнишь имена или фамилии моих родителей?

– Я их не знала. Мне только показали ребенка и твоего отца.

– Как он выглядел?

Женщина задумалась.

– У него была небольшая бородка и добрые голубые глаза. Мне тогда еще показалось странным, что сын у него на цыгана похож.

– Если бы не вы, у меня могла бы быть нормальная жизнь. Закончил бы школу, потом поступил бы в институт. Встречался бы с девушками. – В его голосе была такая боль, что Инна протянула руку и погладила его по волосам. Неожиданная ласка вызвала у него приступ отчаяния.

– Ты презираешь меня?

– Не могу, – честно ответил он. – Тебя заставили.

– Прости меня. Я не должна была им помогать привезти тебя в братство.

– Уже простил. Если бы не ты, это все равно бы случилось.

Они еще немного поговорили, Инна рассказала, что начала новую жизнь и теперь поет в церковном хоре и помогает в церкви. У нее есть духовный наставник, который ведет ее. Василию это казалось более чем странным: женщина, принимающая участие в похищении ребенка, поджоге домов и ритуальных убийствах становится святошей. С трудом заставил себя промолчать, хотя злые слова уже были готовы вырваться из горла.

ГЛАВА 36

Мысль о самоубийстве после разговора с бывшей адепткой Огненного братства показалась Василию кощунственной. Он не может позволить себе быть слабым. Самоубийство для таких, как Марена. «Марена, ставшая Инной», – он усмехнулся. Слабый, безвольный человек, которым всю жизнь будут управлять другие. Но, как ни странно, именно ее рассказ пробудил в нем страстное желание действовать. Вот если бы ему в таком состоянии встретиться с этой силой, овладевающей его разумом, пока он спал. Внезапно Василий остановился. Сон – вот, что главное. Тот, кто называет его Иваном, приходит во сне, когда мозг отключается. Две вещи. Сон и ночь. Он приходит ночью и во сне. Ночь – время действия темных сил. Можно поспать несколько часов днем, а ночью встретить неожиданного гостя лицом к лицу. Хотя какое там лицо, лица у него нет, как нет и тела. Тогда что же это? Задумался. Может, это и есть то, что называют душой? Пожалуй, ему придется теперь спать днем, а ночью бодрствовать.

Василий посмотрел на часы. Нужно заехать домой и отвезти в больницу деньги на лекарства для Нины. Впервые порадовался, что делал сбережения. С самого первого дня, когда вышел на работу, начал откладывать. Сейчас, несмотря на то, что на часть из этих денег он построил дом, осталась приличная сумма. На так называемый черный день. Он слишком хорошо помнил, как во время их странствий с Улитой частенько засыпал голодным. Наверно, этот страх и заставлял его экономить, не тратя денег на ерунду, подобно другим молодым парням с его же работы, которые умудрялись растратить свою зарплату за несколько дней, покупая всякие модные игрушки для взрослых.

Ему быстро удалось договориться с директором об отпуске по телефону. Возможно, потому что Василий еще ни разу в жизни его не брал. Здоровому организму хватало времени для восстановления сил в выходные. К тому же он любил свою работу. Любил запах дерева, беззлобное подтрунивание рабочих и всю эту суету и шум на стройплощадке. Появившийся на пустом месте дом вызывал у него чувство глубокого удовлетворения.

После того, как Василий передал деньги врачу, еще раз заглянул к Нине. Она спала, и он посидел несколько минут, глядя на милое лицо и чуть подрагивающие во сне веки. Она так и не проснулась. Василий прикоснулся губами к ее руке и вышел.

Дома наскоро перекусил и лег в постель. Долго ворочался с боку на бок, пытаясь заснуть. Организм сопротивлялся, не желая подчиняться. Когда прозвонил будильник, в комнате было уже темно. Василий включил свет и заставил себя встать, чтобы не заснуть снова. Сварил кофе и растопил камин. Веселый огонь обхватывал красными языками березовые поленья. Василий подвинул к огню кресло-качалку и стал ждать. Он выпался, был свеж и бодр и готов пообщаться с тем, кто заставляет творить зло. С этим нужно разобраться до возвращения Нины. Василий подошел к шкафу и взял несколько книг, пытаясь найти информацию, которая могла бы ему помочь. «При христианстве Купала слился с культом Иоанна Крестителя, рождение которого отнесли к седьмому июля». Молодой человек задумался. Креститель просто не мог родиться в этот день или что-то во всем этом было не так. Василий взял нумерологическую таблицу, чтобы просчитать имя Иоанн. От волнения неправильно сложил цифры, и у него тоже получилась двойка. Пересчитав, понял, что ошибся. Сумма цифр в имени Иоанн равнялась двадцать одному, что при редуцировании получало тройку. «В нумерологии триада символизировала Единого Бога в момент порождения Вселенной из своего чрева и являлась для пифагорейцев совершенным числом. А люди, носящие ее в своем имени, будут идти по жизни, не зная препятствий и разочарований, потому что обладают мудростью и пониманием».

Василий отбросил книгу. Наверно, не случайно, в церкви при крещении Иванов их всех нарекают Иоаннами. Ему даже пришла в голову мысль окреститься, но, вспомнив, как худо ему становилось в церкви, отбросил эту мысль. Вдруг в комнате что-то изменилось. Погасшие угли в камине вспыхнули. Он машинально бросил взгляд на часы: полночь. На Василия накатилась жуткая усталость, словно кто-то или что-то присутствующее в комнате, пыталось усыпить его. Отчаянно зевая, он выкрикнул:

– Кто ты?

– Мы с тобой носим одно и то же имя.

Василий почувствовал, что тот, невидимый, кто появился в комнате, кружит над ним. Захотелось закрыть голову руками или куда-нибудь спрятаться, но он заставил себя выпрямиться.

– Я не тот, за кого ты меня принимаешь.

– Я пришел, чтобы устроить наш праздник огня. Ты нужен мне.

– Подожди, – взмолился Василий, чувствуя, как закрываются глаза и путаются мысли. – Сначала ты должен объяснить мне, почему ты выбрал меня, – медленно произнес он, с трудом подбирая слова.

– Ты родился ночью седьмого июля. Когда твоя мать размышляла, как назвать тебя, я явился к ней во сне, чтобы сделать соответствующее внушение. Она послушалась. А теперь, Иван, нам пора приниматься за дело.

Василий чувствовал, что начал погружаться в сон, как вдруг со стола что-то упало. Он нагнулся и поднял Нинину фотографию в рамке. Прижал к себе, как верующие прижимают икону, моля о спасении. Начал вслух произносить ее имя. Через некоторое время увидел, что огонь в камине потух. Сонливость пропала. Василий понял, что остался один. Победа! Он бережно поставил портрет на стол. «Меня спасла твоя любовь», – прошептал он.

ГЛАВА 37

Нину выписали через две недели. Василий ничего не рассказывал, но она чувствовала, что с ним что-то происходит. За время ее болезни он похудел из-за постоянного недосыпания. Существо появлялось около полуночи и пыталось утащить его с собой. Постоянная борьба изматывала все больше и больше. Последнюю неделю, когда он вышел на работу и не смог спать днем, силы таяли. Забирая Нину из больницы, несмотря на радость, он чувствовал слабость и с трудом сдерживался, чтобы не зевать слишком часто.

Пока Нина варила кофе, уснул в кресле. Поставив кофейник на стол, она налила себе чашку и, взяв книгу, села напротив. Василий проспал бы всю ночь, если бы его не разбудил будильник. Открыл глаза и увидел Нину, сидящую в кресле с книгой на коленях. Она заложила страницу и ласково посмотрела на него.

– Как спалось?

Он растерянно тер глаза, пытаясь проснуться, но опухшие веки не желали открываться. Кажется, только теперь он осознал, какое счастье спать по ночам.

– Прости, я заснул, – он виновато смотрел на Нину.

– Могу я узнать, чем ты занимался по ночам, пока меня не было? И что означает этот странный звонок будильника? Ты выглядишь так, словно тебе вовсе не давали спать. Надеюсь, здесь не замешана, какая-нибудь хорошенькая девушка? – Нина улыбалась, но глаза у нее были серьезными.

– Ты не представляешь, как я рад, что ты дома. – Он с удовольствием оглядел ее фигурку в длинном халате, который так шел ей.

– Это не ответ.

– Я могу поклясться всем чем угодно, что это не женщина.

– Я это знаю, дурачок, – она обошла и, устроившись у него на коленях, ласково взъерошила ему волосы. – Тебе лучше рассказать мне правду, потому что еще больше я буду мучиться от разных подозрений.

Он смотрел на ее округлившийся животик. Ему никак нельзя беспокоить ее. Врач еще раз предупредил его после выписки.

– Милая, но ты же знаешь, я не могу. Врач запретил.

– К черту врача, – она взяла его руку и приложила к животу. Он явно ощутил движение ребенка. – Чувствуешь, он шевелится? А это значит, что времени осталось мало. УЗИ показало, что будет мальчик. Он должен появиться на свет в конце первой недели июля, возможно даже и седьмого.

Василий закрыл глаза.

– Только не в этот проклятый день.

– Я постараюсь, – Нина грустно улыбнулась. – А теперь рассказывай, что произошло, пока меня не было.

– Кто-то приходит ко мне по ночам, – начал он и заметил, что рука Нины задрожала в его руке и покрылась мурашками, но Василий уже не мог остановиться, пока не выговорился. Некоторое время Нина молчала, лишь теснее прижимаясь к Василию, словно пыталась согреться. Зло еще больше вошло в их жизнь, поразив самого дорогого ей человека. А потом вдруг вспомнила, что призраки не приходят просто так. Они приходят, когда им что-то нужно от живущих.

– Знаешь, мне почему-то пришла в голову мысль, что это тот самый Иван. – Василий удивленно посмотрел на нее. – Иван Купало, в честь которого назван цветок Иван да Марья.

– Но это же просто легенда.

– Уверена, что когда-то очень давно жили красивая девушка Марья и молодой парень Иван, которые полюбили друг друга. Передаваемая из поколения в поколение история превратилась в легенду.

– Пусть так. Но все же я не понимаю, как это может помочь нам, даже если ты окажешься права.

– Пока не знаю. Но мне кажется, что если это тот самый Иван, то ему уже давно пора идти дальше.

– О чем ты, Нина? Куда ему надо идти?

– За время своей болезни я кое-что поняла. На какое-то время, потеряв сознание от боли, я оказалась там. – Она указала пальчиком вверх. – Уж не знаю, как это называется. Но там были мои родители. Мне было так хорошо и радостно, что я и не собиралась возвращаться. Задержись я там подольше, считалось бы, что Нина Веселова умерла. Но вы с Алексеем молитвами вернули меня к жизни.

– Но я не умею молиться, – напомнил ей Василий.

– Не придирайся к словам. Каждый умеет молиться, только не каждый обращается к Богу и использует для этого готовый текст обращения. У многих-многих существ есть своя молитва, и собственные слова не чуть не слабее церковных. И там я чувствовала, что вы удерживаете меня. А потом поняла, что мой путь еще не закончен, я должна вернуться, хотя бы для того, чтобы наш малыш появился на свет.

– Да к чему ты все это говоришь?

Они так увлеклись беседой, что не заметили, как прошло время. Внезапно угли в камине вспыхнули, а на окнах задрожали занавески.

– Он здесь! – прошептал Василий и крепко сжал Нинину руку.

– Я чувствую, – тоже шепотом ответила Нина, удивляясь собственному спокойствию.

– Зачем ты здесь? – обратилось существо к Нине. Ей показалось, что оно злится. Что-то подобное испытываешь, когда человек, перед которым ты виноват и уверен, что больше не встретишь его, вновь возникает перед тобой.

– Я собираюсь тебе помочь, – вслух сказала Нина. Она говорила это для Василия, существо понимало без слов.

– Мне не нужна твоя помощь, – ответило существо, и Нина ощутила сильную волну гнева. – Меньше всего я бы хотел, чтобы ты помогала мне.

– Не надо злиться, – спокойно сказала она. – Я не осуждаю тебя, Иван. Я знаю, ты любил Марью, а когда люди любят, они хотят быть вместе. Вам не повезло, что вы оказались братом и сестрой.

– Не говори мне о ней. Она соблазнила меня, и теперь, проклятый Богом, я обречен оставаться здесь.

– Ты сам себя проклял, – твердо сказала Нина. – Тебя погубила ненависть к сестре. Подумай ведь, Марья вполне могла полюбить тебя. Почему ты считаешь ее виноватой? Ты был красивым парнем, настолько красивым, что она забыла о вашем родстве. Другие осудили вас. Ты был так расстроен, что решил навсегда стать по-настоящему плохим. Ты продолжаешь мстить.

– И это говоришь ты?! – в его словах была горечь, словно они давно знали друг друга. – Конечно, теперь, когда все забыто, ты можешь быть великодушной.

Огонь в камине потух, занавеска на окне всколыхнулась и безвольно повисла. Нина повернулась к Василию, который заметил, что она общалась с существом так, словно он был человеком.

– Он и есть человек, только у него нет тела, поэтому мы его не видели. Ты понял, о чем мы говорили?

– Да, я слышал твои вопросы, а его ответы просто возникали в моем мозгу. Этой ночью он был другим, не таким, как в те ночи. Твое появление смутило его. Он даже забыл, что пришел за мной, и говорили вы, как хорошие знакомые.

– Мне удалось заставить его задуматься. Он ведь не всегда был плохим. Он застрял в этой истории. А ему надо двигаться вперед. Жаль, что он так быстро ушел.

С той самой ночи, несмотря на протесты, Нина заставляла Василия ложиться спать, а сама бодрствовала, ожидая посещения Ивана Купала. Но призрак больше не появлялся. И вот однажды после ужина Василий, уставший от неопределенности, вдруг заявил:

– Похоже, мне ничего не остается, как снова заглянуть в наш маленький телевизор, – он достал коробочку с хрустальным шаром и положил его на стол.

– Ты действительно готов сделать это сегодня? – спросила Нина.

– Да, – уверенно ответил Василий. – Ты же будешь рядом, мой маленький ангел-хранитель, который никогда не осуждает меня.

– Конечно, – она улыбнулась. – Я всегда буду рядом с тобой. И даже смерть не разлучит нас, – она улыбнулась высокопарно прозвучавшей фразе.

Василий нежно посмотрел на нее. Где она черпает эту силу, чтобы всегда находить нужные слова? И во что превратилась бы его жизнь, если бы рядом с ним не было ее, этого хрупкого создания, на плечи которого легло слишком тяжелое бремя? Он ни разу не видел страха в ее голубых глазах. А если она не боится, значит, и он найдет мужество встретить лицом к лицу свое прошлое, каким страшным оно бы не оказалось.

Василий вгляделся в хрустальный шар и увидел себя мальчуганом трех-четырёх лет. Он нагрузил красный самосвал песком и уже встал, чтобы показать его отцу, сидящему на скамейке, как вдруг заметил девушку. Она прошла мимо него и подошла к отцу. Девушка напоминала фею из сказки. Вдруг чьи-то сильные руки, зажав ему рот, выдернули его из песочницы и потащили куда-то. Он оказался в машине один со своими похитителями. Где-то там остался отец с феей, даже не заметивший его исчезновения. Он громко закричал, но бородатый мужчина снова зажал ему рот. Он пытался укунить его руку, но к носу поднесли резко пахнущую тряпку. Картина исчезла. Он знал имя этой девушки. Кусочки мозаики сложились. Все еще волнуясь, он рассказал о встрече с Мареной, о которой до сих пор почему-то молчал. Нина ласково пожурела его за то, что он не рассказал ей об этом раньше, и пошутила, что Марена, наверно, очень красивая.

– Она была очень красивой. Даже одежда, которую носили в секте, не так уродовала ее, как других. А уж когда она появилась перед моим отцом, она выглядела настоящей соблазнительницей. Но сейчас она очень изменилась.

Внезапно Нина прижала руки в груди, сцепив пальцы.

– Кажется, я догадалась. Марена и есть та самая Марья из легенды.

– Сестра Ивана?

– Да, – она энергично кивнула и, подойдя к книжному шкафу, начала рыться на полке.

– Что ты делаешь? – спросил пораженный ее странной реакцией Василий, но Нина только отмахнулась.

– Подожди, сейчас все объясню.

Она нашла мифологический словарь и открыла его на букву «м».

– Вот послушай, – она начала читать вслух. – «Мара, Марена или Морена – мифическое воплощение смерти, а также зимы и ночи. Чучело, которое носили по улицам при встрече весны первого марта, а затем сжигали. О ней помнили в ночь на Купалу. Поэтому Марью в купальской легенде можно считать дальнейшей трансформацией Марены. Мифическое существо Марена впоследствии утратило связь со смертью».

– Потому что переименовало имя? – воскликнул Василий. –

– Не знаю. Но сумма цифр в имени Марена составляет двойку. Я это проверяла и помню до сих пор.

– Да. Это так. Марена рассказывала, что всем купальцам давали новые имена, сумма цифр которых составляла двойку. Но послушай, Нина, это же невероятно. Марена не может быть той самой Марьей. Этой легенде сотни лет.

– По-моему, мы все больше и больше убеждаемся в том, что дух бессмертен, – заявила Нина. – Кстати, ты вот сейчас говорил, что Инна выглядела настоящей

соблазнительницей. Мария из легенды тоже выступала в похожей роли. Сущность человека не изменяется.

Внезапно Василий вспомнил, как Инна-Марена рассказывала ему о своем прошлом.

– Знаешь, а ведь она упоминала о том, что любила женатого человека, который обвинял ее в том, что ее дьявольская красота заставила забыть его о семье.

– То есть она опять его соблазнила? – уточнила Нина.

– Что-то вроде этого.

– Один и тот же механизм поведения, возможно навязанный, – задумчиво сказала Нина.

– Думаю, что с определенного момента она стала бояться своей красоты. Отсюда ее нелепая бесформенная одежда.

– Нужно уговорить ее пройти эту процедуру с хрустальным шаром. Как она попала в секту?

– Хотела заполучить своего возлюбленного, поэтому просто позвонила по объявлению, чтобы сделать приворот и попала на Улиту.

– Несмотря на то, что он был женат и у него был ребенок. И в этом тоже есть кое-что, тянущееся к ней еще из прошлой жизни. Предположим, она и есть та самая Мария, соблазнившая своего брата?

– Допустим, – согласился Василий, еще не вполне улавливая, к чему клонит Нина.

– Общество наложило табу на любовь между кровными родственниками. Марена влюбляется в брата и с помощью своего женского очарования склоняет его к любовной связи. Это было давно. Сейчас, в этой жизни, из всех мужчин она выбирает женатого, влюбляется в него и хочет заставить его, чтобы он бросил семью, используя опять свою красоту. Ей обязательно нужно нарушить какой-то запрет. Тебе нужно привести ее сюда. Круг замкнулся, мы знаем, кто такой Иван, и я почти уверена, что мы нашли Марью. Теперь надо помочь им выяснить отношения. И я чувствую, что это поможет нам разобраться с тем, что происходит с нами.

Василий смотрел на лицо Нины, охваченное возбуждением.

– Хорошо, я позвоню ей. Но я не знаю, как уговорить ее попробовать заглянуть в хрустальный шар.

– Главное уговорить ее прийти к нам. А там уж будем действовать по обстоятельствам.

ГЛАВА 38

– Я до сих пор не верю, что Марена придет, – сказал Василий, в который раз выглядывая в окно.

– Она обещала, – уверенно сказала Нина, подходя к нему.

– Если тебе удастся уговорить ее, это будет чудо. Просто чудо.

– Но я должна. Что будет, если она откажется нам помочь?

– Бедная ты моя! – Василий обнял ее за плечи. – Тебе-то за что все это?

Нина улыбнулась.

– Наверно, есть за что. Просто так не бывает.

– А вот и она, – воскликнул Василий, заметив через забор женскую фигуру в темной одежде.

Нина обратила внимание, что Марена похожа на тетку неопределенного возраста.

– Я же тебе говорил, она боится своей красоты.

– Теперь и я вижу это, – Нина с интересом разглядывала женщину, идущую по дорожке к дому и воровато оглядывающуюся по сторонам.

– Я пойду встречу ее, – сказал Василий, выходя из комнаты.

Нина взволнованно прижала руки к груди, молясь про себя, чтобы эта странная женщина доверилась ей. Нина тоже вышла ее встретить и приветливо поздоровалась. Но взгляд Инны, которая редко поднимала глаза, сразу уперся в Нинин уже достаточно большой живот.

– Так ты беременна?! – наконец, вымолвила она. – Зачем вы допустили до этого? Тебе нельзя рожать. Они ждут этого ребенка. – Инна протянула руку к Нине, словно хотела дотронуться до ее живота, чтобы убедиться в том, что она на самом деле беременна, но будущая мать непроизвольно отступила назад, и Василий, до сих пор стоящий молча, вмешался.

– Именно поэтому мы и пригласили тебя. Нам нужна твоя помощь, – Инна дико посмотрела на него и попятилась к двери.

– Что вам от меня нужно? Я не хочу иметь ничего общего с купальцами.

– Успокойся, – Василий еле сдерживался, чтобы не встряхнуть гостью. Ее страх необычайно раздражал его. Интересно, с каких пор похитительница младенцев стала такой трусихой? – Мы не сделаем тебе ничего плохого.

Нина, наконец, пришла в себя и быстро заговорила, прижимая руку к животу.

– Пожалуйста, Инна. Ты единственный человек, который может разобраться с этим. Мы тоже, как и ты хотим покончить с этой легендой. Я не хочу такой ужасной судьбы для своего ребенка.

Какое-то время все трое стояли молча. У Нины больше не было слов, она слышала глухие толчки малыша в животе и чувствовала, что сейчас расплечется. Наконец, Инна вздохнула.

– Только ради твоего ребенка, – она сдернула с головы платок и позволила Василию снять с нее куртку, которая была ей велика на пару размеров и осталась в мешковатых брюках, и застиранном свитере мышинного цвета. Даже под этой одеждой угадывалось, что у нее осталась хорошая фигура.

– Садись, – Василий придвинул ей кресло. – Я принесу чай.

– Что ты от меня хочешь? – резко спросила Инна.

– Я расскажу тебе все, что знаю. А ты уже дальше решишь, стоит ли тебе в этом участвовать.

Нина начала издалека, как пыталась выйти замуж за Николая и как вернулась к Василию и полюбила его. Очень осторожно упомянула про опыты с хрустальным шаром и сразу заметила неодобрение в темных глазах гостьи. Потом она перешла к своему предположению, что Инна и есть та самая Марья, а точнее ее дух, вселившийся в тело.

Инна вцепилась пальцами в край стола, стоявшего между ними.

– Религия запрещает так думать. У нас есть только эта жизнь, единственная.

– Мы сами выбираем во что верить, – уклончиво заметила Нина. – А основа любой религии в прощении, не так ли?

– О чем ты?

– Я про Ивана. Его дух приходит к нам по ночам. Никак не может покинуть это место и идти дальше. Я думаю, что если бы ты узнала, что его так мучает, мы могли бы помочь ему.

– О, Господи! Прости нас всех, – Инна быстро перекрестилась, и вошедший с подносом Василий с неодобрением посмотрел на нее.

– Кто приходит к тебе? – в упор спросила она.

Василий резко поставил поднос на стол. Чашки жалобно звякнули, немного чая выплеснулось на блюдца. Смущенный молодой человек сел рядом с Ниной.

– Он приходит ко мне ночью, пока я сплю. Называет меня Иваном и говорит, что я должен мстить. Сначала я думал, что все это мне снится, пока однажды утром не оказалось, что у соседей сгорел дом.

– И вы утверждаете, что к тебе приходит дух того самого Ивана, которого соблазнила Марья? А я есть та самая Марья? – выкрикнула Инна. – Это полная чушь.

– Тогда кто приходит ко мне? – также громко спросил Василий? – Кто говорит мне: «Идем Иван, настало время мстить?»

Инна схватилась за голову и начала раскачиваться в кресле, бормоча молитву. Нина достала из ящика хрустальный шар и положила на стол.

– С помощью него ты сможешь все узнать. Мы прошли через это много раз и узнали о наших прошлых жизнях.

Инна с ужасом смотрела на хрустальный шар, переливающийся в свете лампы разноцветными огнями. От волнения ее голос прерывался.

– Не могу. Это все от дьявола. Я решила стать хорошей. Изменила имя. Вы не должны толкать меня в пропасть. Я погублю свою душу.

Василий резко вскинул голову.

– Ты не сможешь погубить свою душу больше, чем ты уже сделала. Ты устраивала поджоги домов и выкрадывала младенцев, зная о том, что их принесут в жертву.

Инна затряслась от гнева.

– Ты не можешь обвинять меня! Ты – орудие дьявола! – выкрикнула она, отталкивая от себя шар обеими руками. – Я не хочу иметь с тобой ничего общего и не стану помогать тебе.

Василий, хлопнув дверью, выскочил из комнаты. Он вновь ощутил слишком хорошо знакомый ему приступ ярости. Если бы не Нина, мог задушить Марену. Прошлое есть прошлое и невозможно превратиться из грешницы в праведницу. Тем более в ее положении. Ну что ей стоит заглянуть в этот дурацкий шар? Тем более что она виновата перед ним. Он схватил со стола чашку и швырнул ее в стену, пытаясь дать хотя бы какой-нибудь выход злости. Чашка с грохотом разбилась на маленькие черепки, а Василий, мало осознавая, что делает, схватил следующую.

– Что он делает? – с ужасом спросила Инна, прислушиваясь.

– Бьет посуду, – совершенно спокойно ответила Нина. – У него иногда бывают вспышки необузданной ярости.

– О, Господи, помоги ему, – Инна судорожно перекрестилась.

– Боюсь, что единственный человек, который может ему помочь, это ты, – жестко сказала Нина.

Инна с отчаянием посмотрела на Нину.

– Но я не могу. Вы тоже не должны заниматься этим.

– Тогда скажи, что мне делать? Как мне спасти любимого человека и моего будущего ребенка?

Инна посмотрела на Нинин живот. По ее телу прошла дрожь. Как же они все запутались. Этот ребенок должен стать очередным правителем Огненного братства. Как только он родится, его отберут, чтобы воспитать по своим законам. Она знала, что Сатанов уже вернулся и Огненное братство возродилось.

– Но это грех! – Инна с отчаянием смотрела на шар. – Я только встала на путь истинный.

Нина грустно посмотрела на нее.

– Я понимаю тебя. Ты изменила имя, свои убеждения и круг общения. И думаешь, что этого достаточно? – Она грустно покачала головой. – Если бы это было так, каждый из нас мог начать новую жизнь с понедельника. Но все не так просто. Груз прошлых ошибок, особенно тех, о которых мы не знаем, тянет нас вниз, не давая стать такими, какими мы себя видим в мечтах. Единственное, что может помочь – это осмелиться заглянуть в прошлое. Ты должна знать свои ошибки, чтобы измениться. Твое прошлое здесь. – Нина положила руку на шар. – Другого способа нет. Ты поймешь многое из того, что от тебя скрыто. Например, зачем ты стараешься скрыть свою красоту? Или почему не выходишь замуж и не рожает детей?

На глазах у Инны выступили слезы, она спрятала лицо в ладонях и зарыдала. Нина вышла из комнаты, оставив ее одну.

Василий сидел на кухне среди черепков битой посуды. Поднял виноватые глаза на Нину.

– Прости, сам не знаю, как я это сделал.

Нина погладила его по голове, как ребенка. Как она могла сердиться на него, если хорошо понимала, с каким трудом ему удавалось контролировать себя.

– Надеюсь, тебе стало легче. Я видела симпатичный сервиз в магазине. Теперь будет повод его купить.

– Как Инна?

– Думаю, что смогу ее уговорить. Ты напугал ее.

– Я только все порчу, – сказал он с отчаянием. – Не знаю, как ты еще терпишь меня?

– Кажется, мне удалось найти нужные слова, хотя я причинила ей боль. Мне нужно идти.

Когда она вошла в комнату, Инна повернула к ней свое измученное лицо с красными глазами.

– Ты думаешь, Бог простит меня еще за один грех?

– Не знаю, – честно сказала Нина. – Я перестала верить в Бога после одного случая.

– Расскажи.

Нина пожала плечами и рассказала о Николае. Воспоминания все еще были болезненными, она говорила, не глядя на собеседницу, иначе бы заметила, как лицо Марены вдруг пошло красными пятнами.

– А когда вы собирались венчаться? – тихо спросила Инна.

– Седьмого июля прошлого года в нашей церкви в Тучково.

Назвав число, Нина вдруг осознала, что день их венчания совпал с праздником Ивана Купало. Как же их с Николаем угораздило назначить венчание на этот день? Занятая своими мыслями, она не сразу заметила окаменевшее лицо Инны, в ее глазах был настоящий ужас.

– Что с тобой? – удивилась Нина.

– О Господи, прости меня, грешную, я сама не знала, что творила, – Инна закрыла лицо руками, но потом снова подняла глаза на девушку. – Неужели та невеста была ты? Это не Бог тебя проклял, это я во всем виновата.

– О чем ты?

– В тот день мне позвонила Улита и сказала, что появление будущего правителя братства под угрозой, и только я могу спасти его. Я подошла к священнику, когда церковь была закрыта. Сказала, что мне просто необходимо побыть одной, чтобы помолиться. Он пустил меня внутрь, и я плеснула бензином из заранее приготовленной бутылочки. А когда началась служба, уронила свечу.

– Значит, если бы не ты, я могла бы выйти замуж за Николая.

– Прости меня, – повторила Инна. – Ты могла бы быть счастлива. А теперь ваш с Василием ребенок...

– Нет, – Нина инстинктивно прижала руки к животу. – Я не хочу для него такой судьбы. Я должна спасти его.

– Ничего не выйдет. Все предопределено, – грустно сказала Инна. – Он родится в день Ивана Купала. Ведь так получается по срокам?

– Он может родиться днем раньше или позже.

– Не думаю. Его появление было предсказано задолго до того, как ты забеременела.

– Но Василий же не стал вашим правителем?

– Улита не хотела этого. Ей слишком понравилась власть. Сначала она правила от его имени, ссылаясь на то, что он еще не готов, а потом вернулся из изгнания тот, кто организовал нашу секту.

– Но неужели эта секта до сих пор существует?

– Конечно. Все уходит корнями в далекое прошлое. Такое далекое, что нам не дано узнать его.

Нина взяла шар в руку и подняла со стола.

– Вот наше прошлое. И наше будущее. Пожалуйста. Помогите нам. Я хочу изменить судьбу своего ребенка. – Она прижала руки к животу, словно пытаясь защититься.

Инна нерешительно смотрела на Нину. Если бы она тогда не подожгла церковь, Нина вышла бы замуж за другого. Вот почему ее лицо показалось таким знакомым. Она видела ее, когда Нина стояла со своим женихом перед алтарем в белом свадебном платье. Теперь она уже не сможет уйти, не попытавшись выполнить ее просьбу. Господи, прости меня! Она несколько раз судорожно перекрестилась.

– Что вы хотите от меня?

Хрустальный шар, до сих пор покоившийся на столе, покатился в ее сторону.

Инна поймала переливающуюся сферу и еще раз с укором взглянула на сидящую перед ней молодую женщину. Нина еле заметно кивнула. Инна подняла глаза к потолку. В ее движении не было ничего театрального. Покорность человека, которому не оставляют выбора, но он все равно надеется. Сгущающиеся сумерки затемнили комнату, лица сидящих за столом женщин стали более взрослыми и серьезными. Горизонтальные морщинки перерезали чистый лоб одной и продолжились скорбными складками у губ другой.

– Хорошо, начнем, – хрипло произнесла Нина. – Сейчас я сосчитаю от одного до десяти. – Она была слишком взволнована, но заставила себя сосредоточиться.

Инна вглядывалась в появившееся в шаре изображение.

– Говори, что ты видишь, – напомнила Нина.

– Я вижу маленькую девочку и мальчика в саду. Девочка – это я. Мне пять лет, а мальчику – три, это мой брат. Из дома выходит женщина и зовет нас обедать. Я слышу ее голос, окликающий меня.

– Как она тебя называет?

– Она называет меня Марья, – спокойно произносит Инна, и Нина с трепетом замечает, что, погруженная в легкий транс, Инна еще не осознает связи со своей настоящей жизнью. – Я беру брата за руку и пытаюсь отвести в дом, но он хочет остаться на улице и убегает. Мне приходится догнать его и отшлепать. Мама рассердится, если я не приведу его. Он начинает ныть. Я вытираю ему слезы и показываю кулак. Он утихает и послушно идет за мной. Я очень боюсь, что мама будет ругаться, потому что мой братик во время игры упал в грязь и испачкался.

Инна замолчала.

– Что происходит дальше? – спросила Нина.

– Мама спрашивает, почему я не следила за братом и наказывает меня. Я всегда оказываюсь виноватой. Мама не любит меня. – На лице Инны появляется обида.

– Как зовут твоего брата?

– Иван.

– А тебя? – вновь спрашивает Нина.

– Марья!

Неожиданно до Инны доходит правда. Она бросает шар и смотрит расширенными от ужаса глазами на Нину.

– Так я и есть та самая Марья. Этого не может быть!

– Теперь ты понимаешь, почему мы просили тебя это сделать?

Инна молчит. Ее руки теребят край скатерти, в глазах застыл ужас.

– Вы не должны были просить меня пройти через это. Я не Марья. Все это чепуха. Мы все сумасшедшие.

– Хорошо, если это чепуха, тогда почему ты так напугана? Возможно, это просто совпадение. Тебе нужно пройти до конца и посмотреть. – Нина хитрит, понимая, что останавливаться нельзя. Инне придется встать лицом к лицу со всем своим прошлым. – Попробуй посмотреть, что случилось дальше. Неопределенность сведет тебя с ума, если ты не попробуешь.

«Возможно, она права, и там больше ничего нет», – лихорадочно думает Инна и закрывает глаза. Нина снова погружает ее в гипноз. На этот раз она делает это дольше обычного.

– Теперь я молодая девушка с длинной косой. Смотрю на красивого молодого человека. Это мой брат Иван. Я понимаю, что люблю его, люблю так сильно, что готова пойти на все. Он встречается с другой девушкой и не замечает моих страданий. Тогда я решаюсь его соблазнить. Мы купаемся в озере, и я, словно случайно, выхожу к нему нагая и прошу его принести мне одежду. Он впервые видит женское тело обнаженным. Я знаю, у него еще не было женщин. Он не двигается с места. Почувствовав его желание, целую его в губы. Мы падаем на траву и начинаем ласкать друг друга.

Инна открывает глаза. Она где-то между настоящим и прошлым.

– О Господи! Что же мы наделали?! Что я наделала?! Иван возненавидел меня, потому что до сих пор любил ту девушку.

– Как имя той девушки? – быстро спрашивает Нина.

– Настя. Анастасия. Целыми днями он шепчет ее имя. Иногда даже по ночам. О, как я ненавижу ее. Мне принадлежит его тело, но его душа по-прежнему с ней.

– Что случилось дальше?

– Нас стали презирать, – отрывисто заговорила Инна. – Мне было все равно, что говорили люди. Страсть поглощала нас, лишая рассудка. Когда все заканчивалось, он чувствовал ко мне отвращение. Однажды ударил меня по лицу и закричал, что во всем виновата моя дьявольская красота. Через пару месяцев почувствовала, что беременна. Только тогда я осознала, что натворила. Я не знала, что делать и долго не могла признаться во всем брату.

– Но он все узнал?

– Да, узнал. Нам пришлось уйти в лес. Я больше не хочу возвращаться туда. – По лицу Инны текли слезы.

– Продолжай. Что происходит? – настаивала Нина, с трудом заставляя свой голос не дрожать.

– Мы живем вдвоем в маленьком деревянном домике. Иван, наконец, принадлежит только мне. Я надеюсь, что он забудет Настю, но однажды он решил вернуться.

Инна замолкает, ее глаза широко открыты. Она вглядывается в изображение и не хочет верить ему.

– Что случилось?

– Я не знаю. Я не могу. Я не могу смотреть на это. Я вижу огонь, он везде. Мне больно. Нет! – Инна отбрасывает шар и открывает глаза. Ее тело в кресле корчится в судорогах, и она стонет.

– Хорошо, хорошо, – быстро говорит испуганная Нина. – Возвращайся в настоящее время. Сейчас я сосчитаю от десяти до одного, и ты будешь в настоящем времени.

Нине казалось, что ее молчание длилось бесконечно, но она терпеливо ждала, не решаясь даже пошевелиться. Когда Инна, наконец, начинает говорить, ее голос звучит совсем тихо, словно она боится своих слов.

– Ты была права. Прошлое существует и оказывает страшное влияние на нас. Я не могла так чувствовать, если бы это было выдумкой. Мне нужно было то, что я не могла получить. Для этого я использовала свою красоту. Я соблазнила Ивана

и забеременела от него, но потом случилось что-то плохое. Везде был огонь. Я чувствовала его жар. Я знаю, что нашему ребенку не суждено было родиться. Он погиб.

Инна замолчала, кусая губы. Потом внезапно подняла глаза на Нину.

– О, Боже! Неужели из-за этого случая я стала приносить чужих детей в жертву? Я перенесла свою зависть на других детей. Мой ребенок не родился, и я стала мстить другим. Я чудовище. – Ее лицо исказилось от боли. – Что мне делать теперь, Нина? Как жить с этим?

– Тебе надо поговорить с Иваном и попросить у него прощения.

– За что? Он не любил меня и не хотел этого ребенка. Ему было стыдно за нашу любовь.

Внезапно в камине из тлеющих углей вспыхнул огонь. Инна вздрогнула и оглянулась. Угли пылали так ярко, словно туда подбросили новых дров или плеснули керосином, а между тем, в комнате, кроме нее и Нины, которая не вставала с места, никого не было.

– Что это? – с ужасом прошептала она.

– Это Иван, – также тихо ответила Нина. Когда он приходит, всегда разгорается огонь. Праздник огня и воды помнишь? Он связывает себя с огнем. Ну, думаю вам лучше пообщаться вдвоем, – она встала, но Инна судорожно вцепилась в ее руку.

– Не уходи, я боюсь.

Нина послушно опустилась на стул.

– Чего ты боишься, сестренка? – обратился к ней Иван. – Давай поговорим.

– Уходи, – выкрикнула Инна и пододвинулась Нине, прошептав: – У меня в мозгу появляются какие-то слова. Что это?

– Вы читаете мысли друг друга, – пояснила Нина.

– Нам нужно выяснить наши отношения, Марья. Я устал. Хочу идти дальше. Ты все еще злишься за то, что я сделал с тобой?

– Ты убил не только меня, но и нашего малыша. Я любила тебя, любила по-настоящему. Я знаю, мне нужно было бежать от тебя, но я не смогла. Это было сильнее меня.

– Мы оба виноваты. Я мог тебя остановить. – Инна почувствовала, что он раскаивается, в том, что он сделал. Перед ней появилось его лицо. Таким, каким она видела его в хрустальном шаре: нежное, одухотворенное с завитками волос, спадающими на лоб. Это был все тот же Иван, которого она любила.

Он понял все прежде, чем она произнесла слова прощения.

– Так ты прощаешь меня?

– Да.

Нина понимала их общение так же хорошо, если бы слышала каждое слово.

– Прощай, Марья. Я любил тебя и сожалею, что не смог тебя защитить.

Инна улыбнулась. Возможно, это было странно и нелепо, но это признание было ей по-прежнему дорого.

– Прощай, Иван, – прошептала она.

Огонь погас.

– Он ушел? – шепотом спросила Инна.

– Да и я надеюсь, что навсегда.

Нина включила свет и заметила, что в лице Инны произошла явная перемена. Она определенно похорошела. Из глаз исчез страх, щеки разругались, она даже перестала сутулиться.

– Как ты?– спросила она.

– Мне стало легче, намного легче от того, что Иван признался, что любил меня. Я и не подозревала об этом, – Она сжала виски руками, словно для того, чтобы унять пульсирующую боль.

– Ты плохо себя чувствуешь? – спросила Нина, зная по опыту, что после таких возвращений иногда чувствуешь себя так, словно тебе не хватает воздуха, перед глазами мелькают воспоминания, голова идет кругом.

– Все спуталось, мысли набегает друг на друга, – пожаловалась Инна. – Кажется, я никогда больше не буду такой, какой была. Сейчас мне лучше остаться одной, чтобы хорошенько все обдумать. – Придерживаясь за стол, словно опасаясь упасть, Инна встала и сняла с вешалки куртку. – Могу я как-нибудь проскользнуть, чтобы не встречаться с Василием?

– Подожди минутку.

Нина нашла его на кухне. Василий сидел, опустив голову на руки, за столом. Она легонько дотронулась до его плеча.

– Я провожу Инну, а ты оставайся здесь.

Он посмотрел на Нину, в его глазах было отчаяние.

– Это все из-за моих выходов, да? Я теперь, как пугало. Скоро и ты покинешь меня.

– Успокойся. Ты для нее еще одно напоминание о прошлом, которое она хотела бы забыть.

– Нет, она боится меня. Я ведь и на самом деле чуть не убил ее. Ты тоже должна меня покинуть. Я должен жить один. Однажды я уже причинил тебе зло. Сам не знаю, что творю. Словно демон вселяется в меня, и я не могу совладать со своим желанием разрушать. Я опасен.

Нина укоризненно посмотрела на него.

– Я всегда буду с тобой. Мы со многим уже справились. После того, что произошло, я впервые вижу выход. – Она скользнула губами по его щеке и погладила по волосам. – Потерпи минутку, я все расскажу.

Василий огляделся вокруг. Черепки битой посуды напомнили о новом безумстве. Как он разозлился. Как обычно, его подхватило каким-то черным потоком, и он не соображал, что делал. Как долго это будет продолжаться? Если бы Нина его не остановила, он мог бы, наверно, убить Инну. Застонал от собственного бессилия.

Возле калитки Инна остановилась.

– Будь осторожна. Ты в опасности.

– Почему? – удивилась Нина. – Мне кажется, что после того, как ты простила его, он больше не будет мучить Василия.

– Все не так просто, – Инна вздохнула. – Ты находишься рядом с опасным человеком и ждешь от него ребенка. Он всю жизнь будет жить на грани добра и зла. И сколько у тебя должно быть сил, чтобы бороться за него?

– Я люблю его. Мы справимся, даже если для этого придется изменить расположение небесных светил и придумать для него новый день рождения.

Инна улыбнулась, восхищаясь решимостью новой знакомой. Ей бы самой не помешала хоть чуточка Нининой уверенности и упрямства. Эта девушка будет идти вперед до конца и никогда не смирится с судьбой.

– Да поможет тебе Бог! Ты такая смелая. Заставила меня взглянуть в лицо моему прошлому и, несмотря на позор, царящий там, не высказала осуждения.

– Кто я, чтобы осуждать?! В моем прошлом тоже наберется достаточно ошибок.

Инна вдруг с сомнением посмотрела на Нину.

– А было ли все это на самом деле? Тогда, в комнате, происходящее в шаре казалось мне реальным, а теперь думаю: не приснилось ли мне все это? Но даже если это и было сном – она слегка дотронулась до Нининой руки – ведь так легче думать, не правда ли? Теперь я все же лучше знаю себя. – Нина улыбнулась, согласно кивая. – Я еще слишком боюсь поверить в то, что мы жили до этой жизни. И все же спасибо, что заставила меня пройти через это. Теперь мне стало многое понятно.

Инна хотела попросить свою новую подругу, чтобы она не рассказывала Василию о том, что она и есть та самая Марья, но так и не решилась. Позже вечером, вспоминая их встречу, она поняла, что правильно сделала. Между любящими людьми не должно быть тайн, ее просьба могла еще больше осложнить непростую ситуацию. Она так и не осмелилась сказать Нине о своих опасениях. Когда подоспеет время родов, члены Огненного братства начнут искать ее. Подошедший автобус прервал ее размышления. Заплатила за билет и села на переднее сидение. Неожиданно поймала в зеркале водителя свое изображение. Блеклый платок скрывал волосы и делал ее женщиной без возраста. Зачем она так уродует себя? Медленно развязала узел и снова посмотрела в зеркало. Так было намного лучше, хотя волосы явно нуждались в услугах парикмахера. Вынула из сумки расческу и причесалась. В зеркале появилось улыбающееся лицо усатого водителя. Она улыбнулась в ответ.

ГЛАВА 40

– Ну что же, беременность у вас протекает хорошо. Осталось совсем немного. Надеюсь, что роды у вас будут легкими, – заключила врач после осмотра. – Нина быстро оделась за шторкой и села на стул, глядя на моложавую женщину с короткой стрижкой, заполнявшую ее карту.

– Как вы думаете, в какой день это произойдет?

– Точное время зачатия определить достаточно трудно. Но по моим подсчетам ребенок должен появиться на свет седьмого июля. – Горло у Нины перехватило, и она с трудом прохрипела:

– Почему вы назвали именно этот день?

Гинеколог сдвинула очки на нос и посмотрела на Нину.

– Это приблизительно. Ребенок сам решает, когда ему появиться на свет. От нас с вами здесь ничего не зависит.

– Вы хотя бы знаете, что это за день? – с отчаянием в голосе спросила Нина.

– Понедельник, – она посмотрела на календарь.

– Значит, не знаете, – вздохнула Нина. – Это день Ивана Купала. Этот понедельник считается сатанинским днем. И я не хочу рожать в этот день! Может, есть какие способы избежать этого дня?

Врач всплеснула руками и разразилась целой тирадой о том, какая чушь бывает в голове у беременных. И Нина, хотя и казалась разумной, тому не исключение. Какие могут быть ведьмы в наше время? Она так возмущалась и крутила головой, что очки у нее чуть не свалились с носа.

Нина с трудом поднялась со стула. За последние месяцы она сильно прибавила в весе, и теперь ей было тяжело двигаться. Зачем только она завела этот разговор? Врач, скорее всего, случайно поставила дату на седьмое июля. А у нее нервы разыгрались. И все же тревога не оставляла ее, и она решила подстраховаться. Поехала в платную клинику. Быстро договорившись с молодым врачом о цене за столь необычную услугу, вернулась домой. Она поедет в больницу вечером четвертого июля во время его дежурства. Если стимуляция не поможет, врач сделает кесарево сечение, чтобы ребенок родился пятого июля. Она сама выбрала этот день, предварительно просчитав по нумерологии и сверившись с лунным календарем.

Только вечером она призналась во всем Василию. Конечно, как и ожидалось, он пытался ее переубедить. Говорил, что это опасно для нее и ребенка, но Нина стояла на своем.

– Ничего не случится. Это просто крайняя предосторожность. Ребенок может родиться и раньше. Некоторые дети появляются на свет семимесячными, а я всего лишь передвинула пару дней. Будет хуже, если малыш появится в купальскую ночь, и мы потом всю жизнь будем жалеть об этом. И, вообще: почему у матери не может быть права выбрать день рождения для своего ребенка? Тем более, когда есть такая угроза?

Василий быстро сдался. Спорить с Ниной, да еще в ее состоянии, безумство. Пусть делает, как считает нужным. Он подошел и сел рядом с ней на диван. Обнял за худенькие плечи.

– Если бы ты знала, как я боюсь за тебя. Ведь ты единственный человек, который у меня есть. – Нина поняла, что выиграла. Взяла руку Василия, положила себе на живот. В пылу их борьбы, малыш, словно тоже хотел участвовать, совсем разбушевался. Если бы можно было расшифровать его знаки. Будущий отец улыбнулся. – Ничего себе, как он разбуянился. Похоже, он с тобой заодно.

ГЛАВА 41

Весь день Нина не могла найти себе места. Нехорошее предчувствие не давало покоя. В конце концов, чтобы отвлечься от плохих мыслей, занялась уборкой. Стирая пыль со стола, не заметила зеркала и столкнула его на пол. Зеркало разбилось. Вся, похолодев, будущая мать смотрела на осколки. «Быть беде», – подумала она. Взгляд упал на календарь, где день, когда их ребенок должен появиться на свет, она обвела красным карандашом. А есть ли у нее такое право: назначить самой день рождения? Почувствовав ее беспокойство, затолкался малыш. Она присела, поглаживая живот. Уж скорее бы роды. Как

надоело быть такой неповоротливой. Последнее время она стала быстро уставать, сказывались и последний месяц беременности, и нервное напряжение. Вот и сейчас: совершенно нет сил идти за веником. Ладно, она потом приберет эти осколки. Нина прилегла на диван и не заметила, как задремала. Проснувшись, услышав чьи-то шаги и приглушенный разговор. Кажется, она забыла запереть дверь. Противный липкий страх сковал тело. Вспомнилось разбитое зеркало. Беда! Она поспешно села, запахивая халат и машинально приглаживая волосы.

Дверь распахнулась, на пороге появился бородатый мужчина средних лет с обветренным лицом и черными глазами.

– Вот она где спряталась!

Из-за его плеча выглядывал светловолосый юноша с испуганным взглядом.

– Кто вы? – вскрикнула Нина.

Взгляд мужчины, скользнув по лицу, опустился вниз к животу, который она прикрыла руками.

– Мы пришли за тобой.

Нина все поняла. Они пришли не за ней, а за ее ребенком. Вероятно, это и были люди из Огненного братства, о котором недавно говорила Инна, убеждая Нину, что ей нужно пораньше лечь в больницу или переехать в другое место.

– Что вам надо? – спросила она, стараясь, чтобы в ее голосе не сквозил страх.

Мужчина с бородой сделал два шага к ней.

– Мы пришли за тем, что принадлежит нам по праву. Много лет мы ждали рождения этого ребенка. Он наш, и мы собираемся забрать тебя в наше Братство.

– Я буду кричать, если вы подойдете, – предупредила Нина, понимая, что ее никто не услышит.

Глаза бородатого сузились в щелочки от злости, и он обернулся к спутнику:

– Давай делай ей укол, а то она и правда всю деревню на ноги поднимет.

Нина огляделась вокруг в поисках тяжелого предмета, который можно было бы использовать для защиты. Осколки от зеркала валялись слишком далеко, к тому же силы были явно неравные. Их двое, она одна. Единственное, что можно попробовать, это тянуть время. Василий скоро должен вернуться.

– Давайте поговорим, – сказала она спокойно. – Выслушайте меня. Мне кажется, что люди, которые стоят во главе вашего общества, просто используют вас.

Ее слова разозлили бородатого. Он шагнул вперед и дал ей пощечину. Голова Нины запрокинулась.

– Не смей так говорить, женщина! Твое дело – родить ребенка.

– Ну, давай же, – крикнул он молодому парню, который вытащил из сумки шприц и наполнял его из ампулы.

– Помогите! – закричала Нина, но рука бородатого зажала ей рот. Пока пыталась укусить, услышала быстрые шаги и почувствовала, как задрали длинный рукав халата. Кожу пронзила игла.

– Неси ее в машину, – скомандовал бородатый.

Молодой человек взял Нину на руки и начал осторожно спускаться по лестнице. Его глаза не отрывались от ее лица. Один раз споткнулся и чуть не упал.

– Неси осторожнее, придурок, – выругался бородатый. – Она должна родить в срок.

– А что с ней будет после того? – вдруг спросил он.
– Не знаю. Убьют, наверно, – равнодушно сказал бородатый. – Хотя, может, сначала дадут ребенка выкормить.
Парень остановился, и в его глазах мелькнуло отчаяние.
– Зачем ее убивать? Она такая молодая.
– Это не нам решать, – оборвал его бородатый, – Ты давай лучше поторапливайся, а то слишком разговорился.

ГЛАВА 42

Нина проснулась от подступившей к горлу тошноты. С трудом подняла тяжелую голову с подушки. Огляделась. Где она? Светлые стены, картина с лесным пейзажем над журнальным столиком, два кресла. Вспомнила. Двое мужчин ворвались к ней в дом. Один из них сделал ей укол. Куда ее привезли? Она медленно сползла с постели и, поддерживая живот, доковыляла до двери и дернула за ручку. Заперто. Постучала. Ответа не последовало, и она поплелась к окну. Раздвинув плотные шторы, не увидела ничего, кроме высоких сосен и аккуратно постриженного газона. Тишина.словно она одна в этом мире.

Нина кусала губы, пытаясь удержаться от слез. Теперь их малыш обречен родиться в этот проклятый день Ивана Купала. А она так хорошо все рассчитала. Но в который раз судьба утерла ей нос, продемонстрировав свою силу. Если они будут держать ее в этой комнате, она родит в тот день, когда положено. Василий, наверно, места себе не находит. Пришел домой, а ее нет. Наверно, он уже заявил в милицию и ее найдут. Да кто они такие, чтобы держать ее здесь насильно?! Подошла к двери и забарабанила в нее ногой. На пороге появилась девушка лет двадцати. Миленькое личико без косметики с остреньким носиком, волосы скрыты под серым платком. Одета в длинную черную юбку и мышинового цвета кофточку под горло на пуговицах.

– Вы проснулись? Как себя чувствуете?

Ее приветливый тон несколько смутил Нину, и она спросила гораздо мягче, чем собиралась.

– Я хотела бы знать, где я и зачем меня сюда привезли.

– Мне приказано не разговаривать с вами на эти темы, – тон девушки изменился, стал более прохладным. – Когда они, – она с подчеркнутым уважением произнесла это местоимение, – сочтут нужным, вам об этом сообщат. Мне приказано ухаживать за вами. Могу принести обед, чистые вещи или еще что-нибудь.

– Я хочу выйти из комнаты.

– К сожалению, это невозможно.

– Разве я пленница?

Девушка мягко улыбнулась, ее взгляд остановился на Нинином большом животе.

– Только до седьмого июля, – сказала она и в ужасе закрыла себе рот рукой, понимая, что проговорила.

Нина вздрогнула. Опасения подтверждались: ее будут держать здесь до седьмого июля, чтобы она родила, и ни одна живая душа не придет на помощь, чтобы спасти ее от этих сумасшедших.

– Почему вы считаете, что я обязательно должна родить в этот проклятый день?

– Не говорите так. – Девушка посмотрела на нее с осуждением. – Это большая честь для вас, стать матерью этого ребенка.

– Зачем вам мой ребенок?

Девушка выглядела растерянно.

– Придет время, и вы все узнаете.

– А если я сделаю что-нибудь с собой?

В глазах девушки промелькнул испуг. Господи, если она не уследит, они убьют ее. Она отвечает за безопасность.

– У вас это не получится, – быстро сказала она. – Кто-нибудь из наших людей будет обязательно находиться при вас.

– Вы не можете насильно держать меня здесь. Это преступление. Я уверена, что меня уже ищут. А когда найдут, вас всех посадят в тюрьму.

– Вы не понимаете, что говорите. Внешний мир несовершенен и жесток. Когда вам разрешат узнать о нас больше, вы никогда не захотите вернуться туда. Только здесь с нашими духовными братьями и сестрами можно стать счастливой.

Нина подняла на нее глаза и заметила огонек одержимости, горевший в ее глазах. Она явно была уверена в своих словах.

– Вам задурили голову всякой ерундой, и вы потеряли разум.

Лицо девушки стало каменным. Она холодно посмотрела на Нину.

– Давайте прекратим этот бесполезный разговор, нам категорически запрещено слушать критику в адрес нашего общества. Более того, я буду вынуждена сообщить о ваших словах своему наставнику. Вы что-нибудь желаете?

– А что мне можно? – саркастически спросила Нина.

– Если хотите, то можете принять душ под моим присмотром, он в соседней комнате и покушать.

– Под вашим присмотром? – Нина даже задохнулась от гнева. – Я буду мыться, а вы будете наблюдать за мной? Какая наглость! Да что вы себе позволяете!

– Это для вашего же блага. Вы можете поскользнуться и повредить рождению того, кого мы все так ждем.

Нина бросила на девушку гневный взгляд, но та стояла, смиренно опустив глаза. Ей безумно хотелось принять душ, но заниматься этим под пристальным взглядом этой чокнутой невозможно.

– Принесите чаю, – буркнула она раздраженно, и когда девушка, повернувшись спиной, крикнула: – и какую-нибудь книгу.

– Мы не читаем никаких книг, кроме литературы, выпускаемой нашим братством, и не смотрим телевизор. Вы тоже подчиняетесь общим правилам.

– Так вы, вообще, не знаете, что творится в мире? – поразила Нина.

– Нам это не нужно. Внешний мир полон грязи и разврата, а нам нужно сохранять духовную чистоту, чтобы продвигаться по уровням.

– По каким уровням?

– Уровням духовной свободы.

– Да что вы понимаете в духовной свободе?!

– Я принесу чаю и бутербродов, – девушка повернулась спиной, замок в двери щелкнул. Нина в отчаянии бросилась на постель. Если в этой секте все такие сумасшедшие, то ее будут держать в этой комнате годами, и ни одна душа не догадается, где она. Она всхлипнула, но тут же вытерла слезы рукавом. Вася обязательно найдет ее. Конечно, она не была бы в такой панике, если бы седьмое июля не приближалось, а малыш так усиленно не вертелся, словно уже просился наружу.

ГЛАВА 43

День за днем Нина проводила в своей комнате, все больше и больше отчаиваясь. Девушку, которую она увидела первой, сменила женщина средних лет, которая вовсе не разговаривала с ней, лишь приносила еду, водила в туалет и в ванную. Они не разрешали задернуть занавеску, когда Нина принимала душ или закрыть дверь туалета. Кто-то из них постоянно присутствовал рядом. Только в комнате, заперев дверь, оставляли ее в покое. Нина чувствовала, что сходит с ума. Она не привыкла сидеть без дела, а здесь не было ни книг, ни телевизора. Забвение приносил лишь сон, но она стала плохо спать.

Однажды в комнате появилась полная женщина среднего возраста, которая сквозь зубы сообщила Нине, что она врач и будет принимать роды. Тут же на кровати, она подвергла Нину унижительному осмотру и, прищелкнув языком, сообщила, что все идет так, как нужно. После ее ухода будущая мать расплакалась, осознавая собственное бессилие. Если бы у нее была возможность, выпрыгнула бы из окна, но единственное окно закрыто решеткой, а за дверью постоянно дежурили. Все организовано так, чтобы не было возможности навредить себе и ребенку. Даже мебель в комнате была прикручена к полу. Однажды она попробовала отказаться от приема пищи, но ей тут же сделали укол.

Единственным спасением, чтобы не сойти с ума, были воспоминания, и она каждый день напрягала свой мозг, вспоминая какие-нибудь события из своего прошлого, пытаясь заполнить тот вакуум. Как потерпевшая кораблекрушение, ногтем отмечала на стене каждый прошедший день, чтобы знать, сколько времени она здесь. Каждая полоска, проведенная на стене, заставляла ее сердце сжиматься от ужаса. Шестого июля вечером начали отходить воды и появились первые слабые схватки. Нина корчилась на постели, понимая, что ее борьба против темных сил проиграна. Их сын, как и предсказывали, родится в купальскую ночь и станет одним из них.

С тех самых пор, как Улита появилась в доме у Нины, потребовав, чтобы она стала женой Василия, ее жизнь пошла наперекосяк. Какие бы усилия она не предпринимала, все только становилось хуже. Кто-то более могущественный пытался доказать ей, что от судьбы не уйдешь, и все предначертанное сбудется.

Около девяти вечера дверь открылась, и на пороге появилась уже знакомая женщина, представившаяся врачом. Опытным взглядом окинув Нину и заметив ее мокрый лоб, она довольно улыбнулась.

– Ну, что ж, я вижу, что все идет, как надо. Мне даже не придется помогать тебе. – Она подошла и приказала ей лечь на спину. – Дай-ка я посмотрю, как там наш Иван. – Несмотря на Нинин стон, засунула руку глубоко в ее лоно и долго шарила там. На ее губах играла полуулыбка, словно она наслаждалась ее беспомощностью. – Потерпи, милочка. Тебе повезло, роды должны быть легкими. – Ну, а теперь я позову девочек. Тебя нужно будет обмыть и подготовить. Ты должна выглядеть прекрасной. Уже все готово для твоих родов.

Уловив в ее словах какой-то скрытый намек, Нина подняла голову:

– Я буду рожать в этой комнате?

– Конечно, нет, дорогуша. – Женщина хищно улыбнулась. – Наш предводитель решил, что каждый член нашего общества должен присутствовать при рождении маленького Ивана.

– Что это значит? – холодея от страха, спросила Нина.

– Ты произведешь ребенка на нашем празднике, посвященном Ивану Купале. На твоих волосах будет венок из цветов Иван-да Марья, а рожать ты будешь на специальном жертвенном ложе. Большая честь для тебя, – заметила она, не обратив внимания на отчаяние на лице Нины.

«Рожать прилюдно? – с ужасом подумала Нина. Да они, видно, совсем дикари? Я буду стонать и корчиться от боли, а все остальные смотреть? Да кто же такой их правитель, который мог придумать такое?»

– Пожалуйста, – Нина одернула халат и села. – Я прошу вас только об одном: позвольте мне остаться здесь. Не делайте из меня посмешище.

– Это не в моей власти, – холодно сказала женщина. – Так решил Иван. Рождение ребенка – это священнодействие. Особенного такого, как этот. Мы будем помогать тебе песнями и молитвами.

– Могу ли я хотя бы поговорить с вашим Иваном? – отчаянно попросила Нина.

– Даже не надейся. Исполни то, что от тебя потребуется, и тогда он, возможно, снизойдет до общения с тобой. Сейчас ты для него лишь сосуд, а вот когда станешь матерью Ивана...

– Вы сумасшедшие, – прошептала Нина. – Я скорее умру, чем...

– Хватит болтать, – оборвала ее женщина. – Умереть тебе никто не позволит. Лучше готовься к великому празднику. Тебе выпала честь стать главной героиней дня.

ГЛАВА 44

Впервые Сатанов увидел Нину в день похищения, когда она еще спала. Ее бледное лицо со светлыми ресницами и веснушками на носу вызвало незнакомое прежде чувство нежности. Он приказал, чтобы за ней как следует ухаживали и вкусно кормили. Для того чтобы иметь возможность наблюдать за пленницей в любое время в ее комнате установили камеру. Он часами следил за монитором, как она металась из угла в угол. «Потерпи, милая, – мысленно говорил он. Когда ты подаришь нам Ивана, я допущу тебя в свой мир». Он предполагал, что Нина с благодарностью примет его предложение. К этому времени по ее расчетам она

уже должна потерять надежду на спасение. И тут появится он: король, который положит к ее ногам свое царство. Впервые в жизни Сатанову захотелось жениться.

Когда он обдумывал, как лучше устроить празднество, ему пришла в голову идея, что Нина – а в том, что ребенок родится именно в этот день, он не сомневался – должна родить Ивана у всех на виду. Купальцы должны видеть момент появления будущего правителя. Это должно произвести особое впечатление. А он, подобно отцу, примет будущего наследника на руки. Благодаря предсказанию Улиты, он совершенно не испытывал ревности или брезгливости к биологическому отцу ребенка. Он выполнил свою миссию. Теперь и его женщина, и ребенок принадлежат Огненному братству.

Территория братства занимала почти всю примыкающую к лесу улицу. Верные купальцы, число которых неуклонно увеличивалось, приносили достаточное количество денег, чтобы он мог купаться в роскоши. Мужчины продавали на улицах сувениры и разные мелочи, которые сами же и производили, а женщины свое тело. Кроме этого каждый будущий член братства жертвовал всю свою собственность и сбережения. Таким образом, Сатанов внушал им, что материальные вещи – это привязанность к земному, а чтобы вознестись ввысь к чистоте и целомудрию надо думать о духовных богатствах и помощи другим. А кто же не хочет вознестись и приблизиться к Богу? Или увеличить свои способности?

Предводитель еще раз внимательно окинул огромную поляну, специально подготовленную для празднества. Стемнело. Вокруг костров водили хороводы девушки в длинных сарафанах. На голове у каждой венки из желто-голубых цветов, длинные волосы заплетены в косы. Одетые в рубахи навыпуск и шаровары, мужчины толпились возле накрытых столов. В этот день он позволял купальцам выпить и как следует поесть. Весь год они питались очень скромно. Несколько парней затеяли прыжки через костер возле озера. На заре, согласно старинному обычаю все пойдут купаться, а незамужние девушки будут бросать венки в воду. Если венок потонул, значит, замуж она в этом году не выйдет. На самом деле: выйдет ли она замуж или нет, будет решать он, Сатанов.

Корчащуюся от схваток Нину принесли на носилках к деревянному столу и переложили на него. Женщины и девушки, сомкнув вокруг нее кольцо, затянули песню. Нина чувствовала смоляной запах костров, по лбу и по щекам тек пот, и все тело разрывалось на части от существа, рвущегося на свободу. Когда она дернулась от боли, покрывало соскользнуло. Никто и не подумал, чтобы прикрыть ее, и она, совершенно обнаженная, корчилась от схваток, у всех на виду. Неожиданно пение прекратилось, женщины, почтительно склонив голову, расступились. В ногах у Нины стоял предводитель Огненного братства. Он что-то спросил у принимающей роды женщины. После ее ответа правитель одобрительно кивнул головой. Он смотрел на Нину, его лицо ничего не выражало, словно роды были самым обычным для него явлением. На мгновение их глаза встретились, и Нина, посмотрев на него с презрением, повернула голову набок и закрыла глаза, сдерживаясь из последних сил, чтобы не застонать. Когда он удалился, кольцо женщин сомкнулось, заунывное пение продолжилось. Схватки усилились, ребенок продвигался, она сделала последнее усилие и

почувствовала облегчение. Женщины вокруг засуетились, разглядывая ребенка. Послышались восхищенные крики. Нина разлепила тяжелые веки, слипшиеся от слез, и взглянула на крошечное существо, которое предводитель Огненного братства высоко поднял над головой, чтобы все могли его увидеть. Красный от крови, малыш разевал маленький ротик, возвещая о своем вступлении в мир.

Как только Нина выполнила свою миссию, о ней все забыли. Кто-то из женщин набросил на нее покрывало. Теперь ей было холодно, зуб не попадал на зуб. Она-то провалилась в тяжелый сон, то просыпалась. У нее не осталось сил, чтобы беспокоиться о судьбе малыша. Она думала, что умирает. Когда о ней, наконец, вспомнили, молодая мать уже потеряла сознание. Ее поспешно перенесли в комнату, обмыли, накачали лекарствами и приставили сиделку. Праздник продолжался. В этот день Сатанов отменил ритуальное сожжение девочки, заменив его соломенной куклой. Он и сам не знал, почему решил обойтись без жертв.

ГЛАВА 45

Все ужасы и унижения прошлой ночи нахлынули на Нину, как только она открыла глаза. Поборов слабость, она приподнялась на подушке и оглядела комнату в поисках сына. Из груди вырвался тихий стон. Глупо было бы ожидать, что они отдадут ей ребенка. Мокрая рубашка на груди возвещала о появившемся молоке. Малыша нужно срочно покормить. Несмотря на боль внизу живота, молодая мать заставила себя подняться и дойти до двери. На этот раз ей пришлось достаточно долго стучать, прежде чем незнакомая ей девушка в платке и длинной юбке, появилась у дверей.

– Где мой ребенок? – спросила Нина.

– Я не знаю.

– Немедленно принеси его сюда. Его нужно покормить. Я требую, чтобы он был со мной. Вы не сможете за ним нормально ухаживать.

– Я сейчас узнаю, – девушка выскочила из комнаты.

Ждать пришлось достаточно долго, пока в комнату вошла другая девушка с длинными черными ресницами. Голову ее тоже прикрывал платок. В руках она неловко держала запеленанный сверток, который протянула Нине.

– Я принесла вам его покормить, – сказала она. – Он только что проснулся.

Нина впервые взяла на руки своего сына. Темные завитки волос, прямой аккуратный носик, голубые глаза на крошечном смуглом личике.

– Правда, красавец? – спросила девушка, наблюдая за ними.

– Может, вы выйдете и предоставите мне возможность покормить его?

– Мне не разрешено оставлять вас вдвоем с ребенком.

– Какая глупость! – гневно сказала Нина. – Неужели вы думаете, что я смогу причинить вред моему сыну?

– Ладно, – нехотя согласилась девушка. – Я выйду, но дверь закрывать не буду. Позовите меня, когда покормите.

Нина ничего не ответила, лишь крепче прижала к себе маленькое существо. Когда они остались одни, она осторожно прикоснулась губами к его лобику, вдыхая его аромат. Малыш спокойно смотрел на Нину. «Ты самый красивый

ребенок на свете, – шепнула она, – и очень похож на своего папу. Он будет тобой гордиться».

Молодая мать приложила его к груди, и малыш, причмокивая, занялся делом. Нина не сводила с него глаз. Одна мысль о том, что сейчас его унесут и отдадут чужим людям, причиняла невыносимую боль. Она провела бы целый день, наблюдая, как он шевелит маленькими ручками и ножками, меняла бы ему пеленки и укачивала перед сном.

Нина с яростью взглянула на вошедшую девушку.

– Я не отдам вам его! Сын должен находиться при матери.

– Но, я должна забрать его. Меня поставили, чтобы я ухаживала за ним. Вам лучше отдохнуть, – мягче добавила она. – Вы еще слабы после родов.

– Со мной все в порядке. Я не знаю, кто управляет вами, но он безумен, если вытворяет такие вещи. Неужели вам нравится жить здесь? – не удержалась Нина.

– Да, – в глазах девушки загорелся этот огонь, который она уже наблюдала прежде. – Теперь моя жизнь обрела смысл.

Нина вздохнула.

– Как вас зовут? – спросила она, чтобы потянуть время.

– Вилен.

– Вилен? – переспросила Нина. – Никогда не слышала такого имени.

– Это имя мне дали здесь.

– Ах, ну да, – Нина усмехнулась, – конечно, же. Как я могла забыть о нумерологии.

Она быстро сложила в уме числовое значение имени и получила цифру два. Дуада. Инна рассказывала, что всем сектантам меняют имена, чтобы сумма цифр обозначала ту самую роковую дуаду, символизирующую зло. Так они лучше поддаются внушению.

– Как вас звали раньше?

Вилен нахмурилась.

– Зачем вам это? Я стараюсь забыть обо всем, что связано с прошлым.

– Как вы думаете: почему вам изменили имя?

Вилен пожала плечами.

– Новая жизнь – новое имя.

– Все верно. Вы знаете что-нибудь о нумерологии?

– Нет.

– Каждой букве алфавита соответствует определенная цифра. Например, «а» – это цифра один, «б» – цифра два и так далее. Начиная с десяти сумма цифр складывается и получается число, которое снова складывается до однозначного. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Да, конечно, – Вилен внимательно слушала. – Я раньше увлекалась математикой.

– Вам присваивают имена, сумма цифр которых составляет двойку. Существует не так много подобных имен. Скажите, а вам никогда не приходило в голову, что у многих ваших товарищей странные имена, которых нет на самом деле. Например, имя Вилен, наверняка, взято от имени Вилена, но его специально сократили.

– Зачем вы мне это говорите?

– Вы мне кажетесь разумной девушкой, и я бы не хотела, чтобы вас водили за нос. Вы не хотите узнать, что означает цифра два?

Вилен нерешительно посмотрела на Нину.

– Я не желаю ничего знать. Дайте мне ребенка, и я пойду. – Она сделала шаг к Нине, но та быстро заговорила о том, что обозначает дуада.

– Прекратите! – Вилен заткнула уши. – Я не хочу это слушать. Меня накажут из-за вас.

– Да вы уже сами наказали себя, – тихо сказала Нина. – Вам морочат голову, а вы даже не подозреваете об этом. Бегите отсюда пока не поздно.

– Дайте мне ребенка, – в глазах Вилен стояли слезы. – Я не могу отобрать его у вас силой, но другие смогут. И я позову на помощь, если вы откажетесь подчиняться.

Нина бросила прощальный взгляд на малыша и поцеловала его в лобик.

– Возьмите. Пожалуйста, присматривайте за ним хорошо.

– На счет этого вы можете не волноваться. Рядом с ним постоянно кто-то находится.

– Скажите вашему Ивану, что мне нужно поговорить с ним. Грудной ребенок должен находиться рядом с матерью.

Некоторое время после ухода Вилен, Нина размышляла о сектантке. Возможно, не стоило заводить подобный разговор, но ей хотелось бы, чтобы Вилен задумалась. Как знать, может быть, ей удалось посеять первое зерно сомнения в ее хорошенькую головку.

ГЛАВА 45

Впервые за две недели, проведенные в секте, если не считать праздника Ивана Купала, Нина оказалась на улице. От свежего воздуха закружилась голова, и она покачнулась. К Ивану ее вел незнакомый молодой человек в сером костюме и галстуке, больше похожий на офисного работника, чем на сектанта. По его сосредоточенному и замкнутому лицу она поняла, что расспрашивать его бесполезно. Пройдя несколько шагов, Нина оглянулась, чтобы посмотреть на свою тюрьму. Прямоугольное кирпичное здание походило на корпус пионерского лагеря, в котором она бывала школьницей.

Территория напоминала огромный парк. Тут и там можно было увидеть великолепные многоярусные клумбы с садовыми цветами и зеленые ухоженные газоны. Минут через пять быстрой ходьбы, от которой она даже запыхалась, глазам Нины предстал великолепный особняк. Он был похож на гигантское яйцо с куполообразной крышей и колоннами у входа. Никогда в жизни ни одном журнале Нина не видела ничего подобного. Приостановившись, молодой человек сказал ей, что это и есть резиденция их предводителя.

«Наверно, он хорошо зарабатывает на таких дурачках, как ты», – подумала Нина, не высказав ожидаемого восхищения. Они вошли внутрь, минуя охранника, сидящего на входе. Далее все было, как в особняках знаменитостей: роскошно, дорого, вычурно. Они поднялись по мраморной лестнице на второй этаж и, пройдя по коридору с арочными окнами, подошли к приемной. Здесь стояли уютные мягкие кресла и низкий журнальный столик, на котором лежали сигары и

пепельница. Молодой человек удалился, буркнув, чтобы она ждала здесь. Не успела Нина собраться с мыслями для разговора, как он вернулся и велел проходить.

Нина с трудом открыла массивную дубовую дверь. Комната показалась огромной, в глубине ее, за письменным столом, спиной к окну, сидел мужчина. Его рабочее кресло располагалось таким образом, чтобы тень, падая на его лицо, скрадывала от собеседника эмоции. Молодая женщина нерешительно остановилась.

– Подойди ближе, – услышала она низкий повелительный голос.

Сделав несколько шагов, она увидела правителя огненного братства.

Иван указал ей на кресло, стоящее с противоположной стороны стола. Теперь Нина получила возможность рассмотреть его. На четко очерченном лице с большим носом правильной формы серые глаза, в которых проглядывали жестокость и ум.

– Зачем ты хотела меня видеть?

– Станный вопрос, не правда ли? Вы заперли меня в комнате, заставили рожать на людях, отняли сына. Неужели вы думаете, что меня это устраивает?

– Как много обвинений, – он засмеялся. – Ты хорошо знаешь, почему ты здесь.

– Я не знаю. И очень надеюсь услышать это.

– Ну, если ты хочешь все же это услышать. – Он снова улыбнулся, хотя его хищную гримасу с трудом можно было назвать улыбкой. – Нам нужен твой сын. – Сердце Нины упало, хотя это не явилось для нее новостью.

– Зачем он вам?

– Разве не ты рассказывала Вилен о нумерологии?

Нина опустила глаза, ругая себя. Глупая девчонка вместо того, чтобы сделать выводы, призналась ему.

– В твоей комнате установлена камера, я могу слышать и видеть все, что там происходит. Хочешь посмотреть? – Он повернул экран, чтобы ей было видно, и нажал на какую-то кнопку. Нина увидела комнату, в которой она была и саму себя, метавшуюся по комнате. Это была запись.

Она даже задохнулась от гнева.

– Так вы установили за мной наблюдение?! – Молодая мать покраснела, подумав о том, что он мог видеть, как она раздевалась.

– Мне нравится наблюдать за тобой, – сказал он с улыбкой, наслаждаясь ее негодованием. – Да и, вообще, за людьми, когда они думают, что их никто не видит. Только тогда они ведут себя естественно.

– Но это подло. – Нина вдруг вспомнила свое унижение, когда он заставил ее рожать во время их дурацкого праздника. – Так же, как подло все, что вы делаете.

– Да, я подлый человек, но, тем не менее, люди в моем обществе счастливы. Ты, наверно, смогла это заметить.

– Они просто не осознают того, что с ними происходит, – уже спокойнее возразила Нина. У вас получилось задурить им голову.

– Да, верно. Я заставил их отречься от прошлого и сделал своими рабами. Более того, заставил их пожертвовать свое имущество в пользу Огненного Братства. Так что можно считать, что я владею их душами и телами. Несмотря на

это, все они боготворят меня, даже, когда я заставляю их совершать преступления. Например, те, кто похитил тебя, до сих пор убеждены, что правильно поступили.

– Но это неслыханно! Когда-нибудь меня найдут. Мой муж уже заявил в милицию.

– Насколько мне известно, он не твой законный муж.

– Но я считаю его своим мужем, – возразила Нина.

– Это не имеет значения. Его заявление о твоём исчезновении не примут всерьёз. Подумают, что между вами произошла простая размолвка. К тому же преступления в нашей стране редко раскрываются, а у меня достаточно денег, чтобы купить любого, кто встанет на моем пути. К тому же у меня есть на счет тебя особые планы. – Сатанов приосанился и провел рукой по коротким волосам. Сидевшая перед ним женщина вовсе не разочаровала его. В ней, несмотря на унижения, через которые она прошла, не было ни страха, ни раболепия. Она станет ему отличной спутницей. – Ты родила будущего правителя Огненного братства, поэтому заслужила почести, которые будут тебе оказывать, когда я назову тебя своей женой!

– Женой?! Но это невозможно! – возмутилась Нина. – Еще раз повторяю вам, что я уже замужем.

– Забудь о своем деревенском парне, ты никогда больше его не увидишь. Тебя будут охранять лучше, чем любого преступника. А если откажешься играть по моим правилам, ты никогда не увидишь сына.

– Вы не можете так поступить! – вскрикнула Нина. – Он еще маленький, ему нужно грудное молоко.

Взгляд Ивана несколько смягчился.

– У нас придумали много хороших заменителей грудному молоку, а любая женщина из нашего общества с радостью будет ухаживать за ним, зная, какая великая роль уготовлена этому ребенку. Что, кроме грудного молока, ты можешь предложить?

Нина опустила голову. Для того чтобы видеть сына, ей придется жить с этим чудовищем, спать с ним и разговаривать. Осознавать какое зло он приносит людям и добровольно участвовать в этом. Ради сына.

Нина услышала тихие шаги за спиной и увидела Вилен. На руках у нее был малыш. Она почтительно склонила перед правителем голову.

– Мне кажется, маленький Иван проголодался, – Иван посмотрел Нине в глаза и сделал знак Вилен, которая, отдав ребенка Нине, удалилась. – Покорми его.

– Прямо здесь?

– А почему бы и нет? Раньше не считалось зазорным, если женщина давала грудь ребенку на людях. Художникам нравилось запечатлевать этот бесценный момент на холсте. Почему ты хочешь лишиться меня удовольствия понаблюдать за этим?

– Это также интересно, как и роды? – саркастически спросила Нина.

– Так же естественно. Почему ты стесняешься? Мне кажется, что наш Иван голоден. Пять минут назад ты говорила о бесценном грудном молоке.

Нина поняла, что это очередное заранее продуманное испытание. Если она сейчас откажется, малыш останется голодным. Почувствовав запах молока,

сынишка захныкал. Сначала тихонечко, а потом все сильнее и сильнее. Плач ребенка раздирал сердце на части, но Нина только крепче прижимала его к себе.

– Ну, какая же ты мать?! – насмешливо спросил Иван. – Твой сын плачет от голода, а ты не даешь ему поест, хотя твоя грудь полна молока. – Нина покраснела и, опустив глаза, заметила вокруг соска мокрое пятно, хорошо выделявшееся на темной ткани.

– Может, вы все-таки отвернетесь?

– Ни за что не упущу такую картину.

Нина рывком расстегнула блузку и дала малышу грудь. Он сразу довольно зачмокал, а она придерживала его, не поднимая глаз, чувствуя пристальный взгляд Ивана.

– Прелестно, – удовлетворенно заметил он. – У тебя красивая грудь. Жаль, что я не художник. Ну, впрочем, каждому свое. Мне и на моем месте достаточно неплохо. Я удовлетворил свое любопытство, и мы можем продолжить беседу. Признаюсь, что специально создал такую интимную обстановку. Может, я пока еще и не твой муж и не имею права. Смею ли я надеяться, что когда-нибудь ты полюбишь и меня?

Молодая мать посмотрела на него с ненавистью, но ничего не сказала, лишь переложила ребенка, чтобы удобнее застегнуть пуговицы на кофточке. Ее торопливые движения не ускользнули от внимательного взгляда Ивана.

– Правда, спокойнее разговаривать, когда твоя грудь не обнажена? – усмехнулся он.

– Да, правда. Хотя думаю, что вас не стоит стесняться. Вы не человек, вы – чудовище. И вся ваша теория Огненного братства высосана из пальца, – разозлилась Нина. – Я вообще не понимаю, как люди бросают все и приходят в вашу секту.

– Мы не секта, девочка моя, – спокойно заметил Иван. – Мы – братство и дело здесь вовсе не в теории, а в магнетизме личности, которая может организовать и удерживать возле себя людей. Теория может быть любой. То, что Иисус Христос ходил по воде, опровергали много раз, а сколько людей в это верят. Ты видела некоторых моих купальцев. Скажи, разве они не преданы мне?

– Вы ввели их в заблуждение.

– И что с того? Они счастливы, потому что знают, для чего живут. Жизнь во имя высшей цели стоит многого. Вспомни нашу революцию, сколько людей шло на осознанную смерть ради правого дела. Их считали героями, им подражали. Они так и не узнали, что когда-нибудь даже сам день революции уберут из календаря. Молчишь? Ведь я прав. – Нина опустила голову, делая вид, что укачивает ребенка, чтобы не отвечать на вопрос. – Ладно, ты, наверно, устала, – заметил Иван. – Скажи мне, что ты решила, и я отпущу тебя.

Нина вскинула голову.

– Вы меня отпустите?! Как бы не так! Вы просто предлагаете мне выбрать одну из двух тюрем. Одна из них более комфортабельная, чем другая, но чтобы получить эти удобства мне нужно переступить через себя. А если я не смогу переступить через себя, мне придется переступить через сына.

– Твой сын необычный ребенок. У него особенная судьба. Это подтверждают и лунный гороскоп, и теория чисел.

– Вы не верите в это.

– Знаешь, в чем моя проблема? Я прочел столько книг, изучил столько теорий, занимался столькими практиками, что иногда и сам не знаю, где правда. Когда врываешься в такие миры, недолго и сойти с ума. Поэтому мне нужна ты.

– Чтобы не сойти с ума?

– Нет, чтобы соединить наши знания. Ты же ведь тоже занималась этим. Опыты с хрустальным шаром. Общение с духами.

– Откуда вы знаете?

– Один человек рассказал.

– Марена? – сразу поняла Нина.

– Не имеет значения. Мне нужен твой пытливый ум, чтобы пойти дальше. Ведь ты же не сможешь переступить через ребенка, не так ли?

– Если я останусь с вами, вы можете пообещать мне две вещи?

Он вопросительно поднял брови, в серых глазах отразилось удовлетворение и любопытство.

– А с тобой несложно договориться.

– Вы дадите мне возможность самостоятельно ухаживать за сыном и не тронете Василия.

– Ты хочешь слишком многого. Я могу пообещать только одну вещь из двух. Тебе придется еще раз выбирать. Твой сын или твой любовник.

Нина опустила глаза на маленького малыша, сладко спавшего у нее на руках. Если не она, кто сможет защитить его и позаботиться о нем? Он еще так мал.

– Вы знали, что я выберу ребенка, – тихо сказала Нина, опуская глаза, чтобы не расплакаться.

– Хорошо. – Он нажал какую-то кнопку и из-за двери появился тот самый молодой человек, который привел ее сюда.

– Покажи Нине ее новую комнату. Ей нужно немного отдохнуть перед ужином.

Сатанов вовсе не собирался убивать Василия, ему просто еще раз хотелось унижить Нину, показав свою власть. Он был уверен, что тому никогда не удастся найти их. У Ивана были хорошие знакомство среди местных царьков. Он прикормил их деньгами, и милиции не было дела, чем он занимается в своем шикарном особняке, огороженном высоким четырехметровым забором. Через своих людей он нашел заявление, которое написал Василий об исчезновении Нины, и обменял его на некоторую денежную сумму. Дело убрали в дальний ящик.

Медленно, стараясь не потревожить малыша, Нина встала и пошла за молодым сектантом. Они поднялись на третий этаж, прошли через огромный холл, заставленный южными растениями в кадках, и свернули направо в коридор. Через два шага, юноша распахнул перед ней дверь. Молодой человек беззвучно исчез, подобно хорошо вышколенному слуге, а Нина переступила порог и огляделась. Комната оказалась излишне роскошной, чтобы назвать ее уютной. Она бы предпочла привычные обои, чем обтянутые голубым шелком стены, и высоченные потолки, с которых свисала огромная хрустальная люстра.

Нина осторожно положила сына в кроватку, стоящую в углу и подошла к окну, но увидела лишь сосны и ярко-зеленый газон. Снова огляделась, равнодушно скользнув взглядом по картинам на стенах, и с ненавистью уставилась на двуспальную кровать, застеленную белым вышитым покрывалом.

Этот уродец собирается навещать ее здесь или вызывать в свою спальню? Как бы все не сложилось, она будет тянуть время так долго, как сможет. А там, может, и помощь подоспеет. Только вот где же она? Уже прошло больше трех недель. Вася, должно быть, с ума сходит от неопределенности, жива ли она, вообще. А она не может даже как-то подать знак. До сих пор не знает, где она находится и выяснить нет никакой возможности. Никто из купальцев не идет на контакт. Нина вздохнула и подошла к кровати. Остается только радоваться, что удалось отвоевать малыша. Она опустила руку на его теплую головку и осторожно погладила.

ГЛАВА 46

Нина и Иван сидели друг против друга за круглым обеденным столом, уставленным всевозможными закусками. Фарфоровая посуда, столовое серебро, белая накрахмаленная скатерть. Весь этот антураж, который должен был поразить ее, вызвал противоположное действие. Взволнованная, тем, что ждет ее после ужина, молодая женщина не могла проглотить не кусочка и только пила воду.

– Ты ничего не ешь. Тебя так смущает мое общество?

Нина подняла на него глаза и отодвинула тарелку, которая тут же была убрана прислуживавшей за обедом девушкой в накрахмаленном переднике.

– У меня нет аппетита.

– Ладно, – Сатанов поднял бокал вина. – Давай, тогда выпьем.

– Я не стану. Вино может повредить ребенку.

– Ты на самом деле заботаешься о ребенке или боишься потерять контроль над своими чувствами?

– О чем вы?

– Не притворяйся, что ничего не понимаешь. Приближается ночь, и ты до смерти боишься, что я возьму тебя силой? Ведь так?

Нина молчала, в который раз удивившись, что он так хорошо читал ее мысли.

– Скажи, а Василий долго ждал, пока ты позволила ему обладать тобой?

– Василий не из тех людей, которые могут причинить женщине боль, – сердито сказала Нина. Ее терзала мысль, что, выбрав сына, она предала его во второй раз. Она дважды обещала, что не оставит его и снова нарушила клятву.

– Еще ни одну женщину я не желал так сильно, как тебя. Я даже сам не понимаю, что в тебе такое есть? Ведь ты вовсе не красавица. Раньше я никогда не любил бесцветных натуральных блондинок со светлыми ресницами и молочной прозрачной кожей. К тому же ты слишком худая.

Его высказывания о внешности, сказанные явно с целью задеть задеть ее самолюбие, на Нину не подействовали. В голове вдруг промелькнула мысль, что пока он не потащил ее в спальню, нужно его отвлечь. Отвлечь разговором, который будет интереснее любовных утех.

– Вы действительно хотите знать, что во мне есть такое?

– Ну, конечно.

– Должна предупредить, что это длинная история.

– Я не тороплюсь. – Он налил себе полный бокал вина и откинулся на стуле с высокой спинкой. Каждое его движение было исполнено силы и уверенности в себе.

Нина начала издалека. Она рассказывала медленно, подолгу описывая каждое событие, которое и привело ее в дом Василия. Иногда Иван с трудом сдерживал нетерпение, но не останавливал ее. Только когда она дошла до использования хрустального шара, предводитель Огненного братства рассмеялся.

– Только не рассказывай мне о прошлых жизнях. Я в это не верю.

– Я тоже не верила. Пока не убедилась в том, что именно те ошибки, которые мы сделали в прошлом, влияют на нас сегодняшних. Это не просто вглядывание в хрустальный шар, это еще и гипноз. Мы можем попробовать. Неужели вас не мучает любопытство: кем вы были до этой жизни?

– И думать забудь. Для того чтобы этим заниматься, к гипнотизеру нужно испытывать доверие. А ты только и ждешь момента, чтобы убежать отсюда.

– А разве на моем месте вы бы так не сделали? Человек всегда будет пытаться сбежать из тюрьмы.

– Продолжай. Иначе, – он усмехнулся, – я изменю свое решение, и мы пойдем в спальню.

Нина вздрогнула. В глубине его серых глаз бушевало пламя.

– Это было своеобразное внушение, посвящение меня в женщины. Таким образом, старая колдунья дала мне власть над мужчинами.

В его глазах появился интерес.

– Хм, внушение. Интересно. Что-то подобное я проделываю со своими купальцами. Как она это делала?

Нина откинулась на стуле и посмотрела на него.

– Сначала вы расскажите, что вы делаете со своими людьми? И мы сравним.

Сатанов нахмурился.

– Ты что же это, перестала меня бояться?

Нина заставила себя холодно скользнуть по нему взглядом. Несмотря на всю свою силу и власть, он тоже увлечен ей. Так же, как и другие. Как Николай, как Василий.

– Сами судите. Что же мне терять? Вы заставили меня отказаться от любимого человека, забрали у меня свободу и можете манипулировать мной, используя моего сына. Что еще вы можете сделать? Отправиться со мной в постель? Но вы не получите моей любви, не почувствуете слияния наших душ, будете обладать лишь моим телом. А, что есть тело без души?

– Твоя речь блистательна. Будем считать, что ты меня уговорила. И я расскажу тебе о создании Огненного братства. Тебе никогда не приходила в голову мысль, что время, когда ждали появления мессии очень похоже на наше, несмотря на то, что прошло более чем две тысячи лет? Мы достигли огромного технического прогресса, но наши знания не пошли нам на пользу. Мы не стали от этого ни мудрее, ни интеллигентнее. Как в те времена боялись конца света, так и сейчас каждый из нас только хватается за голову с одним единственным вопросом: «Куда катится мир?» Людям отчаянно нужно найти отдушину. И где они обычно его находят?

Нина пожала плечами, показывая, что не будет вступать в дискуссию, но Сатанову это и не надо было. Он уже сел на свой конек.

– Духовная сторона жизни по-прежнему очень важна для человека. Невозможно жить одним материальным, хочется еще узнать: зачем ты пришел и куда идешь? Так вот: после того что произошло с нашей страной, многие оказались в отчаянном положении. Рухнул привычный мир, и люди потерялись. Мне было немного больше двадцати, когда я, пытаясь найти работу, неожиданно оказался в одной из сект. В то время многие предприимчивые люди, воспользовавшись паникой, стали проповедовать разные учения. И народ им верил. Верил, потому что хотел верить. Я работал в этой секте около двух лет, потому что хотел изучить принцип ее существования. Мне внушали разную ерунду, якобы человек может добиться сверхъестественных способностей, если будет проходить определенные курсы. Я наблюдал за людьми, которые это делали, но они не менялись. Никто из них не стал зарабатывать больше денег, как обещали на курсах по достижению финансового успеха. Наоборот, чтобы оплачивать обучение, сектанты продавали квартиры, машины, дома, потому что не могли остановиться. Но, несмотря на то, что они теряли больше, чем приобретали, они были счастливы, потому что увидели смысл в своей жизни. У них появилась надежда, что можно изменить себя. Плюс ко всему им постоянно внушали, что они элита общества, и когда-нибудь к ним присоединится весь мир. Они работали над собой, чтобы позже изменить это общество. А это и есть великая цель, во имя которой можно делать все, что угодно. Меня в то время не интересовала подобная чепуха. И я просто притворялся, что увлечен этим. Я был молод, жаден и хотел денег. Много денег. А больше, чем денег, я хотел создать свою религию, где люди будут видеть во мне бога.

Конечно, все получилось не сразу. Я перечитал массу книг, посетил всевозможные курсы по психологии, нумерологии, общался с гадалками, колдунами. Признаюсь даже, что увлекся этим. Но я все время искал, как же мне создать свое общество и чем увлечь людей. Мне хотелось, чтобы за этим стояла какая-нибудь красивая история. Помог случай. Я проводил отпуск в одной деревушке и случайно попал на праздник, посвященный Ивану Купала. Мы прыгали через костры, сжигали соломенную куклу, купались в речке. Меня посадили во главу стола, поскольку я был единственным Иваном, и мне воздавали шутливые почести. Тогда я понял, что эту легенду можно использовать для создания моего общества. Я прочитал много толкований этой легенды и выбрал то, что мне было нужно. А уж найти людей, которые слепо пойдут за тобой, было делом техники. Я ответил на твой вопрос?

– Нет, я хотела, чтобы вы рассказали про контроль над сознанием.

– До контроля я еще не дошел. Я тебе его лучше покажу, но чуть позже. У нас с тобой теперь будет много вечеров, подобных этому, когда мы будем рассказывать друг другу свое прошлое.

– Зачем вам мой сын, если вы сами все это придумали?

Иван опустил голову и некоторое время молчал. Когда он поднял глаза, в них впервые промелькнула растерянность.

– Я сам все это придумал и сам поверил в это. Дух Ивана из легенды... – Иван спохватился, что сболтнул лишнего. – Ладно, хватит на сегодня разговоров. Уходи, я устал.

Нина с вызовом посмотрела на него.

– Я могла бы многое рассказать тебе про Ивана Купало.

– Хватит! – закричал Сатанов, нажимая на кнопку. В гостиной возник молодой человек в с костюме.

– Проводи ее в комнату, – отрывисто приказал правитель секты. – Нина бросила быстрый взгляд на Ивана. Ему так и не удалось справиться с волнением.

ГЛАВА 47

Василий вышел в сад и опустился на скамейку. Стояла середина лета, ветерок принес сладкий запах цветущих трав. Пчелы радостно жужжали в кустах роз, источавших дурманящий аромат. Но молодой человек ничего не замечал. С тех пор, как Нина исчезла, он не мог спокойно ни спать, ни есть, ни думать, ни о чем другом. Он сразу догадался, что ее похитил кто-то из секты. Какой же он был дурак, что не придал значения словам Инны, о том, что в Огненном братстве ждут рождения их ребенка. Должен бы догадаться, что они придут накануне их дьявольского праздника, посвященному дню Ивана Купала. Что они сделали с Ниной? Жива ли она? Как и где она и ребенок, который уже должен родиться? Живы ли они, вообще?

Василий заявил в милицию об исчезновении Нины в тот же вечер, но как только начал рассказывать про Огненное братство, следователь как-то странно посмотрел на него. Василий сразу замолчал, опасаясь, что если они будут считать его сумасшедшим, то вообще перестанут действовать. Наверно, так и произошло, потому что сегодня, когда он поинтересовался, нет ли новостей, следователь нагрубил ему.

– Да, я все помню. Мы ищем и не нужно нам без конца названивать. У нас же не одна гражданка Веселова пропавшая. Тем более что, между нами говоря, – понизил голос следователь, – наш начальник вообще считает, что никакого похищения не было. Она просто от вас сбежала.

– Нина не могла так сделать! – отчаянно выкрикнул Василий. – Поймите, она не такой человек, чтобы уйти не попрощавшись.

– Женщины непредсказуемы, – глубокомысленно изрек следователь. – Думаю, вам нужно искать ее среди знакомых. Может, она обиделась на вас за что-то, а вы нам тут голову морочите. Сколько раз так было. Муж заявляет, что жена пропала, а жена отсиживается у подруги, хочет, чтобы он поволновался.

– Но этого не может быть! Поймите, ее жизнь в опасности. Я точно знаю, кто ее похитил и почему.

– Послушайте, как вас зовут...

– Василий.

– Да, Василий. Такого религиозного общества, о котором вы рассказывали, не существует. Нигде не зарегистрировано. С тех пор, как арестовали их этого предводителя, общество распалось.

– Вы думаете, что если общество не зарегистрировано, оно не существует?

– Я думаю, что вам следует оставить эту версию и проверить круг ее знакомых. Уверен, вы сами найдете ее. А сейчас извините, начальство вызывает.

В трубке раздались короткие гудки, и Василий бросил мобильный на стол.

После разговора он окончательно понял, что ему придется полагаться только на себя, но он использовал уже все ниточки, которые хоть как-то могли привести к

ее розыску. Сначала попробовал связаться с Мареной, но та как сквозь землю провалилась. Ее мобильный не отвечал, из детского садика она уволилась. С большим трудом он убедил директора дать ему ее адрес, но там его тоже постигла неудача. Соседи сказали, что не видели Марену уже в течение трех недель. Комнату, которую она снимала, уже сдали новым жильцам. Василий сопоставил факты и решил, что ее, несмотря на все ее предосторожности, очевидно, вычислили, и через нее вышли на Нину. Он был готов рвать на себе волосы, что обратился к ней за помощью. Если бы не его стремление докопаться до сути, Нина была бы с ним. И зачем он только нашел тогда эту тетрадку в доме Улиты! Ему надо снова попробовать позвонить по другим номерам. Вдруг сегодня кто-то снимет трубку. Он вернулся в дом и достал тетрадь. Услышав «абонент временно не обслуживается», Василий бросил телефон и растерянно посмотрел в окно. По тропинке шел священник Алексей.

«Только тебя здесь не хватало», – раздраженно подумал Василий, выходя на крыльцо. Обменявшись приветствиями, священник поинтересовался, мог бы он переговорить с Ниной. Василий опустил глаза, но боль на его лице не могла ускользнуть от пронизательного взгляда Алексея.

– Что случилось?

– Нина пропала, – выдохнул Василий, не в силах встретиться с ним взглядом. – Я уверен, что ее похитили.

Новость так поразила Алексея, что какое-то время он не мог вымолвить ни слова. Застыл на месте, совершенно забыв о Василии, не спрашивая, кто такие «они». Он чувствовал, что с ней что-то случилось, когда молился о ней. Надо было прийти раньше. Опомнившись, попросил Василия рассказать, что ему известно.

– Рассказать тебе? Зачем? – выкрикнул молодой человек. – Вряд ли такой святоша, как ты поможет нам, двум грешникам. Оставь меня. Никто не поможет мне, потому что в это трудно поверить. – Из его груди вырвался стон.

Алексей с состраданием посмотрел на него

– Мужайся.

– Ну да, добавь еще, дитя мое. И посоветуй свечку поставить. Хорошо тебе говорить заученными фразами и уповать на Бога. Думаешь, твой Бог найдет ее?

В другой бы раз Алексей заставил его быть более уважительным, но сейчас он видел перед собой измученного человека, отчаянно нуждающегося в помощи.

– Мы найдем ее. Обещаю, – уверенно сказал он.

– Откуда ты можешь это знать?

– Расскажи мне, как это произошло. Обращался ли ты в милицию?

Василий почувствовал, что ему самому нужно выговориться. Кто знает, вдруг у этого святоши появится новая идея. Ведь Нина говорила, что тогда, когда она была при смерти, они двое удержали ее на земле.

– Это длинная история, если начинать с самого начала.

– Я не тороплюсь. Сейчас только позвоню своему помощнику. – Алексей достал из черной рясы мобильный. Отдав несколько распоряжений, он попрощался. – Ну вот, я готов выслушать тебя.

Василий криво улыбнулся.

– Не знал я, что священники используют мобильники.

– Мы обычные люди. Я не знаю, почему ты относишься к церкви с таким предубеждением.

– Знаешь, давай сразу договоримся, – перебил его Василий. – Пока мы с тобой общаемся, ты оставишь эти попытки приобщить меня к своей вере, ладно?

Никто из них не смотрел на часы и вряд ли мог бы сказать, сколько времени они проговорили в гостиной. В той самой гостиной, где они когда-то с Ниной, заглядывая в хрустальный шар, многое узнали о своем прошлом.

Василий даже забыл, что разговаривает со священником. Ни разу с губ Алексея не сорвалось ни одно обвинение.

– Ну, вот я и исповедался перед тобой, – сказал Василий и потянул затекшую спину. – Что скажешь?

– Ты можешь мне показать комнату Улиты?

– А ты не боишься оказаться в самом логове колдуньи? – усмехнулся Василий.

– Я ничего не боюсь, – спокойно ответил Алексей.

– С тех пор, как Нина переехала ко мне, Улита жила вон там, – он махнул рукой в сторону ее дома. – Пойдем. Только не знаю, что ты там хочешь найти.

Василий открыл дверь и вошел. Здесь ничего не изменилось. На деревянном столе все так же сушились травы, а в углу стояло старое кресло, на котором любила сидеть колдунья.

Алексей кашлянул от слишком сильного запаха трав. Он стоял на пороге, внимательно оглядывая скромную обстановку.

– Ручаюсь, что ты никогда не был в домике колдуньи, – пошутил Василий, чтобы скрыть замешательство.

– Я был во многих местах, – задумчиво заметил Алексей. – Ты не возражаешь, если я поищу кое-что?

– Ладно, – Василий уселся в кресло и вытянул ноги.

Алексей мельком осмотрел террасу и прошел в гостиную, которая одновременно служила и спальней. Он начал со старенького диванчика, на котором спала Улита. Алексей аккуратно свернул покрывало и поднял подушку. Внимательно прощупал ее, потряс одеяло. Потом снял простынь и поднял матрас. На деревянных досках лежал мобильный телефон. Алексей бережно взял его в руки и прошептал: «Спасибо тебе, Господи. Я знал, что ты направишь меня на верный путь». С телефоном в руках он вышел на террасу, где безучастно сидел Василий.

– Ты знал о том, что Улита пользуется мобильным телефоном?

Тот молча взирал на устаревший эриксон. Он никогда не слышал, чтобы она разговаривала или ей кто-то звонил. А, судя по модели, телефон появился у нее очень давно. Василий покачал головой, слова застряли у него в горле. Сколько еще тайн хранила Улита?

– Он, конечно, давно разрядился, – заметил Алексей, открывая заднюю крышку. – Но симкарта на месте. Пойдем. На карте могут остаться номера телефонов.

Ругая себя за недогадливость, Василий поплелся в дом за священником. Вместо того чтобы названивать следователю и искать Марену, надо было еще порыться в вещах Улиты.

Нина укачивала малыша на руках, когда на пороге комнаты появился Иван.

– Мы не закончили вчерашний разговор, – заметил он, даже не подумав поздороваться.

– Разговор может чуть-чуть подождать, пока малыш не заснет?

– Ни к чему приучать ребенка к рукам. Поплачет-поплачет и перестанет. – Заметив беспокойство, которое немедленно отразилось на лице матери, не решающей ему возразить, он нехотя добавил: – Ладно, я пришлю Вилен. Идем.

Нина осторожно положила засыпающего ребенка в кроватку, молясь про себя, чтобы он не проснулся.

На этот раз Сатанов привел Нину в библиотеку. Огромные шкафы до потолка заставлены книгами. Из окна виднелась зеленая лужайка с кустами роз. В середине комнаты стол и два уютных кресла.

– Ты любишь читать? – спросил он, усаживаясь и делая знак Нине, чтобы она тоже села.

– Да, люблю. Но с тех пор, как я здесь, у меня в руках не было даже журнала. Я несколько раз просила принести мне книгу, но мне сказали, что у вас в обществе запрещено читать. Почему?

– Это мои правила. Купальцы читают только специальную литературу, отпечатанную в моей типографии. Но для тебя я, пожалуй, сделаю исключение.

– Спасибо за позволение, – с иронией заметила она, вспомнив долгие часы, когда ее держали запертой в комнате с голыми стенами, и она сходила с ума от страха и безделья. – Почему мне не давали читать тогда?

– Ты слишком любопытна, – дотянувшись с кресла, он провел рукой по ее волосам. Нина едва сдержалась, чтобы не отодвинуться. Сердце тревожно застучало. – Впрочем, любопытство свойственно женщинам. Хотя нет, ты не похожа на других. В тебе нет кокетства и в то же время от тебя невозможно отвести глаз. Я не спал ночью, думал о тебе. И знаешь, что мне хотелось?

Нина опустила глаза, не в силах видеть, отраженного в них откровенного желания.

– Мне бы хотелось, чтобы ты смотрела на меня, когда я разговариваю с тобой. В том, что я не спал – твоя вина. Я не хочу брать тебя силой. Ты должна попросить меня об этом.

– Я?! Попросить?! – Нина истерически засмеялась. – Неужели я еще должна просить?

Его лицо стало каменным, глаза опасно сверкнули, напомнив отточенную сталь. Он вскочил и быстро намотал ее волосы вокруг своей руки и потянул вверх. Она застонала от боли, вставая с кресла.

– Не смей смеяться надо мной! Никогда! Слышишь?! – Его лицо нависало над ней, пугая своей жестокостью. – А теперь попроси меня отпустить тебя. – От боли на глазах Нины выступили слезы, но она молчала, не желая уступать. Его губы с силой прижались к ее губам. Острый запах его туалетной воды забивал ноздри, мешая дышать. Она плотно сжала губы и закрыла глаза. Неожиданно он отпустил ее.

– Ты обладаешь какой-то властью, с которой я не могу справиться, – озадаченно заметил он, садясь снова в кресло. – Я хочу знать, откуда у тебя эта власть над мужчинами?

Нина с ненавистью посмотрела на него.

– А откуда у тебя это необъяснимое желание мучить других людей? Ты что, испытываешь от этого удовольствие?

– Рассказывай! – Он грохнул кулаком по столу, так что на столе подпрыгнул графин с водой. В комнате повис страх. «Он сумасшедший», – подумала она и хриплым от волнения голосом начала свой рассказ о старой колдунье.

– Это было в одной из моих прошлых жизней. Тогда меня звали Анной.

– Какие еще прошлые жизни? Ты издеваешься надо мной?

– Вовсе нет. Я видела все это в хрустальном шаре. У этого заклинания есть обратная сторона: мне не нужна власть над всеми мужчинами. Ведь если бы не этот обряд, вряд ли тебя бы заинтересовала обычная деревенская девушка.

– Не говори глупостей о прошлых жизнях. Я в это не верю. В тебе что-то такое есть, чего я не мог найти в других. – Сейчас, когда он сбросил маску властности, его лицо стало мягким и нежным. – Тебе понравится мой мир. Мир, который я положу к твоим ногам. Тебе понравится власть. Власть, которой ты будешь окружена.

Нина хотела возразить, но он прижал палец к губам.

– Молчи. Не зли меня. Я знаю, что говорю. А сейчас иди. У меня много дел. С этого дня ты можешь выходить из своей комнаты и гулять по территории. Единственное, что тебе не разрешено – выходить за ограду. Но если ты попытаешься передать через моих людей какую-нибудь записку, больше никогда не увидишь сына.

Нина вышла из библиотеки. Ей казалось, что он высосал у нее всю энергию. Голова кружилась, пока она поднималась по лестнице к себе в комнату.

У детской кроватки сидела Вилен. Увидев Нину, девушка поднялась к ней навстречу.

– Он только что просыпался. Я поменяла ему пеленки.

Закрыв дверь за Вилен, Нина подошла к кроватке и поправила одеяльце. Из-под пеленки высунулся розовый крохотный кулачок, который малыш совсем взрослому подложил под головку. Нина подумала, что до сих пор никак не называет сынишку. Люди из секты называют его Иваном, она же должна дать ему какое-то другое имя, которое бы нейтрализовало зло дуады. Внезапно ее осенило. Можно назвать его Иоанном в честь Иоанна Крестителя. Ведь именно этот день отмечают в церкви. «Иоанн», – прошептала она, осторожно проводя рукой по теплой головке с шелковистыми черными кудряшками, – как бы ни называли тебя другие, я буду звать тебя так».

ГЛАВА 49

Дома Василий обнаружил старую зарядку, которая подошла к телефону Улиты. Примостившись за столом на веранде, он с нетерпением склонился над

экраном. Исследование телефона показало несколько исходящих номеров и полное отсутствие записей в телефонной книге.

– Получается, что никто не знал ее телефона? – предположил Алексей.

– Выходит, что так. Я же говорю, что ни разу не слышал, чтобы ей звонили.

Алексей набрал свой номер с эриксона, чтобы узнать номер, но на экране появилась надпись «номер скрыт».

– Надо же. У нее поставлен антиопределитель, – поразился Василий. Кто бы мог подумать?! Кстати, – он нахмурился, – припоминаю, что мне было несколько странных звонков, еще, когда она была жива. Трубку вешали после того, как происходило соединение, и номер не определялся. Вероятно, это была она.

– Проверяла, где ты находишься? – спросил Алексей, щелкая кнопками.

– Каким образом?

– Ты разве не знаешь, что, по мобильному телефону можно установить местонахождение объекта. Есть такая услуга. Ее очень любят использовать ревнивые мужья, когда подозревают своих жен.

– Мне всегда казалось, что священники – отсталый народ. А у тебя мобильник последней модели, и про услуги ты знаешь гораздо больше меня.

Алексей улыбнулся.

– Я далек от этих дел. Телефон мне подарили, об услуге узнал на исповеди. Один мой прихожанин упомянул об этом. Он, таким образом, узнавал, куда ходила жена, пока был на работе.

– Она ему на самом деле изменяла? – вырвалось у Василия.

– Это тайна исповеди, – глаза Алексея стали серьезными, и он снова занялся телефоном. – Здесь достаточно номеров, по которым мы можем позвонить, чтобы вычислить район, где могут держать Нину. Но, чтобы их не напугать раньше времени, мы должны действовать очень осторожно. Если позволишь, я займусь этим сегодня. – Василий кивнул, слишком потрясенный, чтобы возражать. Алексей скопировал все телефоны, которые набирала Улита, в свою записную книжку и посмотрел на часы. – Мне нужно идти.

Василий проводил его до ворот, привычно протянул ему руку и сразу опустил.

– Совсем забыл, что со священником так не прощаются.

– Мужайся. С нами Бог, и он нас не оставит.

– Хотел бы я в это верить, так же как и ты, – пробормотал Василий, закрывая за ним калитку.

Ночью Василию приснился странный сон. Он находился вблизи яркого света и совершенно отчетливо понимал, что это и есть Бог, и что он существует вопреки тому, что он не верил. Он попросил его вернуть Нину. «Я верну ее, когда ты придешь к вере», – услышал он и проснулся. В этот вечер он заснул не в спальне, а на диване в гостиной перед телевизором. Поправляя диванную подушку, неожиданно нащупал цепочку. Вытащил ее и зажег лампу. Старинный крест, который носила Нина. Крест ее отца. Он хорошо помнил ту историю. Нина говорила, что он оберегает ее от зла. Почему она сняла его? Приглядевшись, заметил, что цепочка разорвана. Задумался. Цепочка могла разорваться и во время борьбы, но ему почему-то казалось, что те, то пришли за его сыном, сорвали его с ее груди. Там, в секте, никто не верит в Бога, там правит дьявол. Он сжимал крест в руке, не обращая внимания, что его края впиваются в ладонь. Внезапно

вспомнил свой сон и решил, что сама судьба подала ему знак. Молодой человек встал с дивана и, починив цепочку, надел ее на шею. Показалось, что крест обжег грудь. Он тут же захотел сдернуть его, но передумал. Пока не найдет Нину, будет носить его. Шея горела, словно огнем, но он заставлял себя терпеть. Самое малое, что он может сделать.

ГЛАВА 56

Гуляя с Иоанном, Нина мурлыкала песенку. Никогда еще небо не казалось ей таким голубым, а солнце таким ласковым, как в тот день. Было так здорово идти, укачивая малыша на руках, и чувствовать прикосновение солнечных лучей.

Территория Огненного братства показалась Нине ухоженным парком с прудом, в котором плавали утки. Она присела на скамейку у берега и подставила лицо солнечным лучам. Иоанн трогательно посапывал, высвободив крохотную ручку из одеяла. Место показалось ей смутно знакомым, и она вспомнила, что именно здесь и проходил праздник Ивана Купала. Яркие пылающие костры и заунывные песни женщин, водивших вокруг нее хоровод. Очарование момента пропало, и Нина быстро осознала, что слишком легко поддалась беззаботности летнего дня. Впереди борьба, нельзя расслабляться. Словно подтверждение этому на тропинке появился Иван. Одетый в льняные светлые брюки и белую рубашку, загорелый и уверенный, он больше походил на удачливого бизнесмена, чем на предводителя секты.

– Хороший день, не так ли? – он присел рядом с Ниной и посмотрел на спящего младенца.

– Да, – нехотя отозвалась Нина.

– Ну и как ты находишь наши владения?

– Парк превосходный и очень ухоженный. Сразу видно, что вы умеете заставлять ваших людей работать, – не удержалась она от иронии.

Он довольно рассмеялся.

– Ты права: они мало спят, много работают и полностью изолированы от их родных. Так легче управлять людьми.

– Но это жестоко, – вырвалось у Нины.

– Ну, почему же? Многие так не считают. Мы можем обсудить это с тобой за обедом.

– Вы обедаете вместе с вашими сектантами? – задала она глупый вопрос.

– Конечно, нет. Я никогда не буду есть ту бурду, которой кормят их. – Нина вспомнила ломящийся от изобилия стол, за которым однажды ужинала.

– Если эти люди обеспечивают вам такой комфорт, почему хотя бы не кормить их нормально?

– Во-первых, на хорошее питание нужны большие деньги, которые я не собираюсь на них тратить, а во-вторых, это входит в один из принципов организации секты. Кстати, в монастырях тоже нет никаких разносолов. Плоть глупа, ее нужно усмирять. У нас тоже существуют дни, в которые мы постимся.

– Насколько я понимаю, ваша умная плоть не нуждается в усмирении?

Сатанов рассмеялся.

– Когда мой вес выходит из нормы из-за слишком частого посещения ресторанов, я сажусь на диету. Предпочитаю все виды морепродуктов: мидии,

кальмары, креветки. Очень полезно. – Заметив, что Нина поудобнее устраивала малыша на руках, спохватился: – Тебе нужна коляска для прогулок. Я распоряджусь, чтобы завтра ее доставили. И еще: составь список всего, что тебе необходимо. Платья, брюки, кофточки. Белье, наконец. Можешь не стесняться в расходах. Ну и, конечно, напиши, что нужно нашему Ивану.

– У нас все есть, – отмахнулась Нина.

Он положил руку на ее плечо.

– Сделай это для меня, я хочу, чтобы ты была красивой. Мне надоело видеть тебя в одних и тех же джинсах и футболке.

От одной мысли, что она должна наряжаться для него, Нине стало противно. Да она лучше бы обрилась наголо, чтобы внушить ему отвращение.

– Спасибо, мне ничего не нужно, – снова повторила она.

– Ты очень упряма. Я закажу тебе черный кружевной пеньюар. – Его глаза хищно оглядели ее с ног до головы. – Черный цвет пойдет к твоим светлым волосам, и ты будешь выглядеть, как настоящий падший ангелочек сегодня вечером, когда ты станешь моей.

– Пожалуйста, – Нина схватила его за руку. – Я пока не могу.

– Что не можешь? Надеть черный пеньюар, чтобы доставить мне удовольствие. Да любая из моих баб с радостью будет ублажать меня всю ночь.

Нина вздохнула.

– Тогда почему я?

– Потому что я хочу тебя. А ты очень не сговорчива и чтобы убедить тебя изменить свое мнение, я, пожалуй, тебе кое-что покажу. – Он подозвал проходящего мимо молодого человека и тот почтительно остановился, склонив перед ним голову.

– Возьми малыша и отнеси его в комнату. Пусть Вилен присмотрит за ним, – приказал Сатанов. Нине ничего не оставалось, как отдать сына в руки незнакомому юноше.

Иван привел Нину в столовую. Время обеда. При появлении Сатанова купальцы встали и поприветствовали его, склонив голову и сложив ладони вместе, словно для молитвы. Нина быстро оглядела большой зал. Вспомнив слова Сатанова, бросила взгляд в тарелку, и ее чуть не вырвало от отвращения. Невозможно представить, как можно положить в рот картофельное пюре такого землистого цвета или съесть ту бурду, которая, видимо, называлась супом. От приготовленной еды исходил отвратительный запах.

– Не хочешь присоединиться к ним?– спросил Сатанов.

– Как вы можете кормить людей такой гадостью?

– Чревоугодие страшный грех, и они согласны искоренить его. Почему я должен отказывать им в этом?

– Они могут отравиться.

– Как видишь, они до сих пор живы. Если ты не хочешь составить им компанию, пойдем. Я покажу тебе, что бывает с теми, кто сбегает из Огненного братства.

– Почему вы не позволяете вашим людям уйти, если их что-то не устраивает?

– Они слишком много знают.

В полном молчании Нина спустилась за ним в подвал соседнего строения. Несмотря на теплый летний день, из помещения повеяло сыростью. Они подошли

к железной двери, и Иван, достав из кармана ключ, вставил его в скважину и два раза повернул. Дверь скрипнула, он щелкнул выключателем. На полу, прикованная цепями к батарее, лежала женщина. Грязные волосы свесились на лицо. Когда она подняла голову, Нина чуть не зажала себе рот, чтобы не вскрикнуть.

– А вот и наша Марена, – спокойно заметил Иван, глядя на женщину. – Коротает время в ожидании наказания.

На грязном лице пленницы отразился ужас, она прохрипела:

– Пощадите меня.

– Как я могу это сделать? Ты нарушила клятву Огненного братства и будешь предана огню в следующее воскресенье. – Глухой стон заглушил его последние слова. Марена подползла к ногам Сатанова.

– Простите меня! Пощадите! Я не смогу это вынести! Я боюсь.

Он брезгливо поморщился и оттолкнул женщину ногой. Марена выла, как раненый зверь, пока Сатанов запирает дверь темницы.

На улице Нина схватила Ивана за руку, в ее глазах стояли слезы.

– Пожалуйста, прошу вас. Не надо ее наказывать. – Я... я сделаю все, что вы хотите, только оставьте ее в живых

– Почему ты просишь за нее? Ведь ты ее даже не знаешь.

Нина не стала возражать. Рассказывать, что они были знакомы, не имело смысла.

– Теперь, когда ты знаешь суровые законы нашего братства, я думаю, ты не будешь возражать против того, чтобы надеть черный пеньюар? – спросил он, искоса поглядывая на нее.

Нина остановилась и серьезно посмотрела на Ивана. Сейчас она даже не испытывала страха, только отвращение.

– Я боюсь, что вы серьезно больны.

Он расхохотался.

– Это просто игра, в которой я зашел слишком далеко. Настолько далеко, что мне теперь уже не остановиться. Более того, мне это нравится. Мне нравится быть Богом, а ведь Бог часто оказывается жестоким. А сейчас думаю, нам надо пообедать.

Накрытый на двоих стол ломился от всевозможных закусок. Нина вспомнила серое картофельное пюре, которое увидела в столовой, и ее затошнило.

– Я заказал устриц, – довольно сообщил Иван, разворачивая на коленях салфетку. – Их доставили самолетом специально для нас. Надеюсь, ты проголодалась?

ГЛАВА 50

Василий еще спал, когда услышал стук в дверь. «Это, наверно, Алексей», – подумал он, торопливо накидывая халат и приглаживая на ходу волосы. Через окно веранды он увидел у крыльца молодого человека в черных джинсах и белой футболке.

– Ну, ты даешь! – пробормотал Василий, впуская его. – Тебя невозможно узнать без твоей рясы.

– Там, куда мы едем, ни к чему привлекать лишнее внимание. К тому же, боюсь у тебя ошибочное представление об одежде священников. Например, у меня есть пижама. Я ее одеваю для сна.

Василий хмыкнул. Этот Алексей был ему более симпатичен. Да и держался он свободнее, словно сбросив черную одежду, оставил всю свою серьезность.

– А ты долго спишь, – заметил Алексей, скользнув взглядом по его растрепанным волосам и наспех запахнутому халату.

– Сам не знаю, как получилось.

– Да ладно, у нас есть время, – мирно заметил Алексей, усаживаясь в кресло. – Я хотел тебе рассказать... – он замолчал, удивленный тем, что он увидел в крест в вырезе распахнутого халата.

Заметив его взгляд, Василий поспешил объяснить:

– Нина всегда носила этот крест. Он принадлежал ее отцу. Вчера обнаружил под подушкой разорванную цепочку.

– Понятно, – Алексей не отрывал взгляда от крестика. – Я подключился к услуге, о которой мы вчера говорили. Сегодня утром мне повезло. Первый же набранный номер ответил. Удалось выяснить район. Это Конобеевка.

– Конобеевка. Так это же совсем недалеко отсюда, – обрадовался Василий. – Давай поедem туда, – сразу загорелся Василий.

– Собирайся. Я пообещал позвонить, но забыл взять твой номер телефона.

– Я буду готов через пять минут.

Пока его не было, Алексей взял в руки портрет Нины и долго смотрел на ее лицо. Услышав шаги, поставил портрет на место. Когда они вышли из дома, Василий посетовал:

– Эх, жаль машины нет, мигом бы добрались.

– Машина есть, – Алексей кивнул в сторону припаркованного черного форда с затемненными стеклами.

– Откуда у тебя такая крутая тачка? – удивился Василий.

– Долгая история. – Священник щелкнул сигнализацией, и распахнул перед Василием дверь. – Если хочешь, я расскажу тебе по дороге.

– Конечно, хочу, – Василий уселся на переднее сидение и почти с детским восторгом, наблюдал за панелью приборов. Машина мягко тронулась с места. Алексей уверенно вел машину по дороге, словно занимался этим каждый день, а между тем никто в Тучково не видел его за рулем. Слухи разносятся быстро. Василий не выдержал.

– Так откуда у тебя машина?

– Я понимаю, что ты удивлен. Ведь кто как не мы, не должны быть привязаны к материальному. Но так получилось, что этот автомобиль мне подарил отец. У меня не хватило духу отказаться, потому что это означало бы снова испортить с ним отношения. Я поставил его на стоянку и использую только в исключительных случаях. У отца своя фирма по продаже автомобилей. Естественно, он лелеял надежду, что после школы я пойду к нему работать, чтобы в будущем принять его дело. Но я поступил в семинарию.

– Наверно, отец был в ярости?

– Не то слово. Мы с ним и раньше часто ссорились. Он не понимал, как можно целыми днями сидеть и читать. У меня даже друзей не было.

– Вы жили вдвоем с отцом?

– Нет и с мамой тоже. Мои родители познакомились еще в школе, у нас была дружная семья. Все изменилось, когда у отца появились деньги. Он перестал интересоваться семьей. Мы с матерью очень переживали, но его было не остановить: рестораны – девочки, девочки – рестораны. Именно тогда я стал задумываться, что происходит вокруг меня. Хотел знать, зачем я пришел в этот мир. Отец называл меня блаженным и частенько спрашивал, почему мне не живется, как другим парням. Мы бы лучше понимали друг друга, если бы я пил пиво с друзьями, курил и сидел на лавке с девчонками во дворе. Я переживал из-за матери, она часто плакала. Предлагал ей уехать вдвоем, но она боялась оставить отца одного и продолжала терпеть, когда он возвращался пьяным или не возвращался вовсе.

Однажды отец не ночевал дома неделю. Мать совсем извелась. Не в силах более сидеть дома, я вышел прогуляться. Забрел я тогда далеко от дома. Иду по какой-то незнакомой мне улице и вижу: стоит церковь – красивая, белокаменная, с синими куполами. Я зашел в церковь, а там у каждой иконы картонки с молитвами. Купил свечей и стал читать молитвы перед каждой иконой. Молил Бога, чтобы он вернул отца в семью.

– И что помогло?

– Помогло, – грустно улыбнулся Алексей. – Только не так, как я думал. Однажды, возвращаясь пьяным за рулем своего новенького мерседеса, отец не справился с управлением и врезался в грузовик. Пострадал только он. Девушка, которую он вез, отделалась парочкой ушибов. – Алексей замолчал, сделав вид, что озабочен дорогой. Было видно, что спустя годы ему все еще тяжело вспоминать об этом. Когда он заговорил, его голос звучал еще глуше. – После катастрофы отец навсегда остался прикованным к инвалидной коляске, а я ужасно перепугался. Решил, что все случилось из-за того, что я слишком усердно молился. Промучившись несколько дней, снова пошел в церковь. На исповедь. Тот священник очень помог мне. Спустя время, стал замечать, что Бог, хоть и лишил моего отца ног, все же каким-то непостижимым образом вернул мир в семью. Тогда я осознал, что несчастья даются человеку, чтобы он понял свои ошибки. Теперь отец не мог обойтись без матери, и она терпеливо ухаживала за ним. Именно она смогла убедить его, что с потерей ног жизнь не заканчивается. Это всего лишь неудобство, с которым можно справиться. Мать поддержала его, когда он решил работать на дому. Сейчас у них, можно сказать, все в порядке. Конечно, отец рассчитывал на меня и очень разозлился, когда я пошел в семинарию. Мы несколько лет не разговаривали, но потом он все-таки понял меня. У меня был день рождения, когда попросил приехать. Дома вручил мне ключи от этого автомобиля, и у меня не хватило духу отказаться.

– Ты правильно сделал, – кивнул Василий, благодарный Алексею за откровенность.

Ни улица, ни дом им не был известен, поэтому в поезде, когда въехали в Конобеевку, решили просто прочесывать улицы по порядку в надежде найти что-то необычное. После часа, как показалось Василию, беспорядочной езды он воскликнул:

– Как мы можем что-то найти, если мы даже не представляем, как это выглядит.

– Я приблизительно знаю, – отозвался Алексей. – Это должен быть большой участок, огороженный высоким забором.

– По-моему здесь полно таких участков. Может, надо у кого-нибудь спросить?

– Имей терпение. Осталось всего несколько улиц, – сказал Алексей, сверяясь с картой. – Когда я увижу что-нибудь похожее на то, что ищу, я остановлюсь.

– Но откуда ты знаешь, что искать?

– Один из моих знакомых попал в подобную секту. Мне приходилось несколько раз приезжать к нему.

ГЛАВА 51

Книги стали для Нины единственной отдушиной. Появилась возможность, хотя бы ненадолго окунуться с головой в вымышленный мир и уйти от кошмара, в который превратилась ее жизнь. Подавленное состояние после того, как она увидела Марену, не проходило. Теперь она знала, что ее ожидает, если она начнет противиться Ивану. Единственным выходом из Огненного братства была смерть. Нина стала плохо спать, ей все время снился один и тот же сон: у нее отнимают Иоанна, она слышит его крик и ничего не может сделать. Просыпаясь, она включала свет, чтобы убедиться, что малыш рядом. Иногда она не могла удержаться, брала его на руки и долго ходила с ним по комнате, прижимая к себе, словно могла таким образом защитить. Когда Нина поняла, что опять отвлеклась от романа, она отложила его в сторону и подошла к окну.

В дверь постучались, и в комнате появилась Вилен с опухшим от слез красным лицом.

– Я зашла попрощаться, – тихо произнесла она.

– Разве ты не будешь больше помогать мне с малышом? – удивилась Нина.

– Теперь я буду выполнять другую работу.

– Но почему?

– Так надо, – тихо прошептала девушка, глядя в пол. По щеке сползла слеза. Она повернулась, чтобы уйти, и Нина внезапно поняла, что девушка пришла к ней, чтобы поговорить. Она предложила девушке присесть и рассказать, что случилось.

– Иван выбрал мне мужа, – девушка снова всхлипнула. – Но я не хочу выходить за него замуж. Он старый. Ему около пятидесяти. И я как представляю, что должна буду с ним ложиться в постель, мне плохо становится.

– Он не имеет права тебя заставить! – возмутилась Нина.

Вилен испуганно оглянулась.

– Здесь, наверняка, стоит камера. У нас будут неприятности.

– Хорошо. Тогда жди меня у озера, – прошептала Нина. – Я сейчас туда приду. Только соберу малыша.

Девушка кивнула и исчезла за дверью, а Нина осторожно переложила Иоанна в коляску и переоделась, не переставая размышлять о Вилен. Однажды она слышала от правителя Огненного братства, что он сам подбирает пары для

женитьбы, но тогда не придавала этому значения. Нине удалось добраться до озера никем не замеченной. Вилен сидела на скамейке, спрятав лицо в ладонях. Худенькие плечи вздрагивали от рыданий. Увидев Нину, Вилен поспешно вытерла слезы. Нина села рядом, поставив коляску под деревом, чтобы звук голосов не разбудил Иоанна.

– Рассказывай, – потребовала она.

– Знаешь ли ты, что в нашем обществе нельзя жениться или выйти замуж без согласия Ивана? – начала Вилен.

– Не понимаю, зачем ему это? Неужели ему недостаточно того, что вы работаете на него?

Вилен нахмурилась от ее резких слов, но потом ее лицо прояснилось, и она уверенно сказала:

– Мы работаем не на него, а на благо цивилизации. Цель нашего общества – искупление грехов человечества. Наш Иван избран для того, чтобы создать истинную семью и назначать брачных партнеров, чтобы восстановить духовную родословную.

– Этот ваш представитель Огненного братства и есть избранный?

– Да, – Вилен кивнула. – Я понимаю, мне нужно покориться его воле, так происходит со всеми девушками в обществе. Рано или поздно он выдает их замуж. – Она снова заплакала. – Мне было бы все равно, если бы тот человек не был бы мне так противен. Я умоляла Ивана отложить замужество, но он накричал на меня и сказал, что я выйду замуж на следующей неделе. А до тех пор он отправляет меня на улицу, чтобы я усмирила свою гордыню.

– Что это значит?

– Это значит, что я должна предлагать себя мужчинам, чтобы усмирить свою плоть и заработать деньги для братства.

– Он заставляет тебя заниматься проституцией?

– Не только меня. Иван считает, что когда женщина может легко отдать свое тело, это значит, что она духовно созрела. Совокупляясь с мужчиной, которого она не любит, она усмиряет свою похоть.

– И ты в это веришь?

– Не знаю. Я совсем запуталась. – Она смущенно посмотрела на Нину. – К тому же я еще девственница.

– Но если ты выйдешь на волю, то можешь больше не возвращаться. Напишешь заявление в милицию о том, что здесь творится. Они заведут уголовное дело, секту разгонят, а вашего представителя посадят в тюрьму. Ты можешь спасти не только себя, но и всех.

– Перестань! – Вилен возмущенно взглянула на Нину. – Как я могу предать наше общество?! Если не мы, то кто тогда изменит мир? Надо учиться жертвовать собой.

Нина грустно смотрела на девушку, думая как все смешалось в ее голове. Несмотря ни на что, она верила в великое предназначение Огненного братства. В душе Нины поднялась целая буря ненависти, но она, опасаясь спугнуть Вилен, не могла высказать, что думала

– Скажи, Вилен, а ваш предводитель всех девушек заставляет заниматься проституцией?

– Да. Похоть и страсть не должна отвлекать нас от великого дела. Мы, женщины, виновные за соращение мужчин, должны относиться к своему телу с презрением. Марья совратила своего брата, из-за нее он стал грешником. Именно поэтому Иван настаивает на том, чтобы мы скромно одевались, не использовали косметику и украшения. Он считает, что эти средства соблазнения придуманы темными силами, чтобы морочить голову мужчинам.

– И что теперь? Ты должна пойти на улицу и отдать свою невинность первому попавшему, кто согласен тебе заплатить?

– Нет, ну что ты?! Иван будет моим первым мужчиной. Сегодня ночью я пойду к нему.

Нина замерла на месте, не в силах вымолвить ни слова. «Мерзкий развратник. Мало того, что он заставляет девушек торговать собой, он еще и удовлетворяет свою похоть».

– Мне нужно идти, – спохватилась Вилен. Я должна смириться. Иван лучше знает, что мне делать. Спасибо, что хотя бы выслушала меня.

Нина прислонилась к спинке скамейке, чуть не плача от бессилия.

ГЛАВА 52

Алексей затормозил возле огромного забора из красного кирпича, за которым в тени деревьев виднелось странное здание, похожее на гигантское яйцо.

– Ты думаешь, это здесь? – спросил Василий.

– Почти в этом уверен, – ответил Алексей.

Они подошли к массивным железным воротам. Все, что им удалось заметить, была маленькая, еле заметная кнопка звонка и угрожающая табличка: «Территория охраняется злыми собаками». По верху забора протянута колючая проволока. Они попробовали обойти вокруг, но огромный участок со стороны леса оказался окруженный болотом.

– Это же просто неприступная крепость! – воскликнул Василий. – Как же нам попасть сюда? Может, просто взять и позвонить?

– Мы не должны привлекать внимания. В противном случае мы окажемся такими же пленниками, как Нина. Если она, конечно, здесь.

– Так как же нам это узнать? – Василий начал терять терпение.

– Пойдем-ка сядем в машину и отъедем отсюда, чтобы не вызвать подозрения. У меня есть кое-какие соображения.

– Ну и что ты думаешь делать?

– Мое предложение – ждать.

– Ждать?! Пока они убьют ее или изнасилуют? Тебе хорошо говорить, ты...

– Перестань, – спокойно заметил Алексей. – Если это территория секты, то отсюда определенно должен кто-то выходить, хотя бы на работу.

– На какую работу?

– Заработать денег для своего так называемого верховного жреца и завербовать новых членов.

– Но как они их зарабатывают?

– По-разному. Продают всякие мелочи на улицах, попрошайничают.

– Нам нужно как-то попасть туда, – Василий снова повернулся к Алексею. – Может быть, ночью мне удастся с твоей помощью перелезть через этот забор.

– Не будь таким наивным. Там везде поставлены камеры.

– Наверно, ты прав. Но нам нужно что-то делать!

– Будем ждать, пока кто-нибудь выйдет отсюда. Прежде чем действовать, у нас должна быть какая-то информация. И приготовься к тому, что на это может уйти не один день.

– Ладно, – нехотя согласился Василий. – Ну, а что если оттуда никто не выйдет?

– Этого не может быть. Хотя не исключено, что мы приехали поздно. – Он посмотрел на часы. – По моим предположениям, адепты встают рано.

Они терпеливо ждали уже второй час, но мимо них никто не проходил. Когда Василий уже совсем потерял терпение, Алексей дотронулся до его руки.

– Смотри. Кто-то вышел.

Василий увидел девушку в длинной юбке, волосы повязаны платком. Когда она прошла мимо машины, они услышали ее сдавленное рыдание.

Алексей включил зажигание.

– Что ты собираешься делать? – спросил Василий.

– Предложу ее подвезти.

– А если она откажется?

– Тогда тебе придется поехать за ней на электричке. Ни в коем случае нельзя упустить ее. Но все же я надеюсь уговорить ее сесть в машину. Знаешь что, – он посмотрел на Василия, – тебе лучше пересесть назад. Мне будет удобнее разговаривать с ней.

Девушка шла по улице, низко опустив голову, когда Алексей остановился рядом с ней и опустил стекло.

– Подвезти вас? – вежливо спросил он, но девушка, не глядя, еле заметно покачала головой. Алексей продолжал ехать рядом с ней. – Если вы едете в Москву, то нам по дороге.

Вилена посмотрела на Алексея. Сегодня все равно ей придется предлагать себя мужчинам. Она вполне может доехать с этими молодыми людьми, это будет гораздо быстрее, чем добираться на автобусе и электричке. Она нерешительно остановилась.

– У меня нет денег, чтобы заплатить вам.

– Это вовсе необязательно, – мягко сказал Алексей, открывая дверь.

Вилена послушно села в машину. Алексей включил спокойную музыку и сосредоточился на дороге, словно не собирался ни о чем разговаривать. Он мог поклясться, что девушка ехала на «работу» первый раз, и ей было страшно.

Тихая музыка и мягкое шуршание шин по асфальту показались Вилене успокаивающими. Ей даже удалось немного расслабиться. Переезд через железную дорогу был закрыт, и Алексей повернулся к девушке.

– Как вас зовут?

– Вилена.

– Очень приятно. Я Алексей.

– Мне тоже. – Вилена опустила глаза. Оказывается, за время пребывания в секте она совершенно разучилась общаться с мужчинами.

– Зачем вы едете в Москву, Вилена?

– Я... Ну... – Вилен замялась, чувствуя, что начинает краснеть. – У меня там задание, – наконец вымолвила она.

– Понятно, – улыбнулся Алексей. – И в какой район Москвы вас подвезти?

– Не знаю, – Вилен вымученно посмотрела ему в глаза. – Наверно, в центр.

– Хорошо. – Вы чем-то расстроены?

– Неприятности на работе, – нашла Вилен, крайне довольная, что ей на ум пришла такая обычная фраза.

– А где вы работаете?

Вилен растерялась. Кажется, настал подходящий момент, чтобы предложить им себя. Ей все равно придется это делать. Она понятия не имела, как другим женщинам удастся находить клиентов. Иван после вступления в секту держал ее на хозяйственных работах, не выпуская в город. Каждый, кто приходил к ним, должен был несколько месяцев заниматься физическим трудом, и когда это прекращать, решал сам Иван. Некоторые занимались этим всего пару месяцев, а вот Вилен достаточно долго. Сначала мыла полы в корпусах, где жили купальцы, потом помогала на кухне, а последние несколько недель сидела с малышом, когда Нину вызывал Иван или помогала в прачечной. Ну и, конечно, участвовала в ежедневных ритуалах и читала специальную литературу. Все было хорошо, пока Иван не задумал выдать ее замуж. При мысли об этом, по ее лицу снова потекли слезы, и она захлюпала носом.

– Забудьте мой вопрос, если он вас расстроил. У меня есть предложение поесть шашлыков в ближайшем кафе. Я угощаю.

Вилен только сейчас почувствовала, как голодна. Когда-то она любила шашлыки, но с приходом в секту старалась победить свою любовь к еде. Но сейчас, перед тем, что ей предстояло, она с удовольствием бы съела несколько кусочков мяса. Последнее время она чувствовала слабость, и у нее кружилась голова, когда наклонялась. То, чем их кормили, больше подходило для свиней.

– Ну, вот и договорились, – Алексей посмотрел в зеркало заднего вида, делая знак Василию, что все идет, как надо. Тот еле заметно кивнул.

Кафе оказалось маленьким и уютным. Алексей выбрал столик в углу и помог Вилен сесть. Василий заметил, что ее можно было назвать почти хорошенькой, если бы не бегающий взгляд карих глаз, да бабский платок в мелкий горошек.

– Вилен, если хочешь, можешь пока привести себя в порядок, – предложил Василий. Он искал предлог, чтобы остаться с Алексеем наедине и выпытать, что он собирается делать дальше.

Вилен послушно поднялась.

– Я тебя не понимаю, – повернулся он к Алексею. – По-моему ты просто тянешь время. Если бы ты не был священником, я бы решил, что девчонка тебе понравилась.

Алексей отложил меню и посмотрел Василию в глаза.

– Это часть моего плана. Вилен – бедная заблудшая душа, которая сама не знает, что собирается совершить. Неужели ты не видишь, что она просто в отчаянии из-за того, на что ее толкает их предводитель секты.

– Но мы приехали сюда, кажется не для того, чтобы спасать их всех. Я здесь из-за Нины, а если этой дурочке нравится то, что она делает, пусть делает. Я не собираюсь терять на нее время.

– Я не забыл о Нине. Неужели ты думаешь, что Вилен расскажет тебе все, если ты принудишь ее к этому. Сначала нужно завоевать ее доверие. Неужели ты не заметил, какими голодными глазами девушка смотрела на еду, когда мы вошли? В секте их держат впроголодь и заставляют работать сутками. Я почти уверен, что сегодня ее впервые отправили зарабатывать деньги своим телом. Я собираюсь показать ей, что она зря отказалась от нормальной жизни.

В туалете Вилен увидела зеркало и не смогла пройти мимо. Неужели эта бледная, худая девушка с запавшими глазами, и есть она? В корпусе для женщин не было ни одного зеркала, Вилен и не знала, как она выглядит. «Нет, это не я, а какая-то уродина, – думала Вилен. – А какая ужасная на мне одежда. Неужели, выпустив меня в таком виде, Иван рассчитывал, что я смогу кого-то привлечь и принести ему пятьсот долларов?» Без этой суммы, ей приходиться было нельзя. Вилен казалось, что это сумасшедшие деньги. Она понятия не имела, сколько платят мужчины за доставленное удовольствие.

Девушка сдернула с головы платок, достала из сумки расческу и тщательно расчесала спутавшиеся волосы. Когда они легли по плечам, ей это доставило удовольствие. Эх, если бы у нее еще была ее старая косметичка. Но, увы, ее косметику выкинули, когда она поступила в братство. Так же как и ее любимые джинсы. Странно, что тогда ее это совсем не беспокоило.

В туалет вошла другая девушка и, остановившись перед зеркалом, достала из сумочки помаду. Тщательно накрасила губки и улыбнулась своему отражению. Вилен смотрела на нее, как зачарованная.

– Как я выгляжу? – спросила девушка, поворачиваясь к Вилен.

– Прекрасно, – с воодушевлением сказала Вилен.

– Ну и славно. С тобой все в порядке? Почему ты на меня так смотришь?

– Ты не могла бы дать мне помаду? – пересохшими губами попросила она, замирая от страха.

– Помаду? Тебе? Но это негигиенично, – заметила девушка, но осеклась, заметив, что Вилен чуть не плачет. Ее не хотелось никого огорчать. Сегодня у нее было хорошее настроение.

– Подожди, у меня есть еще одна помада. Я ей не пользуюсь, она слишком темная, но она подойдет к твоим темным волосам, – Она порылась в сумочке и протянула серебристый тюбик Вилен.

Вилен держала в руках помаду, не решаясь накрасить губы. Ей казалось, что она совершает преступление.

– Ты хорошо выглядишь, – Василий взглянул на Вилен, когда та села напротив него. От его внимательного взгляда не укрылись и распущенные волосы, и покрашенные красной помадой губы, которые хорошо гармонировали с карими глазами, опущенными темными ресницами. – Зачем ты носишь этот дурацкий платок?

– Нас заставляют, – еле слышно ответила она, но тут ее взгляд упал на тарелку с аппетитными шашлыками, стоящую посередине стола. Вилен набросилась на еду, не замечая, как это выглядит со стороны. Глотала куски, почти не прожевывая и не пользуясь ножом.

– Не нужно торопиться, – заметил Алексей, с жалостью глядя на девушку. – Мы можем заказать еще что-нибудь.

– А можно еще порцию шашлыков? Так вкусно, – проговорила она с набитым ртом, не отрывая голодного взгляда от тарелки.

– Да, конечно. – Он подозвал официанта. Василий только покачал головой, ему казалось, что все тянется слишком медленно.

ГЛАВА 53

Иван все чаще и чаще приказывал, чтобы Нина составляла ему компанию за ужином. Когда пленница видела ломящийся от всевозможных яств стол, ей сразу вспоминался обед купальцев, и аппетит исчезал. Вообще, вся эта огромная гостиная с арочными окнами до пола, неприлично большой хрустальной люстрой, свисающей с потолка и морскими пейзажами на стенах, напоминала музейную залу Воронцовского дворца, в котором они были с мамой, когда отдыхали в Крыму. Роскошь Сатанова ее угнетала.

– О чем ты думаешь? – прервал ее размышления Иван.

– Сколько человек в твоей секте? – вдруг спросила она.

– Достаточно много, чтобы я ни в чем не нуждался, – он хитро посмотрел на Нину. – Ты обдумала мое предложение? Мое терпение недолговечно. Неужели я тебе нисколько не нравлюсь?

Нина опустила глаза и посмотрела на новое черное бархатное платье, в котором она была одета. Последнюю неделю ей привезли много одежды, и Иван настаивал, чтобы к их совместному ужину она обязательно наряжалась. Все эти платья оказались слишком открытыми, а ей хотелось бы закутаться в балахон, подобный тем, в которых ходили сектанты. Она убедила себя, что будет подчиняться, пока не придумает что-нибудь. Но время шло, а никакой возможности выбраться отсюда не появлялось. Пройти через будку охраны у ворот было совершенно невозможно, так же как и перелезть через четырехметровый забор с колючей проволокой.

– Я знаю, что рано или поздно ты воспользуешься своей силой. Тогда к чему все эти платья и ужины?

– Мне казалось, что женщины любят наряжаться. Хотелось доставить тебе удовольствие.

Неожиданно Нина почувствовала, что перестала бояться. Будь, что будет, но она больше не станет ему потворствовать.

– Я больше не буду надевать твои дурацкие платья. Если ты приглашаешь меня на обед, я приду или не приду в зависимости от моего желания. И выберу сама одежду. А если ты захочешь взять меня силой, то это будет всего лишь тело. Моя душа будет далеко отсюда с тем человеком, которого я люблю.

Нина бросила салфетку на стол и встала, собираясь выйти, но Сатанов, быстро вскочив, преградил ей дорогу, схватив за руки.

– Ах, вот ты как! Ты не умеешь по-хорошему. Ну что ж, я пытался. Я ухаживал за тобой, хотя это против моих правил. Сам выбирал тебе платья. Мне это доставляло удовольствие. Особенно вот это, маленькое черное платьице, скрывающее то, что я так давно хочу. Ты говоришь о душе. Ее нет. Мы только эти

тела, и в данный момент мое тело хочет обладать твоим телом. И не надо мне рассказывать про душу. Это все сказки. Сегодня ты станешь моей!

– Душа существует, так же как и прошлые жизни, – сказала Нина. – Но я не смогу тебе этого доказать, но тот Иван Купало, которому вы поклоняетесь...

Договорить она не успела. В камине, у противоположной стены, ярко вспыхнули угли. Нина почувствовала, как Сатанов отпустил ее, а его властное самодовольное лицо исказилось от страха.

– Ты снова здесь? – пробормотал он. – Я уже думал, ты оставил меня.

– Это то, о чем я говорила, – улыбнулась Нина. – Иван Купало существует!

– Ты его видишь? – с подозрением спросил Сатанов.

– Скорее слышу. То, о чем он говорит, появляется в моей голове.

– Нет! – взвыл Сатанов. – Это сумасшедший дом. Я не хочу быть сумасшедшим! – он выбежал из комнаты, словно за ним гнались.

«Спасибо, ты помог мне».

«Он больше не тронет тебя».

«Почему ты снова здесь? Я думала, ты ...»

«Пойду дальше? Это уже произошло. Я нашел беременную женщину и кручусь вокруг нее, отгоняя других желающих. Когда она родит, я возьму себе тело ее сына».

«Кто она?»

«У нее тяжелая судьба, до беременности она принимала наркотики, и родные отказались от нее. Мальчик будет калекой. Всю жизнь ему придется испытывать презрение со стороны других людей. Так что, как видишь, я на правильном пути».

«Ты уже знаешь свою судьбу?»

«Попав в тело, я все забуду. Это такая игра».

«Но зачем тебе тело этого несчастного, если ты можешь выбирать?»

«Я должен пройти через это, это очищение».

«Неужели это правда, что мы сами выбираем себе родителей?»

Нине показалось, что Иван засмеялся.

«Это условное разделение. Моей матери нужно будет научиться состраданию и любви, а мне терпению. Взаимный воспитательный процесс. На земле считают, что родители воспитывают детей».

«Тебе известна судьба моего сына? Я не хочу верить в то, что мне говорят».

На этот раз ответ задержался. И это был плохой признак. Нина почувствовала, что как мелко задрожали руки. Это выглядело так, словно Купало был согласен с тем, что говорили.

«Человек, который может спасти его, уже близко. Но тебе придется отдать ему сына».

«Я никому не смогу отдать моего сына».

«Только этот человек сможет изменить то, что предрешиено. Выбор за тобой».

Угли в камине зашипели и погасли, а Нина скрючилась на стуле. Она никому не сможет отдать своего мальчика. С тех пор, как она взяла на руки Иоанна, она запрещала себе думать о плохом и внушала себе, что с ним все в порядке. Это крохотное милое существо не может принести в мир зло, которое

ему пророчили. Она будет читать ему добрые сказки. Он вырастет хорошим мальчиком, пойдет в детский сад, потом в школу. Нина всхлипнула, вдруг отчетливо понимая, что всего этого не будет. Он станет тем, кем ему предначертано стать и не в ее власти будет что-то изменить. Иначе они не попали бы сюда.

За ее спиной тихо скрипнула дверь, Нина повернулась и увидела женщину средних лет в платке. Взгляд у нее был усталый.

– Я пришла убрать со стола.

– Да, конечно, – Нина поспешно вышла из комнаты.

В спальне она подошла к кроватке малыша и взяла его на руки. Он сонно зевнул и открыл голубые глазки. «Пожалуйста, будь хорошим», – прошептала Нина, крепко прижимая его к себе.

ГЛАВА 54

Впервые за время, проведенное в секте, Вилен почувствовала себя сытой. Даже не сытой, а неприлично объевшейся. Девушка зевнула, смущенно прикрыв рот рукой. Она не помнила, когда последний раз высыпалась. Подъем в пять утра, переключки, бесконечные дела до тех пор, пока не наступала ночь. Времени для себя совершенно не оставалось. Сейчас ей казалось, что внешний мир не так уж и плох. Она огляделась. За столиками сидели вполне симпатичные люди, ели шашлыки, пили вино. Она бы хотела остаться в этом безопасном месте подольше, чтобы оттянуть момент, когда нужно будет продавать себя.

– Вилен, нам пора ехать, – мягко напомнил Алексей. – Она послушно поднялась. И так, вскоре ей придется расстаться с этими приятными ребятами и отправиться на улицу в поисках клиентов.

– Сколько нам ехать до Москвы? – спросила она Алексея, устраиваясь в кресле автомобиля.

– Еще полчаса. Куда тебя подвезти? – задал он самый обычный вопрос, словно забыл, что он уже ее спрашивал.

Вилен отвернулась к окну, и какое-то время молчала, но потом решилась.

– Может быть, вы мне подскажете?

– Да, конечно, – Алексей заметил, как щеки девушки залились краской.

Вилен молчала, испытывая страшный стыд. Казалось совсем неприличным сказать этим приятным молодым людям, что она едет в Москву, чтобы торговать своим телом. Когда Иван объяснял, для чего нужно пойти на это, у него получалось это так хорошо и правильно, но она не сможет подобрать такие верные слова. Но ей все равно придется кого-то спросить.

– Мне нужно место, где мужчины ищут женщин для развлечений, – наконец выговорила она.

Алексей затормозил так резко, что Вилен чуть не ткнулась лбом в стекло. Машина съехала на обочину, и девушка с трудом заставила себя поднять на него глаза.

– Не смотрите на меня так, – под его взглядом ее ввалившиеся бледные щеки стали пунцовыми. – Это не то, что вы думаете. Мне нужны деньги. Но не для себя. Для братства. Это задание, – сказала она, чувствуя, что сейчас расплатится и это будет очень глупо.

– Вилен, – он ласково смотрел на нее. – Ты запуталась. Позволь нам помочь тебе.

– Как вы можете помочь мне?

– Сколько тебе нужно денег?

– Я должна принести пятьсот долларов до конца недели, – выдавила она из себя.

– А что будет, если ты их не принесешь? – подал голос, сидящий сзади Василий.

– Будет очень плохо. Иван... – произнес его имя, она зажала себе рот. – Нет, не спрашивайте меня. Я не должна говорить.

Василий больше не мог сидеть молча. Он вспомнил: когда секту разогнали, их организатору и зачинщику ритуальных убийств удалось скрыться. Его звали Иваном. Похоже, что они наши их. Та же самая секта.

– Вилен, послушай меня, – хрипло начал Василий, и она испуганно оглянулась на него. – У меня есть деньги, и я отдам их тебе, если ты расскажешь мне о вашей секте.

Алексей повернулся и укоризненно посмотрел на Василия.

– Но я не могу больше молчать! – выкрикнул он. – Вилен, я тебе все объясню. Кто-то накануне родов похитил мою жену, и у меня есть все основания полагать, что это дело рук вашего Ивана. Скажи мне, что она жива?

– Как зовут твою жену? – тихо спросила Вилен, уже догадываясь, о ком он говорит.

– Нина Веселова.

– Я не знаю фамилии. Но Нину действительно привезли несколько недель назад.

– Скажи, что с ней? – Василий не решился спросить прямо: родила она или нет.

Лицо Вилен прояснилось.

– У нее родился сын. Хороший, здоровый мальчик. Я помогала твоей жене ухаживать за ним. Его называли Иваном.

Василий откинулся назад, чтобы справиться со своими чувствами. Он только что узнал, что стал отцом.

– Почему его называли Иваном?

– Этот мальчик родился в ночь на Ивана Купала. Мы долго ждали его появления. Ему суждено стать... – Вилен запнулась, заметив побледневшее лицо Василия.

– Вам нехорошо?

Василий не ответил. И так, их опасения сбылись. То, о чем говорила Улита и Марена, случилось. Их сын выбрал для своего появления именно этот день. Ну и как тут не поверить в судьбу?

Вилен, пробормотав несколько слов, что за Ниной и малышом хорошо ухаживают, отвернулась от Василия, не в силах смотреть в его глаза, в чернеющей глубине которых затаилось настоящее горе.

ГЛАВА 55

Как только голова Нины коснулась подушки, ей приснился сон. Она видела себя девушкой с русой косой, спускающейся почти до самых колен. На ней полотняный сарафан и вышитая белая рубашка. Стоя вместе с подругами, она наблюдала за танцующими парами. Он подошел к ней. Светлая кудрявая челка падала на лоб. Синяя рубашка подпоясана широким ремнем. Ее сердце сладко сжалось, когда он взял ее руку. До сих пор ей еще не приходилось танцевать с парнями. Он ласково смотрел на нее и, казалось, забавлялся ее смущением. Они начали встречаться. Каждый вечер на лугу он поджидал ее и провожал домой. Однажды его сестра Мария потребовала, чтобы она оставила ее брата в покое. Иван перестал приходить с ней, и вскоре она узнала, что Мария ждет ребенка. Ей было очень горько и стыдно из-за его предательства. Возможно, она смогла бы его понять, если бы он полюбил другую, но он вступил в близкие отношения со своей сестрой. Сердце рвалось на части от тоски, особенно когда она иногда ловила на себе тоскливые взгляды Ивана. Хотелось подойти к нему, но девичья гордость мешала ей сделать шаг навстречу предателю. Только из-за родителей и чтобы остановить пересуды в деревне, она дала согласие снова выйти замуж.

Нина проснулась и, почувствовав чье-то присутствие, приподнялась на постели.

«Иван, ты здесь?»

«Теперь, когда ты знаешь правду, что ты можешь сказать?»

«Мне было так больно, когда ты это сделал»

«Хочешь увидеть за кого ты вышла замуж?»

Нина снова провалилась в сон.

В белом свадебном платье она сидела во главе стола со своим мужем. Она услышала, как отец назвал его Иваном. Она выбрала его лишь потому, что он носил то же самое имя, что и ее любимый.

Нина повернула голову и ... узнала его. Какая-то часть ее сознания оставалась в прошлом, а другая, несмотря на сон, присутствовала в настоящем. С одной стороны она понимала, что, выходя замуж, она совершает ошибку, потому что уже знала, к чему это приведет, тогда, как, с другой стороны, она не могла ничего изменить. Когда проснулась, поняла, что эти два сна приподняли занавес над ее прошлыми жизнями. Ничего не происходит случайно. Все та же старая игра. Она оказалась в Огненном братстве, потому что в одной из прошлых жизней, была женой его правителя.

ГЛАВА 56

Пока добирались до Москвы и стояли в пробках, Вилен задремала. Сказывались две бессонные ночи. Первую ночь волновалась, хотелось, чтобы духовный отец их братства, остался ей доволен. Но после того как все случилось, поспать не удалось из-за разочарования.

В Огненное братство она вступила девственницей. Произошло это вовсе не из-за моральных убеждений. Если бы тот, в кого она была влюблена, захотел бы ее, она отдалась бы ему в тот же день. Она лишь осмелилась написать ему письмо. Письмо, которое он оставил без внимания. Конечно, что может быть общего у школьного учителя с его ученицей? Гораздо проще сделать вид, что ничего не случилось, чем разбираться с маленькой девчушкой, не сводящих с него влюбленных глаз. Других попыток она не предпринимала, а то, что вскоре после ее признания он уволился, повергло ее в депрессию. Ее изголодавшееся сердце детдомовской девчонки мечтало о любви. Именно одиночество и толкнуло ее в братство. Иван Сатанов был для нее, как и для многих, богом, который явился в ее жизнь, чтобы повести за собой. Сомневаться она начала лишь вчера. Лишая ее невинности, Иван вел себя так грубо, словно пытался наказать за что-то. Она едва сдерживалась, чтобы не кричать и не вырываться. Вернувшись на свою узкую постель, проплакала до утра.

Когда Вилен проснулась, обнаружила соседнее кресло пустым, а машину, припаркованную на площади. Она оглянулась назад и увидела Василия, сжавшегося в своем углу.

– Где мы? – испуганно спросила она.

– В Тучково. Алексей сейчас придет. – Вилен выглянула в окно и увидела священника в черной одежде.

– Алексей, – прошептала она. – Ты священник?!

– Да. Я священник. Пойдем со мной в церковь. Именно там ты найдешь ответы на свои вопросы.

Она посмотрела в глаза Алексея и внезапно подумала о том, что сам Бог послал его к ней в тот момент, когда она начала сомневаться в правильности того, что собиралась делать. И именно ему, раз он оказался слугой Божьим, можно все рассказать. Оглянулась на Василия.

– Пойдем с нами, – прошептала она ему, но он лишь покачал головой.

Алексей припарковал свой фورد недалеко от дома, где он жил, чтобы зайти переодеться. До вступления в Огненное братство Вилен вовсе не была религиозна, хотя иногда ходила в церковь с тетей, которая забирала ее на каникулы. Тогда Вилен не испытывала ничего, кроме желания угодить ей. Тетушка показала ей святую, в честь которой ее назвали, и Вилен просила у нее сначала, чтобы святая помогла, чтобы ее забрали из детского дома, а потом, чтобы обратить на себя внимание учителя, который ей нравился. Тетушка умерла, а девушка убедилась, что молитвы остаются без ответа, перестала ходить в церковь. Сегодня увидела икону той святой, и в ее душе что-то перевернулось. Она долго стояла возле нее, глядя в ее безмятежное красивое лицо, но так и не смогла о чем-то ее попросить. Все смешалось в душе. Когда закончилась служба, она не стала дожидаться Алексея, а сама пошла к машине.

– Алексею еще что-то надо сделать. Он скоро будет.

Василий кивнул, с досадой думая о том, что все тянется очень медленно, в то время как Нина и его сын каждую минуту подвергаются опасности.

Пока они сидели, Вилен думала о своих новых ощущениях. Как же она запуталась. Алексей обещал ответить на все вопросы после того, как она

расскажет им о братстве. Она вздохнула. Но разве это не будет предательством? Как потом вернуться обратно? Выхода из их общества нет, изменников ждут тягчайшие наказания, которые лягут проклятием на ее детей. Так учили в братстве, и она этому верила. Память услужливо высветила перед ней картину, как жестоко обошлись с одной девушкой, которая сказала, что уходит. Ее привязали к дереву, каждый подходил к ней и плевал в лицо. К счастью, она раскаялась, и ее оставили в живых, приговорив на два года к исправительным работам. Она мыла туалеты и убирала корпуса. Неужели и с ней поступят так же? Иван всегда внушал им, что если кто-то из них покинет братство, он легко найдет их. Как она могла об этом забыть? Ей нужно бежать, чтобы избавиться от этих людей, которые появились на ее пути. Им всего лишь нужна информация о Нине и их ребенке, но они никогда не получают ее. Она быстро открыла дверь автомобиля.

– Куда ты? – спросил Василий. Его вопрос остался без ответа, а быстрые шаги Вилен убедили его, что она не решила вернуться в церковь, как он сначала подумал. Он выскочил из автомобиля и, догнав ее, схватил за плечи и развернул к себе.

– Куда ты? – повторил он.

– Отпусти меня! – Василий посмотрел на девушку и удивился происшедшей с ней перемене. На ее лице появилось выражение яростной одержимости.

– Да что случилось?!

– Вы появились у меня на пути, чтобы сбить с толку. Нас предупреждали о таких вещах. Один из вас даже переоделся священником.

– Да что ты такое говоришь! Алексей на самом деле священник.

– Священники не ездят на таких машинах и не едят шашлыки, – возразила Вилен.

– Если бы ты так не была увлечена своим обедом, ты бы заметила, что Алексей ел простой вегетарианский суп и гречневую кашу.

На лице девушки мелькнуло сомнение. На самом деле она не смотрела ни на кого, когда увидела эти прожаренные, так аппетитно пахнущие, кусочки мяса перед собой. Она потеряла голову. Да, ее плоть снова восстала против нее. И прав был Иван, когда послал ее на улицу. Она должна отдавать свое тело мужчинам столько раз, сколько потребуется, чтобы очиститься.

– Отпусти меня. Ты хочешь, чтобы из-за тебя я предала братство и забыла о своей священной миссии! Но этому не бывать, – она уперлась кулачками ему в грудь.

– Ты сама решила все рассказать! – напомнил он ей, стараясь держать себя в руках, но уже чувствую знакомую волну гнева, поднимающуюся глубоко внутри.

– Меня ждут вечные муки, если я это сделаю. Я должна идти.

– Слушай меня внимательно. Из-за таких ненормальных, как ты и существует ваше братство. Мою жену и ребенка похитили, а ты не хочешь помочь мне вернуть их домой. Ты должна понять: тот, кто организовал ваше братство, просто использует вас. Тебе повезло, что ты вырвалась.

Вилен злобно сощурилась.

– Твой сын – наш будущий правитель. А Нине будет оказана великая честь, сам Иван возьмет ее в жены. У тебя никогда не получится добраться до них.

Не сдержавшись, Василий ударил ее по лицу. Девушка закричала. Оглянувшись вокруг, Василий быстро принял решение. Подхватил девушку на руки и отнес в автомобиль. В машине она царапалась, как кошка, и ему пришлось снова ударить ее. Вилен затихла. Василий взял ее руку, судорожно нащупав пульс. Видимо, девушка была без сознания. Пока она не очнулась, ему надо срочно отвезти ее домой и запереть. А там уже пусть Алексей разбирается с этой ненормальной. Он пересел на водительское кресло и включил зажигание. Хорошо, что умеет водить. По дороге он набрал номер Алексея, но телефон был выключен, и он оставил сообщение. Жалость, которую он испытывал к девушке, исчезла. Дорога до дома заняла еще пять минут. Вилен стонала, но не приходила в себя. Загнав машину за ворота, он вытащил ее из машины и на руках отнес в комнату. Там он положил ее на диван и сел напротив. Девушка не приходила в сознание, и он не знал, что делать: попытаться привести ее в чувство или подождать Алексея. Он выглянул в окно и с облегчением заметил входящую в калитку темную фигуру. Василий с облегчением выскочил ему навстречу.

– Как Вилен? – спросил он.

– Она там, – он махнул рукой в сторону комнаты, – без сознания. Я ударил ее. Она пыталась выпрыгнуть из машины и несла всякую чушь.

Алексей, отодвинув Василия, быстро прошел в комнату и опустился перед Вилен на корточки, взяв ее за руку.

– У тебя есть нащатырь? – спросил он, нащупывая ее пульс.

– Да, сейчас. То, что Алексей ничего не сказал, еще больше пристыдило его. Черт бы побрал эти приступы, когда он становится сам не свой. Он протянул нащатырь Алексею и тот осторожно, смочив ватку, прислонил ее к носу девушки. Она открыла глаза и застонала.

– Ты дьявол. Пришел искушать меня. Нет, я ничего не скажу.

– Я не дьявол. – Голос Алексея звучал так спокойно и умиротворенно, а из его глаз лился теплый свет. – Я всего лишь слуга божий. Тебе нечего бояться меня.

– У меня болит голова, он ударил меня. – Вилен бросила взгляд на Василия, стоящего поодаль.

– Я принесу сейчас холодный компресс на лоб, и ты постарайся поспать.

– Мне нужно идти.

– Ты еще слишком слаба. Давай решим так: дай мне несколько дней. Я расскажу тебе все, что мне известно о твоём обществе. Ты просто выслушаешь меня. Можешь задавать мне любые вопросы. После этого, если ты примешь решение вернуться, я дам тебе денег, которые от тебя требуют, и не буду удерживать тебя. Решение за тобой, Анна. – Алексей специально назвал ее прежним именем.

Его спокойный голос и вся его фигура в черном одеянии повлияли на Вилен успокаивающе. Что бы там ни говорили, Алексей не может быть дьяволом. К тому же, она на самом деле не может сейчас выйти на улицу. Наверно, ничего не случится, если она останется здесь на пару дней. Когда пройдет головная боль, она что-нибудь придумает. Вилен закрыла глаза, Алексей положил ей мокрое полотенце на лоб и вышел из комнаты.

Увидев Ивана через два дня после их ужина, прерванного появлением Купало, Нина удивилась происшедшей с ним перемене. Против обыкновения, правитель братства был небрит, высокий лоб перерезали две глубокие морщины, а серые глаза спрятались за набрякшими веками. От него сильно пахло перегаром.

– Мне нужно поговорить с тобой, – сказал он, тяжело опускаясь на скамейку рядом, тихим голосом, в котором не было прежних ноток властности и самоуверенности. Нина, скользнув по нему равнодушным взглядом, ничего не ответила, преодолевая инстинктивное желание отодвинуться подальше. – Боюсь, что схожу с ума.

– Приятно, что ты, наконец, начал осознавать правду.

Он схватил Нину за руку.

– Не издевайся надо мной. Я понимаю, что ты злишься, но будь же милосердна. Мне нужна твоя помощь. Со мной что-то происходит.

– Смешно просить пленницу о помощи. Почему меня должно волновать твое душевное состояние? Этим вопросом занимается психиатр. Расскажи ему, что с тобой происходит.

– Я не могу это никому рассказать.

– Если я помогу тебе, ты наспустишь?

– Ты же знаешь, что я не могу. Если я отпущу вас, разрушу легенду, а это в свою очередь заставит купальцев усомниться в моей власти.

– Ну, конечно, тебе нравится дурить людей, называя моего сына своим преемником, связывая его день рождения с дурацким языческим праздником. Сам-то ты в это не веришь?

– Когда у меня возникла идея создания Огненного братства, я думал лишь о том, как приятно управлять другими людьми. Потом появилась Улита и рассказала о предсказании. Я нашел это интересным. Но случилось невероятное: легенда ожила, и тот, чей образ я использовал, преследует меня.

– О ком ты говоришь? – спросила Нина, делая вид, что ничего не понимает. Сатанов вздохнул.

– С некоторых пор по ночам ко мне стал приходить призрак Ивана Купала. Во всяком случае, я слышу его голос, нет, не голос, но понимаю, что он хочет сказать, слова появляются в мозгу. А еще я чувствую его присутствие, хотя не вижу его. В последний раз он появился, когда я хотел овладеть тобой. Вдруг меня словно что-то оттолкнуло. Ты видела, как вспыхнули угли в камине? Скажи, Нина! Ну, убеди же меня, что я не схожу с ума. Скажи, что ты тоже его видела или слышала?

Нина выдернула руку, осознав свое преимущество. Его страх можно использовать и разубеждать его в этом не стоит. Людям свойственно, когда они слышат какие-то голоса, считать себя сумасшедшими. Конечно, если верить сну, правитель Огненного братства когда-то был ее мужем, но ей не хотелось об этом думать, чтобы не поддаться жалости. Нужно быть очень сильной, чтобы вырваться отсюда, и если Сатанов будет продолжать пить, то с ним будет легче справиться.

– О чем ты говоришь? Я ничего не слышала, – Нина посмотрела на него с презрением. – Ты слишком много пьешь, вот тебе и лезет всякая чушь в голову. У алкоголиков бывают странные галлюцинации.

– Я не алкоголик. До того, как это началось, я, вообще, не пил. А теперь мне становится страшно. Алкоголь помогает расслабиться.

Нина задумчиво смотрела на своего мучителя. Вдруг захотелось рассказать ему, что они и есть те самые герои легенды, которым в этой жизни необходимо доиграть старую игру.

– Вряд ли я смогу тебе помочь. Мне нужно идти кормить малыша, – заметила Нина, подавив искушение.

Иван заглянул в коляску и посмотрел на маленькое личико в синем чепчике.

– Ты никогда не называешь его Иваном, – заметил он.

– Мне не нравится это имя.

– Ты знаешь о Каббале чисел, не так ли? Ты веришь в прошлые жизни, вы пользовались хрустальным шаром. В твоей хорошенькой головке полно чепухи.

– Это мое дело во что верить, – она встала и посмотрела в его помятое измученное лицо. – Зато я не слышу странных голосов.

На лице Сатанова появилось отчаяние.

– Может и мне стоит заглянуть в хрустальный шар, чтобы понять, что происходит?

– Не советую. Людям со слабой психикой... – Иван быстро вскочил со скамейки. Нине показалось, что он сейчас ударит ее. Она непроизвольно сделала шаг назад.

– Я хотел с тобой посоветоваться, но ты посмеялась надо мной. – Он выпрямился, и выражение его лица вновь стало покровительственным. Причем это произошло так быстро, словно, он сменил маску. – Забудь о том, что я тебе наговорил и готовься к празднику. Сегодня ровно в полночь Марена будет предана огню.

Нина отшатнулась.

– Не надо, прошу тебя, – заговорила она изменившимся голосом. – Это слишком жестоко. Каждый человек должен иметь право выбора. Отпусти ее из братства.

– Ты просишь о невозможном. Все уже решено. Ее наказание послужит хорошим примером для недовольных. Людей нужно держать в страхе. Ты не представляешь, как они хорошо работают после подобного ритуала. Еще долгое время никому не приходит в голову начать роптать. После очищения огнем неверной будет объявлено о нашем бракосочетании через неделю.

– Нашего бракосочетания? Каким образом, ты собираешься это делать?

Сатанов усмехнулся, появившийся страх в глазах Нины улучшил настроение.

– Есть у нас в братстве специально обученный человек, который и проведет церемонию.

– Ты болен, – в ужасе покачала головой Нина. Слова, которые она собиралась ему сказать, замерли у нее на губах. Она схватила коляску и быстрым шагом покатила ее по дорожке.

Василий не присутствовал при беседах Алексея и Вилен, и ему казалось, что время тянется слишком медленно. Пошел уже третий день, а они еще не предприняли ни одного шага, чтобы помочь Нине. Он сходил с ума от ожидания, и лишь осознание того, что Вилен олицетворяет пока их единственный шанс, как можно пробраться в секту, заставляло его терпеть.

В комнату, где он сидел у окна, с тоской глядя на опадающие желтые листья, вошел Алексей.

– Ну что? Узнал что-нибудь? – повернулся к нему Василий.

– Она все еще сомневается, – честно признался Алексей, усаживаясь в кресло. – Я не знаю, что они делают там с людьми, но страх покинуть секту сильнее их самих. Мы, кажется, уже побеседовали обо всем, но она еще не готова к тому, чтобы помочь нам.

– Послушай, может бросить все это к чертям? – выкрикнул Василий. – Ну что с ней делать, если она такая дура и не понимает, что их просто используют?

– Терпение и еще раз терпение. У меня есть один знакомый, который провел пять лет в похожей секте. Я попробую его уговорить прийти к нам. Мы должны постараться спасти Вилен, иначе ее душа погибнет.

– Мы должны спасти Нину. Ты забыл об этом, – упрекнул его Василий.

– Как я могу забыть о Нине? Я молюсь за нее. За нее и за малыша.

– Да разве pomoжешь делу молитвами?! – выкрикнул нетерпеливо Василий. – Так можно вообще ничего не делать, только стоять на коленях и молиться, чтобы ангел принес ее к нам на крыльях.

– Иногда молитвы помогают лучше, чем любые другие действия. Все во власти Господа.

– Ты понимаешь, что пока ты возишься с Вилен, с Ниной может случиться беда.

– Я верю, что Господь не допустит этого. Дай мне еще один день.

– Ты блаженный. Впрочем, как вы все, священники, – Василий отвернулся.

Алексей улыбнулся, в его глазах были понимание и любовь. Он мягко сказал:

– Вилен заснула. Приготовь ей что-нибудь поесть, пока я буду отсутствовать.

– Ты уходишь? – спросил Василий. Перспектива остаться наедине с Вилен испугала его.

– То, что мы делаем очень важно, но я не должен забывать о своих прихожанах. Вернусь после службы.

– Ладно. Надеюсь, что эта ненормальная будет вести себя смирно. Иначе, я свяжу ее.

– Не волнуйся. С ней все в порядке, осталось развеять некоторые сомнения. Ты знаешь, что испытывают люди после выхода из секты?

– Нет.

– Они полностью оторваны от реального мира. Им нужно время, чтобы адаптироваться к новой жизни, все их идеалы, все, во что они верили, оказываются втоптаны в грязь. Из-за этого возникает чувство потерянности и ущербности.

– Зачем ты мне это говоришь?

– Тебе будет легче, если ты поймешь, что происходит с Вилен. Она верила в правильность того, что делает, у нее была своя цель, к которой стремилась. И что будет с ней, если она все же решит жить в реальном мире? У нее даже нет дома, куда ей вернуться.

– Но она же где-то жила до этого?

– Квартиру, которая досталась от тетушки, Вилен пожертвовала братству. Каждый, кто приходит туда, должен внести свой вклад.

– Их мессия вовсе не дурак! – усмехнулся Василий. – Где только они находят подобных идиотов?

– Не осуждай ее. Сейчас, как никогда, Вилен нуждается в понимании. Если она поймет, что ее не осуждают, ей будет легче сделать выбор.

Василий вдруг ощутил какая огромная разница лежит между ним и этим человеком. От Алексея веяло покоем и уверенностью, Василий же чувствовал себя сбитым с толку, испорченным и злым на весь мир. Он уже давно замечал, что без Нины все темные стороны его противоречивой натуры начинали проявляться сильнее, словно она своей любовью сдерживала его, заставляя балансировать на грани. Последнее время присутствие Алексея тоже обладало подобным действием, один его взгляд мудрых глаз, и грубые слова замирали в глубине, так и не вырвавшись наружу.

– Давай я тебе сделаю бутерброды, – предложил Василий, вставая. – Ты ничего не ел с утра. У меня есть колбаса и сыр.

Алексей улыбнулся.

– Спасибо, но я уже должен идти. Служба начинается ровно в семь, у меня есть только время, чтобы дойти туда пешком. Но если ты сварешь картошку к ужину, я буду тебе очень благодарен.

– Одну картошку без мяса?

– Я не ем мяса, – мягко заметил Алексей, выходя на веранду.

Василий смотрел ему в след. «Он не ест мяса, у него никогда не было женщины, он готов день и ночь помогать другим. Да как же он живет на этом свете?»

ГЛАВА 59

Нина укладывала Иоанна, когда какая-то женщина, которую никогда не видела, без стука зашла в комнату. Молодую мать раздражала манера купальцев врываться без предупреждения. На двери, конечно, не было замка. Нина уже достаточно долго провела в братстве, чтобы заметить, что, несмотря на скромность одеяния, гостя принарядилась. Голубой с красными цветочками платок, а вместо балахона черная блузка на пуговицах. Едва кивнув Нине, женщина устремилась к кровати и некоторое время смотрела на малыша с умилением.

– Что вам нужно? – спросила Нина.

– Иван еще слишком мал, чтобы присутствовать празднике, но настанет день, когда он поведет всех за собой. – Женщина бросила на белое покрывало кровати расшитый золотыми нитями красный наряд. – Иван приказал, чтобы ты надела

это. Сегодня у нас большой праздник – сожжение предательницы. – Ноги у Нины подкосились, и она была вынуждена опереться на кровать, чтобы удержаться.

– Я не пойду, – покачала она головой.

– Не советую, – покровительственным голосом заметила женщина. – Иван не выносит непослушания. Поторопись, у тебя мало времени. Или тебе помочь? – ее глаза недобро сверкнули и Нина, сдерживая слезы, замотала головой.

– Смотри же. Я зайду за тобой через пятнадцать минут.

Когда дверь закрылась, Нина расплакалась. Перед глазами стояло несчастное лицо Марены, просившее о пощаде. Нина металась по комнате, пытаясь придумать, как освободить пленницу, но в голове было пусто. Она подошла к кровати и взяла в руки оранжево-красный наряд. Это оказалась короткая обтягивающая юбка с бахромой и блузка с широкими рукавами, похожими на языки пламени. Если на свете и существует дьявол, то это и есть предводитель этого Огненного братства. В любом случае придется подчиниться его приказу, хотя бы ради сына. Молодая женщина взяла красный наряд и ушла в ванну. Ее руки дрожали, когда она натягивала красные колготки. Она быстро надела все остальное и повернулась к зеркалу, чтобы причесаться. Минуту смотрела на собственное отражение, не в силах отвести взгляд от зеркала. Сейчас она сама себе казалась пламенем, в котором должна была сгореть Марена. Когда Нина вышла, ее уже ждали. Бесцеремонно оглядев Нину с ног до головы, сектантка удовлетворенно улыбнулась:

– В этом наряде ты соответствуешь нашему правителю. Идем же скорее.

– Кто останется с моим сыном? – резко спросила Нина.

– Не беспокойся. За ним присмотрят.

В подтверждение ее слов в комнату, мягко ступая, вошла девушка с испуганными глазами олененка. Почтительно склонила перед ними голову, и Нина поняла, что женщина, которая принесла наряд, была старше по рангу.

Иван, сидя на возвышении, следил, как вокруг суетятся купальцы, выполняя последние приготовления к празднику. Сегодня, впервые за три дня, бессонница отпустила его, и он выспался. После разговора с Ниной он заставил себя выбросить все мысли, что сходит с ума. Это было трудно, пришлось напомнить себе, что многие великие люди страдали подобным недугом. Так что сейчас, в преддверии праздника, на его лице снова появилась маска величия. В конце концов, разве он не тот самый мессия, который приведет этих заблудших овец к свету? Ведь именно он внушил им эту мысль. Каким будет этот новый мир, Сатанов еще не придумал. Наиболее верные и посвященные адепты издавали в его собственной типографии одну книгу запутаннее другой, которые изучали купальцы. На их вопросы никто не отвечал, каждый должен был самостоятельно приблизиться к мудрости.

Иван надеялся, что сегодняшнее представление должно заставить Нину стать более сговорчивой. Заметив Нину, он встал ей навстречу и подал руку. Ей ничего не осталось делать, как протянуть свою. За толпой купальцев, сканирующих принятые в их секте приветствия, на возвышении стояла привязанная к столбу Марена в длинной белой рубашке. Босые ступни касались соломы. Иван, усадив Нину на свой трон, поднялся, собираясь говорить. Толпа мгновенно притихла.

– Дорогие мои дети! – начал Иван. – Мы собрались здесь, чтобы покончить с жизнью предательницы Огненного братства. Долгие годы Марена была одной из

нас, но то, что она сделала, не подлежит прощению. Ее ждет смерть. И так будет с каждым, кто осмелится уйти и предать нашу великую цель.

Сатанов остановился и оглядел купальцев. В толпе слышались выкрики «Смерть предательнице! Поджигай!» Нина переводила взгляд с одного лица на другое, пытаясь найти кого-нибудь, кому было бы жаль несчастную женщину, которая долгие годы прожила с ними рядом, но видела перед собой лишь возбужденные предстоящим зрелищем лица. Из толпы появился молодой человек с зажженным факелом. Подойдя к Ивану, почтительно склонился. Сатанов поджигал костер самолично. Изменнику последнего слова не предоставляли. Более того, до тех пор, пока Иван произносил речь, во рту приговоренного оставался кляп. Иван взял факел и встал.

– Мои дорогие купальцы. Сегодня я хочу внести изменение в наш ритуал и предоставить право поджечь костер той, которая произвела на свет будущего представителя Огненного братства. – В толпе слышались приветственные крики. – А после того, как мы покончим с неверной, вас ждет большой праздник. – Услышав его слова, Нина похолодела от ужаса. Она ни за что не сможет этого сделать. – Сатанов протянул ей факел, но Нина спрятала руку за спину и отчаянно замотала головой. Иван наклонился к ее уху.

– Подумай о своем сыне. О том, как трудно ему будет без мамы. Его жизнь в твоих руках. Нина вспомнила малыша, его голубые глазенки и нерешительно взяла факел. Толпа почтительно расступилась, когда она начала спускаться с возвышения. Некоторые даже протягивали руки, чтобы коснуться ее. Молодая женщина не смотрела на Марену, стоящую в конце ее пути. В отблесках света Нинин костюм, расшитый стразами, переливался. Толпа заворожено наблюдала за ней. Кто-то вынул кляп изо рта Марены, и та издала ужасный звериный крик.

Нина замерла. Она явно слышала этот полный отчаяния вопль. И когда-то стояла перед привязанным к дереву человеком. Легенда ожила. Она не была больше Ниной Веселовой, она была обманутой невестой, у которой Мария увела Ивана. Вокруг нее собрались люди, и она, выхватив у кого-то факел, первой подожгла костер. Внезапно Марена перестала кричать, и Нина поняла, что она тоже это вспомнила. Судьба, сделав круг, вновь столкнула прежних соперниц.

«Я не могу снова повторить эту ошибку», – отчаянно билась в голове одна единственная мысль. Нина отступила назад. Со всех сторон доносились крики обезумевших купальцев, сойдя с импровизированного трона, к ней величественно приближался Иван в таком же, как у нее красном наряде.

Окружающий мир поплыл перед глазами Нины. Крики стихли. Она почувствовала, что падает.

ГЛАВА 60

Вилен медленно возвращалась к реальной жизни, пытаясь осмыслить простые истины. Иван никакой не мессия. Их Огненное братство обычная секта, использующая контроль над сознанием и существующая для обогащения одного единственного человека. Она отдала свою девственность обычному похотливому мужику.

Это было единственное, что она скрыла от Алексея, потому что сама не могла без содрогания вспоминать последнюю ночь в секте. Когда она вошла, предводитель братства лежал голым поверх одеяла. Поманил ее пальцем а, когда она приблизилась, ударил по лицу и, повалил на постель, срывая одежду. Почувствовав страшную боль, Вилен закричала. Но крик только возбудил его. Когда все кончилось, Сатанов толкнул ее на пол и приказал убираться. Вилен кое-как прикрылась разорванной одеждой и прокралась в комнату, где кроме нее спали еще двадцать девушек. Никто не заметил ее отсутствия и не знал, что сегодня она впервые стала женщиной. Она чувствовала себя использованной вещью и осознавала, что никогда раньше не испытывала подобного унижения.

Алексей открыл ей глаза на все, что происходило в Огненном братстве. Вместе они прочитали книгу о контроле над разумом. Оказывается, Иван использовал китайскую технологию. Невозможно поверить, сколько людей оказалось обманутыми, но легче от этого не становилось. Василий заглянул в приоткрытую дверь.

– Вилен, пойдем обедать.

Она замотала головой. Он подошел ближе и сел на краешек дивана.

– Я понимаю, что с тобой происходит, – участливо сказал он. – Тебе нужны силы, чтобы справиться с тем, что случилось.

– Нет необходимости ухаживать за мной, – грустно сказала она. – Все, что могло иметь для вас значение, я уже рассказала.

– Да разве дело в этом? – удивился Василий. – С тех пор, как похитили Нину, я не могу оставаться один. Так, что можешь считать, что мне нужно твое общество.

– Это правда? – с надеждой спросила девушка.

– Правда, – Василий открыто встретил ее взгляд.

– Тогда, может быть, ты позволишь мне убраться в доме? Это одна из немногих вещей, которые я могу делать, чтобы не чувствовать себя такой бесполезной.

– Договорились, а сейчас пойдем обедать.

– Я не знаю, что мне делать, – призналась девушка, когда они устроились в гостиной, ожидая возвращения Алексея. – Конечно, мне нужно было бы вернуться в секту и поговорить с Ниной. Она ведь даже не знает, что ты жив и ищешь ее. Но я не могу. Я не могу.

– Мы с Алексеем решили, что тебе нельзя туда возвращаться. Если ты вернешься, ты можешь захотеть остаться.

– Я никогда не попаду больше под его влияние. Просто боюсь, что не смогу держаться естественно, и он догадается. У него есть детектор лжи.

– Детектор лжи?

– Я не знаю точно, я только слышала, что о нем рассказывали на лекциях. Когда человек лжет, у него учащается сердцебиение, и прибор это показывает.

– Что только не придумал этот подонок, – возмутился Василий. – Конечно, я бы хотел отправиться туда сам.

– Нет, тебе нельзя, – Вилен покачала головой. – Они знают тебя в лицо. Прежде чем похитили Нину, за вашим домом следили.

– Негодяи! – Василий сжал кулаки.

– Мы что-нибудь придумаем! – горячо сказала Вилен. – Может, вам пойти в милицию и дать их адрес?

– Они не будут ничего делать. Скажут, что Нина ушла к нему по доброй воле. Что-нибудь вроде, что ты хочешь, парень, он богатый человек, у него дворец, а у тебя изба на курьих ножках.

Вилен улыбнулась.

– У тебя очень уютный дом.

– Уютным он будет только, когда Нина вернется. Без нее так одиноко. Как представляю, что этот негодяй может с ней сделать... – он сжал кулаки, и его красивое лицо исказилось гневом. – Я, наверно, убью его, когда увижу.

– Успокойся, мы найдем способ выволить ее, – снова повторила Вилен, глядя в окно. – Смотри, кто-то идет, – воскликнула она, увидев какую-то девушку, идущую по тропинке.

Василий вскочил и выглянул в окно.

– Это Нинина подруга. Вот черт ее принес?! – выругался он. – Понятия не имею, что ей сказать.

– Может, мне лучше уйти в другую комнату? – спросила Вилен. – Вдруг она подумает что-нибудь нехорошее?

– Разве это может иметь какое-то значение сейчас, – раздраженно заметил Василий, и Вилен поняла, что он сильно нервничает.

Девушка сжалась в комок в уголке кресла, страстно желая стать незаметной. Ей не хотелось никого видеть, и она совершенно не знала, как долго продлится это состояние.

Настя вошла в гостиную уверенной походкой красивой женщины, знающей себе цену. Снисходительно кивнув Вилен, села в кресло. Короткая с бахромой юбка открывала стройные ноги в ажурных колготках. Вилен смотрела на нее во все глаза. Ей давно не приходилось видеть такой вызывающей красоты. Эта девушка старалась подчеркнуть свою сексуальность.

– Ты прекрасно выглядишь! – не удержался от комплимента Василий.

Глаза Вилен радостно вспыхнули.

– Спасибо Нине. Я словно переродилась в ту ночь. Уверена, она может заработать состояние на одном проведении подобного обряда. Многие женщины платили бы бешеные деньги за то, чтобы чувствовать себя так же, как я.

– Как твоя личная жизнь? – поинтересовался Василий, подсознательно желая отсрочить неприятный разговор об исчезновении Нины.

– Мой дорогой, наконец, сделал мне предложение.

– Поздравляю. Значит, тебе все-таки удалось охмурить его? – Василий чуть-чуть улыбнулся.

– Да, он делал мне предложение целых три раза, прежде чем я согласилась. Такие девушки, как я не должны сдаваться сразу. Вот, подарил мне кольцо, – она гордо вытянула руку с длинными ухоженными ногтями. – Конечно, это совсем маленький бриллиант, но я уверена, что у меня все впереди.

Василий смотрел во все глаза на гостью. Это определенно была не та Настя, которую он знал со школы. Та была смешной девчонкой в неизменных джинсах, на которую парни обращали мало внимания. Мимо этой новой Насти трудно было пройти мимо, и он, как мужчина это совершенно явно ощущал.

– Что ты на меня так смотришь? – удивилась Настя. – А где Нина?

Василий опустил голову.

– Это... длинная история.

– Я никуда не тороплюсь. Скажи, где моя подруга? Я не могу ей дозвониться. И кто это, в конце концов? – она бросила взгляд в сторону Вилен.

Василий почувствовал прилив уже знакомой злости. Его глаза злобно сверкнули.

– Подруга, говоришь? А давно ли она стала твоей подругой? Кажется, ты тоже обвиняла ее во всех бедах, свалившихся на деревню? Тогда ты быстро забыла о своей дружбе? А ведь ей в то время очень пригодилась бы твоя поддержка. А теперь, когда она помогла тебе почувствовать себя женщиной, она снова стала тебе подругой? Может, тебе опять что-нибудь нужно?

Настя смутилась, но через мгновение снова вздернула нос.

– Да какое право ты имеешь меня обвинять?! Привел девушку, сидишь с ней в гостиной. Вижу, что она хорошенькая.

Услышав комплимент, Вилен почувствовала, что ее щеки вспыхнули. Неужели эта красавица считает ее на самом деле хорошенькой?

– Прекрати. Эта девушка не имеет отношения к тому, о чем ты подумала. Нина пропала.

– Тебе придется мне все рассказать, – потребовала Настя.

– Зачем?

– Я хочу помочь. Поверь мне, я сожалею о том, что однажды сделала. Сейчас ты можешь быть уверен, я сделаю все, чтобы спасти Нину. К тому же у меня есть необходимые связи. Мой будущий тесть работает на Петровке. Если надо – мы можем обратиться к нему.

Василий быстро прикидывал: если они обратятся через знакомых, возможно к делу отнесутся иначе. К тому же в глазах Насти светилось искреннее желание помочь. А вдруг, она и есть тот человек, который им нужен.

– Ты не возражаешь, если я расскажу Насте о том, что мы знаем? – он посмотрел на Вилен, и та еле заметно кивнула. Конечно, не хотелось, чтобы эта красивая и уверенная в себе девушка узнала ее историю. Но, похоже, без этого не обойтись. Вилен вздохнула и встала со своего места.

– Пойду прилягу. Что-то голова разболелась.

– Да, конечно, – сразу согласился Василий, почувствовав облегчение из-за того, что ему не придется говорить в ее присутствии.

ГЛАВА 61

Нина пришла в себя после обморока в той же самой комнате, в которую ее поселили с Иоанном. Сразу подумала о сыне. Где он? Кто за ним ухаживает? Приподнялась на локте и огляделась. Кроватки с малышом в спальне не было. Значит, его забрали. Уронила голову на подушку. Последнее, что вспоминалось, жар горящего факела в руке расширенные от застывшего страха глаза Марены. Марена?! Мария?! Разные имена, но одна и та же душа и снова такая же ужасная смерть. Нина закрыла глаза. Вряд ли Иван отменил казнь. Теперь Нина на собственном опыте убедилась, на что способен правитель Огненного братства. Не может быть, чтобы они с Мареной встречались раньше. Но тогда она была

уверена, что все это уже было. Неужели она сходит с ума? Может, и нет никаких прошлых жизней. Все ей привиделось.

Вдруг Нина совершенно явно почувствовала запах дыма.

«Ты умеешь возвращаться в прошлое».

«Ты снова здесь? Почему не идешь туда, куда собирался?»

«У меня еще есть время».

«Марена погибла?»

«Ты же знаешь, что душу нельзя убить».

Нина нахмурилась.

«Ну да. Но почему ты обвинял себя в смерти сестры? Тела сестры, если уж быть точной», исправилась она.

«Когда беременность стала заметной, люди начали издеваться над Марией. Нам пришлось уйти в лес. Там был маленький заброшенный домик, о котором знал только я. Мария привела его в порядок, и мы решили пережить зиму и дожидаться рождения ребенка, чтобы весной навсегда уйти из родных мест. Что произошло дальше, ты знаешь.

«Но я хочу знать, что чувствовал ты».

«Уединенный образ жизни сводил меня с ума, а мысль о том, что я стану отцом ребенка родной сестры повергала в отчаяние. Мне снились кошмары. Желание увидеть тебя пересилило страх, и как-то вечером я подошел к твоему дому. Я был совсем близко, ты стояла под деревом и плакала. Сквозь рыдания я разобрал свое имя. Вернувшись, я сказал Марии, что возвращаюсь в деревню. Она пыталась меня удержать, но я был непреклонен. Конечно, она отправилась со мной. Нас схватили, как только мы появились. Несколько дней мы просидели в сарае на хлебе и воде. Все эти дни она обвиняла меня, что я погубил нас всех. А потом нас выволокли на улицу. Марену – ее живот уже стал огромным – привязали к столбу, чтобы подвергнуть сожжению. Меня привязали напротив. Только тогда я, наконец, понял, что совершил. До этих пор я надеялся на милосердие. Но ты первой схватила факел и подожгла солому. Горе, которое выпало на твою долю, изменило ту добрую девушку, которую я знал. Когда огонь начал пожирать мою плоть, и я на своей шкуре, почувствовал какие муки испытывала Мария. Тогда-то я поклялся, что отомщу».

Нина зарылась в подушку. Перед глазами замелькали картинки. Она застонала. Реальность происходящего сотни лет назад не оставляла никаких сомнений. Неужели она могла быть такой жестокой? И ведь надо же было, чтобы сейчас все повторилось. И ведь она сделала бы это, если бы не потеряла сознание. Сделала бы ради сына. Да и ради себя тоже. За те несколько шагов, которые она прошла до Марены, она даже успела оправдать себя, что подожжет она костер или нет, ничего не изменит. Это сделает любой из купальцев. Ох, как же все это гадко. Она подняла голову и посмотрела перед собой.

«Понимаю, что это звучит глупо, но я раскаиваюсь в том, что сделала тогда. И за эти несколько шагов вчера тоже».

Ответа не было, и Нина поняла, что осталась одна. И прощать ее некому. С этим придется жить.

ГЛАВА 62

Пока Василий рассказывал, как похитили Нину, Настя не сводила с него глаз и не перебивала. Закончив, он облокотился на стол локтями, и подперев голову и прикрыв глаза. Второй раз ему пришлось поведать правду и сейчас еще больше ощущал свою вину за то, что не уберег, не нашел способа, чтобы спасти любимую.

– Я пойду в эту секту и вытащу Нину, – заявила Настя.

Василий выпрямился и уставился на девушку.

– Ты даже не представляешь, что это такое. Они используют контроль над сознанием, и ты можешь не заметить, как окажешься в числе членов, свято верящих в свою исключительную миссию на земле. Так это произошло с Вилен и многими другими.

– Ничего со мной не случится, – вздернула подбородок Настя. – У меня есть голова на плечах. – К тому же я единственная, кого этот самоназванный божок не знает в лицо. Я, конечно, могла бы посоветоваться с тестем, но боюсь, он не воспримет эту историю всерьез.

– Ты не сможешь попасть туда просто так. Территория тщательно охраняется.

– Я приду к ним, как будущий член их группы. Надо спросить у Вилен, где занимаются вербовкой. Сделаю вид, что заинтересовалась их обществом. Они пригласят меня на какой-нибудь семинар и дело в шляпе.

– Нет, – замотал головой Василий. – Твоя идея никуда не годится. Это опасно, а у тебя скоро свадьба и... Обдумай все хорошенько. Может, все-таки попробовать поговорить с будущим тестем.

– Нет, сначала надо добыть доказательства. Когда мы убедимся, что Нину действительно держат там, пойдем к Вадиму Игоревичу.

– Тебя не выпустят и за ворота. Пройдут недели, прежде чем ты передашь нам информацию. У тебя отберут мобильный и нормальную одежду. – Василий вздохнул: – И никто не знает, через что тебе придется пройти, прежде чем мы сможем тебе помочь. Нину, вообще, держат отдельно.

– Я найду ее. Вилен же говорила, что ее выпускают погулять с ребенком. Кстати, поздравляю тебя. Ты стал отцом.

– Ты издеваешься надо мной?! Иногда мне даже кажется, что я ненавижу этого ребенка, из-за которого все это произошло. Вдруг, он и на самом деле... Ну, с ним не все в порядке.

– Перестань, – Настя положила руку ему на плечо и слегка встряхнула. – Я не верю во всю эту галиматью с днями рождениями и числами. Все будет хорошо. Видела бы тебя сейчас, Нина. Ты бы хоть побрился, что ли. Приведи себя в порядок и не сходи с ума. Я тебя не узнаю. Ты же никогда ничего не боялся. Что на тебя нашло? Раскладываешь имена по числам, веришь в легенды.

– Если бы ты знала все, что знаю я, – Василий беспомощно развел руками. – К тому же еще совсем недавно, ты собиралась попросить Улиту вернуть жениха?

– Да, ну и что из этого?

– А теперь ты упрекаешь меня в том, что я верю в то, что тебе рассказал. Пойми, все это на самом деле существует. Иначе, как Нина смогла превратить тебя в такую уверенную и красивую женщину? Она использовала один очень

древний обряд, который над ней провела колдунья, в прошлой... – Василий опомнился, заметив расширенные от удивления глаза Насти. – Впрочем, это сейчас не важно. Главное, что ты счастлива.

– Хорошо, но мы еще вернемся к этой теме. Все это ужасно интересно. Вы должны мне рассказать, что вам удалось узнать. Все, что касается оккультного мира, давно интересует меня.

– Забудь об этом! – неожиданно резко сказал Василий. – Живи обычной жизнью, выходи замуж, рожай детей, делай карьеру, наконец. Нам с Ниной пришлось столкнуться с этим не по своей воле, и я многое бы отдал, чтобы ничего не знать.

Настя заметила, как напряглось и стало суровым его лицо, как задержался уголок четко очерченного рта. Очевидно, что ей не рассказали и половины всего, что с ними произошло. Но всему свое время. Она обязательно выпытает это у Нины. Позже.

– Ладно, будем считать, что убедил. Позови Вилен, узнаем, как можно стать членом, – она скривила губы в усмешке, – Огненного братства.

ГЛАВА 63

Нина проснулась. Разлепив тяжелые со сна веки, она снова зажмурилась. На стуле, рядом с кроватью сидел Иван и пристально смотрел на нее. Молодая женщина натянула одеяло до подбородка. Зачем он здесь?

– Я ждал, пока ты проснешься. – Как ты себя чувствуешь?

– Не знаю.

Страшная действительность вновь накатывалась на нее. Марена, привязанная к столбу, и она с горящим факелом в руке. А потом этот странный сон, в котором она беседовала с Иваном.

– Ты скоро поправишься, – голос Сатанова звучал непривычно ласково и тихо. – Это был самый обычный обморок. Не знал, что ты такая слабенькая.

– Что с Мареной?

– Не думай сейчас об этом.

– Я хочу знать. Ты исполнил свой приговор?

– Я не мог иначе.

– Ты – убийца! Если я когда-нибудь выберусь отсюда, сделаю все, чтобы тебя уперли за решетку.

– Ты слишком упряма, чтобы понять, что тебя никто не найдет.

Нина вздохнула. Она и сама иногда в отчаянии так думала. Почему Василий не ищет ее? Почему не заявит в милицию о ее исчезновении?

– Где мой сын?

– В надежном месте. В том состоянии, в котором ты была, вряд ли ты могла кормить его своим молоком.

– Верни мне сына.

– Нет! – в его голосе зазвучали стальные нотки. – В этом больше нет надобности. У тебя пропало молоко.

– Откуда ты знаешь? – возмутилась Нина.

– Это очевидно. Ты болеешь уже неделю. Мы были вынуждены вводить тебе искусственное питание.

– Уж лучше бы я умерла, – спокойно произнесла она.

– Я не мог тебе этого позволить. Ты нужна мне. Постарайся принять, у тебя нет другого выхода. – Сатанов встал. – Только после того, как ты станешь моей, я позволю тебе увидеть сына. Только после этого. Но сначала ты должна поправиться и вновь обрести свою прежнюю привлекательность. В таком виде ты меня не возбуждаешь. Так что не отказывайся от еды.

Он вышел, а в спальне появилась девушка в сером платке и черной длинной юбке с подносом в руках. Поставив еду на тумбочку и, бросив безразличный взгляд на Нину, она открыла окно для проветривания. После чего вышла, заперев за собой дверь. Нина поняла, что ее жизнь изменилась. Она снова стала пленницей, и у нее отняли сына. Она заставила себя сесть на постели и взять тарелку. Ей нужно поправиться, чтобы вернуть Иоанна.

Попасть в секту оказалось нетрудно. Одна из купальских женщин занималась вербовкой у метро «Кузьминки» недалеко от Макдональдса. Вилен и Настя в сопровождении Василия подъехали туда. Вилен волновалась, но когда посмотрелась в зеркало, поняла, что ребята правы, узнать ее в таком виде невозможно. Одежду подобрали в Нинином гардеробе. Девушки были похожей комплекции и почти одного роста. Вилен, привыкшей к балахонам за время служения Сатанову, показалось, что выглядит она очень вызывающе. Увидев новую знакомую, Настя воскликнула:

– Слушай, а ты очень даже ничего. Одеть, причесать и будешь красавица. На, держи! – она протянула ей свою черную кепку со стразами и темные очки.

– На улице нет солнца, – заметила Вилен.

– Не имеет значения, некоторые их носят, вообще, в метро. Вдруг у тебя глаза отекли или муж фингал поставил из ревности. – Вилен послушно натянула кепку, убрав под нее волосы. В довершении образа Настя накрасила ее губы красной помадой.

И все же Вилен тряслась от страха. На ее счастье вербовщица была занята обработкой парня с рыжими волосами и не смотрела по сторонам. Увидев знакомое лицо, Вилен спряталась за спину Василия.

– Это она? – тихо спросила Настя.

– Да, – едва выдохнула бывшая сектантка.

– Ну, все, уходите!

Настя вытащила из пачки сигарету и прикурила. Она прогуливалась неподалеку от беседующих и посматривала на часы, словно кого-то ждала. Потеряв надежду окутить парня, женщина направилась к Насте и пригласила на семинар по улучшению жизни. Через некоторое время они уже ехали в Конобеевку. Только по прошествии времени Настя поняла, насколько прав оказался Василий, предупреждающий о трудностях. За тем семинаром, последовала лекция, потом снова семинар. Ей объяснили, что нужно пройти несколько курсов, чтобы понять, чем они занимаются. Раньше ее не выпускают, они в ней заинтересованы. Настя чувствовала себя больной от бесконечных и тупых занятий, плохого питания и недостатка сна и самое главное – она по-прежнему не встретила с Ниной. Настя, обладавшая живым и веселым

характером, никак не могла понять, что заставляет купальцев работать на Огненное братство. За время общения она убедилась в одном: все они чувствовали себя избранными и гордились своими занятиями. Даже если это было мытье полов. В последний день занятий Настя, наконец, увидела их предводителя. Сатанов произнес перед новенькими речь, что каждый из них стоит на пороге важного выбора, и только от его решения зависит спасение общества. Настя во все глаза смотрела на него, изо всех сил, стараясь не поддаться его власти. Оглядела окружающих ее новичков: их лица были светлы и праздничны. Для того чтобы остаться, следовало принять присягу верности Огненному обществу и лично Ивану. Настя представила, как она подходит к нему, встает на колени... Сумасшедший дом. Кажется, все здесь лишились мозгов. Она одернула себя. Никто кроме нее не знает, что где-то здесь этот «великий» человек насильно держит Нину и ее ребенка, преследуя свои цели. Воспользовавшись пятиминутным перерывом, Настя повернулась к сидевшему рядом с ней молодому человеку, который считался ее наставником, и тихо спросила:

– Скажите, а у вашего предводителя есть жена?

Он хитро улыбнулся.

– Если вы решили остаться, я поделюсь с вами одним секретом.

Насте пришлось кивнуть.

Он горячо пожал ей руку. Конечно, он не мог разглашать эту информацию, но его личные статистики за неделю по набору персонала были очень плохими. А это означало, что следующую неделю придется провести за мытьем полов. Вся его надежда была на Настю. И ему хотелось еще больше заинтересовать.

– Здорово! – на его лице появилась та самая приклеенная улыбка, которая так раздражала Настю. – Вы сделали правильный выбор. Так что, если вы уже одна из нас, я скажу вам, что сегодня будет большой праздник по случаю его бракосочетания.

«Если будет праздник, я смогу увидеть Нину, – кольнуло у нее в мозгу. – А это означает, что я просто обязана остаться».

– И кто же его невеста?

– Та самая женщина, которая родила Ивана. Мы называем ее великой матерью.

Настя почувствовала, что у нее вспыхнули щеки. Сатанов собирается жениться на Нине. Что можно сделать, чтобы предотвратить это? Попробовать вырваться и предупредить Василия или все-таки остаться и попытаться поговорить с подругой. Она сжала кулаки так, что острые ногти впились в кожу:

– Почему же она, как вы сказали, великая мать?

– По всем законам, посылаемым нам сверху, именно ее сыну уготована важная роль верховного правителя Огненного братства, которое завоюет весь мир. Только у него есть ключ, чтобы открыть запертую дверь.

Настя посмотрела на молодого человека. Выглядел он обычно, рубашка в полоску, галстук, брюки с пиджаком из недорогого материала. Она видела сотни таких в университете. Кто же так умудрился запудрить ему мозги, что он верит во всю эту чушь? Огненное братство завоюет мир! Это же надо такое придумать. Да у этого Ивана просто мания величия, не хуже чем у Гитлера. Какие-то небесные законы. И все это происходит с ее лучшей подругой и ее сыном. Она обязана

остаться и разобраться во всем. Девушка придвинулась к наставнику, сократив положенную дистанцию до минимума.

– Скажите, а после праздника я смогу съездить домой и попрощаться с родителями?

– Нет. После того, как ты присягнешь на верность Огненному братству, твоя семья будет здесь.

На лице Насти появилось возмущение, которое не укрылось от бдительного сектанта. «Нас учили, что настоящий член общества должен уметь развеивать сомнения сразу», – вспомнил он фразу из учебника.

– Возможно, для тебя сделают исключение, – быстро соврал он, не испытывая угрызений совести. Его дело – привести эту девушку в общество, а там пусть сами с ней разбираются.

ГЛАВА 64

Василий крутил в руках тетрадный листочек в клеточку, где Настя записала телефон будущего тестя, Ковалева Вадима Игоревича. Договорились, что он не будет звонить в течение недели. Прошло пять дней, но Василий чувствовал, что над Ниной нависла беда. Со слов Вилен он знал, что сегодня Настя должна закончить программу для новичков, занимающую пять дней. Вряд ли за это время она могла встретиться с Ниной и успеть что-то предпринять, но нехорошие предчувствия побуждали к действию. Решившись, Василий набрал номер и долго слушал длинные гудки. Уже собрался дать отбой, как услышал энергичный мужской голос:

– Слушаю.

Путаясь в словах, Василий начал объяснять ситуацию.

– Подожди, подожди, – в голосе Вадима Игоревича послышалось недоверие. – Насколько я знаю, Настя уехала в командировку. Через пару дней должна вернуться.

– Настя наврала. Она... мы... Это было ее желание, – Василий так боялся, что Вадим Игоревич повесит трубку, что начал говорить еще более сбивчиво. – В общем, она сейчас в секте. Они похитили мою жену. Настя решила помочь. Моя жена – Настина подруга. Поймите, они попали в беду. Нам нужна ваша помощь.

Отчаяние в голосе звонившего убедило Вадима Игоревича в том, что приятный ужин в компании жены, телевизора и стаканчика виски придется отложить. Он доверял своей интуиции и чувствовал, что собеседник не врет. К тому же Настя была бедовой девчонкой, про которую говорят, что она так и нарывается на неприятности. Конечно, он бы предпочел, чтобы его сын выбрал бы себе жену поспокойнее. Ну да сердцу не прикажешь.

– Значит так, молодой человек, приезжайте ко мне, а я пока вызову машину. Записывайте адрес. Живу я в Малаховке.

– Это рядом, – обрадовался Василий. – Я буду у вас через полчаса.

Когда Василий заговорил о секте, в памяти Вадима Игоревича всплыло уже подзабытое дело о Сатанове. Неужели он объявился и снова принялся за свое? Ковалев уже подозревал что-то в этом роде, только у него не было доказательств. Последние полгода в сводках опять стали говорить об участившихся пожарах и

похищении детей. Вадим Игоревич быстро вышел из кабинета, чтобы переодеться.

Меньше чем через полчаса Василий уже стоял перед воротами двухэтажного кирпичного дома. Дверь открыл сам Вадим Игоревич. Его рукопожатие было крепким, а взгляд карих глаз собранным.

– Через десять минут подъедут ребята. Ты хорошо помнишь дорогу?

Прибыли на место через полтора часа. Вадим Игоревич не хотел брать Василия с собой, но оставить его в машине было невозможно, к тому же он мог оказаться полезным. В охранной будке дежурил всего один молодой человек. Все остальные были на празднике. Увидев удостоверение, он не рискнул их задержать, так же как и не смог предупредить начальника охраны, забывшего мобильный на столе. Группа, состоящая из шести человек, не встретив никого на своем пути, легко пробралась к месту действия, ориентируясь на людские голоса.

Стемнело. На огромной поляне, окруженной соснами и елями, толпился народ. Ребятам Вадима Игоревича удалось пробраться к самому краю. На невысоком деревянном помосте стояли молодая девушка и мужчина в золотистых нарядах. Человек в черной длинной одежде, напоминавшей рясу, напротив них, судя по его заунывному голосу, проводил какой-то обряд. Увидев Нину, Василий рванулся вперед, но крепкая рука Вадима Игоревича удержала его на месте.

– Не двигайся. Это твоя жена?!

– Да, это Нина. – Он дернул плечом. – Отпустите же меня.

– Не делай глупостей, сынок, – услышал он его горячий шепот. – Предоставь нам действовать. У них может быть оружие. – Мы спасем ее.

Лишь осознание, что он может помешать спасению любимой, удерживало Василия на месте. За это время по сигналу Вадима Игоревича его люди незаметно окружили собравшихся. Василий чувствовал, как боль и ненависть рвутся наружу. Однажды его любимая уже пыталась выйти замуж за другого. Откуда ему знать, имеет обряд силу или нет? Василий нетерпеливо огляделся вокруг. Ему показалось, что ничего не происходит. «Эти люди слишком медлят», – подумал он и снова взглянул на Нину.

Воспользовавшись тем, что Вадим Игоревич отвлекся, он подобрался почти к самому возвышению, и это дало ему возможность услышать последние слова:

– Объявляю вас мужем и женой!

С криком «Нет!» Василий вскочил на постамент. Толпа забурилась, Иван заметил приближающегося молодого человека с цыганской внешностью и сразу понял, что это Василий. Как вспышка молнии вспыхнула в памяти Сатанова картина из прошлой жизни.

Она никогда не любила его. Она любила только своего Ивана, несмотря на то, что он связался со своей сестрой. Он не смог вынести ее презрения, совсем помешался от ревности и любви. Сатанов перехватил Нинин взгляд, брошенный на Василия. Он снова проиграл. Опустил руку в карман брюк, где лежал пистолет. В последний момент Василий успел закрыть Нину своим телом. Горячая боль разорвала грудь. Падая, он успел заметить, как один из группы обезоружил Нининого мучителя и повалил на землю.

Василий закрыл глаза. Он спас ее. Она будет жить и воспитывать их сына, сына, которого он так и не увидел. Боль стала сильнее, обрывая сожаления и унося в пучину бессознательности. Он еще раз приподнял тяжелые веки, чтобы

посмотреть на склонившуюся над ним Нину, которая расстегивала ему рубашку. Крест, принадлежащий ее отцу, который она потеряла, был весь в крови. Их взгляды встретились, Василий попытался улыбнуться, но не смог. Нина упала ему на грудь и зарыдала. Она сопротивлялась, когда ее пытались оттащить от его тела, все время бормоча одну и ту же фразу, что каждый должен носить свой крест.

ГЛАВА 65

– Нина, ты должна собраться. Пожалуйста, посмотри на своего сына. Возьми его на руки. Ты должна жить ради него.

Нина равнодушно перевела взгляд со стены на свою подругу, протягивающую ей маленького Иоанна.

– Нет, я не могу. Он слишком напоминает мне о прошлом, – она отвернулась.

Настя протянула Иоанна стоявшей рядом Вилен и присела на край кровати. Обе девушки почти неотлучно дежурили в доме. После похорон Василия Нина так тяжело заболела, что врачи думали, что не смогут ее спасти. Но как-то вечером жар спал, и молодая женщина быстро пошла на поправку.

– Нина, послушай меня. Я знаю, что ты чувствуешь, но... – Настя остановилась. Она иногда напоминала себе заезженную пластинку. Каждый день говорила одно и то же, убеждая подругу начать все сначала, но Нина молча качала головой и отворачивалась, давая понять, что разговор окончен. Сейчас, глядя подруге в затылок, Настя почувствовала, что закричит или ударит ее. Терпение кончилось. Невозможно находиться рядом с женщиной, которая ничего не хочет. Настя вышла на крыльцо и вдохнула свежего морозного воздуха. Некоторое время она, обхватив себя руками, любовалась искрящимся под солнечными лучами белым снегом и голубым небом. Поймала себя на мысли, что осуждает Нину. Да, с ней произошло несчастье, но надо попытаться начать жизнь заново. Если не ради себя, то ради сына. Появившийся Алексей прервал ее размышления. За время болезни он часто приносил им продукты. Священник поздоровался с Настей и спросил о Нине.

– Все так же, – махнула рукой девушка. – Не знаю, что с ней делать. Может, оставить ее в покое? Пусть делает что хочет! Только вот, что будет с Иоанном?

– Я поговорю с ней, а ты иди домой. Наверно, у тебя полно дел. С малышом Вилен справится.

– Мне неудобно оставлять ее одну. Нина – моя подруга, – сказала Настя с некоторой досадой. То, что она вынуждена проводить здесь столько времени начало тяготить ее, но признаться в этом Алексею не хотелось.

– Вилен это только на пользу. Чем больше она помогает Нине, тем меньше у нее остается времени грустить.

– Тогда я пойду, – вернувшись на веранду, Настя сняла с вешалки куртку. – Я, правда, не знаю, что с ними делать. Нина молчит. Вилен молчит. С ума можно сойти.

Они попрощались, и Алексей поднялся на второй этаж. Вилен с книгой в руках подняла голову. Поздоровавшись, осведомился, как ведет себя малыш.

– Сегодня меньше капризничает. И ночью хорошо спал.

– А как ты сама?

– Понемногу прихожу в себя. Конечно, помогает, что я все время занята.

– Ну и славно.

– Да, в общем-то, все неплохо, только Нина... – Вилен подняла на него большие карие глаза. – Она бредит во сне, зовет Василия. Ест очень мало, по-прежнему не хочет видеть своего ребенка. Считает, что он виноват в смерти Василия. Может, это из-за того, что она поверила, что Иоанн... не совсем обычный ребенок. Он должен стать правителем Огненного братства. Хотя теперь мне кажется, что это все придумали. Ведь так?

Алексей подумал, что сам бы хотел в это верить, но последнее время все изменилось. И он не мог ни с кем поделиться. Все началось с того, что однажды, когда Иоанн заплакал, а Вилен была занята, священник решил взять малыша на руки, чтобы успокоить. В тот момент, когда он наклонился над кроваткой, крест, надетый поверх рясы, коснулся ручки малыша. Иоанн дико закричал, словно обжегся. Священник подумал, что ребенок испугался его черного одеяния и поспешно отошел. Появившаяся Вилен, ласково приговаривая, взяла Иоанна на руки. Алексей заметил, что на детской ладошке осталась красная, словно от ожога, полоса. След не проходил весь вечер. На следующий день Алексей принес святой воды. Когда малыш спал, он подошел к нему и окропил его. Соприкоснувшись с кожей, вода зашипела, словно на сковородке, образуя маленькие красные пятнышки. Ребенок проснулся и закричал. В тот вечер, вернувшись в церковь, Алексей опустился на колени для молитвы. В церкви он остался один. Никогда раньше у него не было видений, а сейчас, окутанный золотым сиянием с мечом в руке перед ним стоял архангел Михаил.

Алексей поднял глаза на ждущую ответа Вилен. На его счастье, в соседней комнате заплакал ребенок, и девушка убежала. Алексей поднялся и постучал в спальню Нины.

– Здравствуй, Нина.

– Здравствуйте, – молодая женщина приподняла голову. При виде священника на ее лице появилась досада. – Зачем вы пришли? Снова говорить одно и то же? Я сама знаю, что надо, но не могу. – На ресницах заблестели слезы. Он с болью смотрел на ее похудевшее лицо, заострившийся нос, синяки под глазами, понимая, что она почти не спит.

– Я понимаю, тебе тяжело, но вдвоем легче это преодолеть, – неожиданно сказал он. – Конечно, прошло еще слишком мало времени, чтобы говорить об этом. Но я пришел просить тебя: выйти за меня замуж.

Думая, что ослышалась, Нина приподнялась на локте:

– Замуж?! Но ты же священник, – от удивления она перешла на «ты».

– Я сложу с себя сан, и мы будем жить в миру. Богу можно служить и на земле.

Только сейчас Нина заметила, что Алексей в обычной, хотя и черной одежде. Она вдруг вспомнила, что Василий говорил, что священник в нее влюблен, а она тогда посмеялась над ним.

Алексей взял ее руку и опустился на колени. Он никогда не стоял на коленях перед женщиной. И вот сейчас он здесь, на коленях перед женщиной, единственной и любимой. Нина испуганно вырвала руку.

– Не надо. Прошу тебя, встань. Ты пожалеешь. Твоя жизнь другая. Я не для тебя.

– Но почему? Я ничего не буду требовать, мы будем жить, как брат с сестрой. Я просто хочу помочь тебе. У тебя же никого нет. Я уже решил уйти из церкви.

– Это твой выбор. Ты можешь любить женщину, но только не меня.

– Я полюбил тебя с первой минуты, как увидел. Я запрещал себе думать о тебе, гнал мысли из головы, но ты приходила во сне, и я гладил твои волосы. Тогда я думал, что дьявол искушает меня и начинал молиться. Сейчас, когда ты осталась одна, я понял, что мы должны быть вместе.

– Значит, Василий оказался прав, – медленно сказала Нина. – Он заметил, что ты влюблен в меня, когда ты сам об этом не догадывался. Но ты не знаешь меня. Не знаешь, почему ты полюбил меня. А я могу тебе это легко объяснить.

– Почему?

– Когда-то старушка–колдунья произвела надо мной заклятие на любовь. Хочешь, я скажу тебе какие там слова?

– Это не важно.

– А еще мы с Василием использовали хрустальный шар и узнали свое прошлое. Оказывается, Улита украла его и...

– Я знаю об этом.

– Откуда? – поразились Нина.

– Василий рассказал мне. Когда тебя похитили, мы стали разбираться в этой истории, и он выложил мне все, чем вы занимались.

– Ну и что ты скажешь?

– Вы не ведали, что творили. Неужели ты думаешь, что сможешь запугать меня, и я передумаю?

– Но что мы будем делать? – Нина произнесла «мы», и поймала себя на мысли, что уже дала согласие. Она почувствовала укор совести. Как же так? Кажется, еще только что она лежала и оплакивала Василия.

– Я не настаиваю на том, чтобы мы вступали в какие-то формальные отношения. Я просто хочу увезти вас из этого дома.

– Но куда же мы поедem? У меня нет дома и нет денег, и я... – не договорив, она закрыла лицо руками и расплакалась.

Алексей нежно коснулся ее волос и погладил. Раньше он делал это только во сне. В том сне, который он считал греховным.

– Я прошу, чтобы ты позволила мне помочь.

– Не нужно было давать клятву, что буду с Василием, – продолжала она сквозь слезы, не обращая внимания на его слова. – После этого начались все беды. А теперь мне кажется, что я никогда не вырвусь из замкнутого круга.

– Мы вместе сделаем это.

Вместе? Нине вспомнились слова Купало: «Человек, который может спасти Иоанна, уже близко. Ты должна отдать его ему». Как же она раньше не поняла. Если кто и может спасти ее сына, так это будет Алексей. Даже, уйдя из церкви, он не перестанет быть священником. Алексей с его молитвами, с его праведностью и постами сможет защитить их, хотя бы потому что, став его женой, она будет вынуждена выбросить из головы весь этот вздор. Если бы Василий остался в живых, они сошли бы с ума, перепутав реальный мир с прошлым. Скатывались

бы все глубже и глубже, пока не оказались в сумасшедшем доме, как это случилось с Николаем. Но Василий погиб и теперь нужно спасти Иоанна. Ее депрессия была связана с тем, что она не знала, что ей делать и начала бояться собственного ребенка. Она устала бороться с видениями Николая и со странностями Василия. Устала жить на грани между колдовством и разбираться в потусторонних жизнях.

Почувствовав неожиданный прилив сил, Нина села на постели. Ее рука потянулась к его руке.

– Знаешь, я должна тебе еще кое-что сказать. Это ужасно, что я так думаю, но я боюсь собственного сына. Боюсь, что он окажется тем, кем ему предрекали быть. – Алексей взял ее холодные руки и крепко сжал. Он помнил красные пятнышки, до сих пор оставшиеся на коже Иоанна, которые Вилен называла аллергией.

– Мы справимся с этим вместе, – уверенно сказал Алексей, опуская глаза, чтобы она не увидела в них неуверенности. Он тоже боялся Иоанна и прежде всего ему нужно победить этот страх.

«Это он», – подумала Нина, закрывая глаза.

ГЛАВА 66

Перед уходом Алексей заглянул к Вилен, забившейся в уголке дивана с большой книгой. Присел рядом.

– Что ты читаешь?

Вилен молча перевернула обложку.

– «История России». Серьезная книга. Тебе интересно?

Девушка заложила страницу и вздохнула.

– Чувствую себя полной тупицей. Мое внимание постоянно рассеивается. Уже через несколько строк понимаю, что не улавливаю смысла. А ведь раньше могла прочитать подобную книгу за три дня. Неужели я так поглупела?

– Твой мозг разучился воспринимать информацию.

– Я подумала, что мне нужно получить какое-нибудь образование. Но такими темпами...

– Тренируйся. Я слышал от людей, побывавших в местах, подобных Огненному братству, что это обычное явление. Находясь в секте, ты выполняла лишь механическую работу и ничего не читала. Поверь мне, у тебя все получится.

– Ладно, буду стараться. – Ты удивительно умеешь внушать людям веру в себя. Ты настоящий священник.

Алексей почувствовал смущение. На какой-то момент, захотелось сменить тему, но он заставил себя сказать правду.

– На самом деле я уже не священник.

– Как?! – вскрикнула Вилен.

– Послушай меня и постарайся понять, несмотря на то, что я скажу тебе. – Девушка кивнула. – Я собираюсь жениться на Нине и усыновить Иоанна.

Смысл сказанного с трудом доходил до сознания Вилен. Ей казалось, что священник не может так запросто общаться с людьми, он должен быть более строгим, чаще говорить о Боге, наставлять их, грешных, на путь истинный. И все

же ей казалось, что лучше, чем Алексей – язык не поворачивался назвать его батюшкой – трудно и представить. И вот теперь он возвращается в мирскую жизнь. Да еще собирается жениться. И на ком? На Нине. Вилен сжала кулачки. Да что в ней есть такое, что привлекает мужчин? Даже ненавидящий женщин Сатанов и то в нее влюбился. О Василии и говорить нечего. Он ей рассказывал, что ему пришлось перенести, прежде чем он добился ее любви. И вот теперь Алексей оставляет служение богу ради этой женщины. Внезапно Вилен поняла, что должна попытаться остановить его. Это будет чудовищной ошибкой в его жизни.

– Ты не можешь так поступить.

– Я уже сделал ей предложение.

– И она согласилась?

– Не сразу. Но я смог ее убедить. Пойми, сейчас у нее нет никого, кто бы мог ей помочь. Если хочешь, можешь считать это моим долгом.

– Нет, Алексей, – Вилен грустно покачала головой. – Ты просто влюбился в нее, как и все остальные. Ведь ты любишь ее, правда?

– Да, – не стал скрывать Алексей. – Но если бы с Василием не случилось несчастья, все осталось бы по-прежнему.

– Эта женщина, как эстафетная палочка, переходит от мужчины к мужчине, принося им только страдания. Ты никогда не будешь с ней счастлив и пожалеешь о том, что сделал. А ведь я только сегодня хотела попросить тебя взять меня с собой, – вырвалось у нее.

– Взять куда? – удивился Алексей.

– В церковь. Я хотела служить Богу рядом с тобой. Я могла бы мыть полы в храме или делать еще что-нибудь.

– Вилен! Ты хотела служить Богу или быть рядом со мной? Это ... разные вещи.

Страсть, таившаяся в глазах этой девушки, испугала его.

– Вилен, ты...

– Да, я люблю тебя. Люблю! Но я бы никогда не осмелилась выговорить эти слова, если бы ты остался священником. Клянусь, мне хватило бы просто быть рядом с тобой. Зажигать свечи перед иконами, расставлять цветы в храме и молиться.

– Так ты собиралась... – он не договорил, пораженный ужасным открытием. Он никогда не думал, что Вилен может полюбить его, как мужчину. Да он и мужчиной-то себя никогда не считал.

– Да, я собиралась стать монашкой или как там это называется. Хотела служить Богу рядом с тобой.

– Ох, Вилен, что ты такое говоришь?! Ты совершила бы ошибку. Ты не можешь служить Богу рядом с кем-то. Это должно быть потребностью души. Ты понимаешь, о чем я?

Девушка вытерла слезы. Пусть так. В ее жизни никогда не было ничего хорошего, а теперь исчезла и последняя надежда.

– Все в порядке. Ты можешь идти к ней.

– Я иду в церковь, потому что еще не сложил с себя обязанности священника, и если ты еще хочешь служить Богу, то можешь пойти со мной.

– Нет. Ты прав, это было бы ошибкой.

Пока он шел в церковь, думал о Вилен. В ее жизни было и без этого достаточно страданий. Как же так получилось, что она влюбилась в него? Еще одну ночь, а может и несколько, пока не пришлют другого священника, он будет там, а потом посадит Нину и малыша в машину и увезет из Тучково. Навсегда! Новая жизнь! Он вспомнил о родителях. Они будут рады возвращению сына к обычной жизни. Подумают, что Иоанн его ребенок. Ну и пусть. Он не будет их разубеждать.

Утром Нина проснулась от настойчивого крика Иоанна, доносящегося из соседней комнаты. «Сейчас Вилен подойдет к нему», – подумала она привычно. Плач малыша продолжался. Не выдержав, прыгнула с кровати и босиком побежала в соседнюю комнату. Малыш лежал в кроватке, маленький беззубый ротик открыт, личико сморщенное и красное. Нина прижала его к себе. Он оказался мокрым. Она быстро перепеленала его и с ним на руках спустилась на первый этаж, ругая себя за беспечность. Как она могла позволить себе так опуститься, чтобы не ухаживать за своим ребенком? Но все же, где же Вилен? Она заглянула в гостиную и быстро прошла на кухню, одной рукой открывая ящики, а другой прижимая к себе малыша. Где смесь для кормления? Нина поцеловала малыша в лобик.

– Прости меня, я не должна была так распускаться! Я плохая мать! Потерпи немножко.

Положив малыша на диванчик, она нашла в шкафчике банку с сухим молоком и быстро приготовила смесь. Закончив с кормлением, снова зашла в гостиную. Листок бумаги на столе привлек ее внимание. На нем детским почерком Вилен было написано всего одно слово: «Прощай!» Нина подошла к окну. Снег покрыл белым покрывалом весь сад, а на тропинке, ведущей к калитке, виднелись отчетливые одинокие маленькие следы. «Конечно, ей надоело ухаживать за чужим ребенком», – подумала Нина. Но все же было что-то странное в таком поспешном уходе. Можно было и попрощаться. Нина не стала бы ее удерживать. Наверно, что-то случилось. Вилен ушла так быстро, словно не хотела с ней встречаться. Ее мысли вернулись к вчерашнему вечеру, предложению Алексея стать его женой. «Он сказал Вилен, что собирается жениться на мне», – поняла Нина. Но почему она ушла? Она осудила их? Нет! Она не хотела встречаться с ней, потому что считала, что из-за нее Алексей оставил свой пост священника. Скорее всего так. У Вилен не было ни денег, ни друзей, ни работы. Нина растерянно сжимала в руках записку. Может, ей приснилось, что Алексей вчера сделал ей предложение? Она нахмурилась. В ее состоянии все, что угодно могло померещиться. Иоанн заснул у нее на руках, и она положила его в кроватку. В ее комнате царил жуткий беспорядок, она не разрешала Вилен здесь прибираться, потому что не хотела никого видеть.

Нина подошла к зеркалу и увидела очень худую женщину со светлыми спутавшимися волосами, висевшими клоками. Темные круги под глазами, две вертикальные морщинки на лбу, лицо обтянуто желтоватой кожей. «Если Алексей и сделал ей вчера предложение, то это было из жалости», – решила она. Так подбирают на помойке худую, с выпирающими ребрами, грязную кошку и приносят в дом, чтобы вымыть и покормить. Надо привести себя в порядок и обратиться в доме. Сегодня Нина почувствовала неожиданный прилив сил и

желание жить дальше. Убедившись, что Иоанн крепко заснул, она отправилась в душ и долго терлась мочалкой, словно хотела отмыться от всего, что с ней произошло для новой жизни. После душа высушила волосы и достала чистую одежду. Джинсы оказались велики, футболка висела мешком. Надо поесть. На кухне обнаружила кофе, сыр и черствый хлеб. Бутерброд показался вкусным. Она уже заканчивала завтрак, когда услышала звук подъезжающего автомобиля. Нина замерла, глядя, как Алексей пробирается по узкой тропинке между сугробами. На нем был обычный синего цвета пуховик с капюшоном и джинсы. Но больше всего бросилось в глаза отсутствие бороды. «Значит, мне это не приснилось и не показалось», – подумала она, открывая дверь. Их взгляды встретились, оба почувствовали неловкость. Без бороды Алексей выглядел моложе.

– Собирай вещи. Я приехал за вами.

– А как же твоя церковь?

– Я объявил о своем желании уйти. Когда это происходит, никого не удерживают.

– Ты... не пожалеешь потом?

Он покачал головой.

– Сейчас я чувствую себя подобно Вилен, выброшенным из жизни, но это пройдет со временем.

Нина вспомнила о записке.

– Вилен ушла.

– Ушла? – переспросил он.

– Все произошло так, словно она бежала от меня, как от прокаженной. Ты сказал ей, что женишься на мне?

– Да, – глухо ответил Алексей, чувствуя, как бьется сердце. Бедная Вилен. Куда же она отправится? И это все из-за него. Он чувствовал, что не хочет начинать отношения с Ниной с обмана, но боялся сказать правду. Даже не боялся, он до сих пор испытывал неловкость от признания девушки, вновь и вновь пытая себя, как могло так получиться. Из комнаты послышался плач малыша, и Нина убежала. Перед тем, как объявить о своем уходе из церкви Алексей не спал всю ночь. То, что казалось правильным, потеряло смысл в укор, который сочился из добрых глаз епископа. Если бы существовала возможность объяснить свой поступок. На веранду вошла Нина с Иоанном на руках. Сегодня она выглядела замечательно. Как ей шло материнство. Жаль только, что сын пришел на этот свет с особой миссией. И он должен остановить его.

– Тебе помочь собраться?

– Нет, я сама. – Нина ласково посмотрела на малыша с соской. – Попробую положить его снова в кроватку, но боюсь, он будет возражать.

– Дай его мне.

Нина протянула Иоанна Алексею. Сердце у него замерло. Вдруг сейчас он так же закричит? Что, если он, вообще, не будет подпускать его к себе? Но Иоанн молчал, пока Алексей устраивал его поудобнее, глядя на него своими голубыми глазенками. «Он знает, что я больше не священник, – подумал Алексей, усаживаясь на стул, – но не знает, что наша борьба только начинается».

Нина, достав две большие сумки, собирала вещи. Когда-то она даже не могла помыслить об этом, что уедет оттуда, где провела всю жизнь, где была очень счастлива и очень несчастна. Там, где боролась и пыталась победить. Ее борьба

закончилась глубочайшей депрессией, из которой ее вытащил Алексей. И вот они уезжают. Она даже не поинтересовалась куда. Да это и не важно. Главное: подальше отсюда, от злых духов и прежних кошмаров, от колдовства и приворотов. Она попробует жить так же, как Алексей. Есть только эта жизнь и больше ничего. Единственная.

ГЛАВА 66

Теперь они жили в Жуковском. Родители Алексея приняли Нину в семью и считали Иоанна своим внуком. Нина прекрасно понимала причину их хорошего отношения: они были благодарны, что из-за нее он оставил церковь. Она вернула им сына, и теперь, подобно обычным людям, их семья могла встречаться по выходным и праздникам. Алексей стал хорошим мужем и замечательным отцом. Никому из новых знакомых не приходило в голову, что Иоанн не его родной сын, несмотря на то, что мальчик с каждым годом все больше и больше походил на Василия. У Иоанна были такие же черные глаза и темные волнистые волосы. Даже его кратковременные вспышки гнева, когда он разбрасывал вокруг себя игрушки и топтал их ногами, напоминали Нине Василия. Она удивлялась, что Иоанн никогда не поступал так при Алексее. Тот имел на мальчика особое влияние. Нина часто ловила его серьезный взгляд, устремленный на Иоанна. Сначала она думала, что он переживает из-за того, что вынужден воспитывать чужого ребенка и даже спросила об этом. Алексей смутился и сказал, что должен быть рядом с Иоанном. Нина удивленно переспросила, почему «должен». Но Алексей не стал ничего объяснять, лишь особенно ласково обнял ее за плечи. Взгляд его, тем не менее, был прикован к мальчику, игравшему на ковре с машинкой. Нина задумалась. После Огненного братства ей стало казаться, что ее ребенок и на самом деле приемник дьявола, и она отвергла его. Теперь ей было стыдно за свои мысли, но избавиться от страха молодой женщине так и не удалось. Ей казалось, что бывший священник какими-то известными ему одному способами старается увести мальчика от предначертанной ему дороги зла. Он читал ему книги, играл с ним и даже спал в его комнате. Объяснил это тем, что за ним нужно приглядывать. «Алексей тоже боится его», – думала Нина.

Однажды, возвращаясь с Иоанном с прогулки, Нина заметила, что дверь соседней, давно пустующей квартиры, открыта, и из нее выносят мебель. «Наверно, у нас появятся новые соседи», – подумала Нина.

Новые соседи появились на следующей неделе – молодая симпатичная женщина с остреньким мышинным личиком и мальчик с глуповатым выражением лица, которого вывозили на коляске. Как-то, поднимаясь, пешком Нина увидела соседку у окна с сигаретой в руке. Услышав шаги, она обернулась, и Нина увидела ее заплаканное лицо. После этого она просто не могла пройти мимо.

– Извините, я могу вам чем-то помочь?

– Никто на свете не может мне помочь.

Нина мягко сказала:

– В жизни не бывает безвыходных ситуаций. Хотя одно время мне тоже так казалось. Но все прошло.

– Да как вы можете сравнивать?! У вас замечательный муж, здоровый ребенок. Я видела всю вашу семью.

– Но неужели вашему сыну никак нельзя помочь? Может быть, какая-нибудь операция?

Девушка медленно перевела на нее большие карие глаза, в которых застыли слезы.

– Нет. Он никогда не будет таким, как все. И вы знаете, дело даже не в этом. С этим я смирилась уже давно. Но сегодня... – девушка всхлипнула и отвернулась.

– Не плачьте. Пойдемте ко мне, и вы мне все расскажете.

Девушка с сомнением посмотрела на Нину.

– Зачем вам чужие беды? Лучше радуйтесь, что у вас все хорошо.

– Мне не всегда было так хорошо. – Нина твердо посмотрела ей в глаза. – Поверьте, я прошла через настоящий ад. Как вас зовут?

– Светлана.

– Я Нина.

– Пойдемте, – Нина подняла сумку и пола и пошла вперед. У квартиры она взглянула на новую знакомую, нерешительно застывшую поодаль. – Не стесняйтесь. Дома никого нет.

Девушка с откровенным интересом оглядывала чисто убранную и отремонтированную квартирку.

– Как у вас уютно. А мне даже ремонт не на что было сделать, когда я въехала.

– Ничего, это поправимо, – Нина участливо посмотрела на нее. – Большую часть своей жизни я мылась в тазу. У нас с мамой все время не хватало денег, чтобы провести водопровод.

– Неужели такое бывает?! Где же ты жила?

– Не так уж и далеко отсюда. Деревня Тучково.

– Никогда не слышала. Так ты из деревни? – Светлана чуть-чуть приободрилась. Она хотя бы родилась в Москве и жила в нормальной квартире, пока с ней не случилось все это.

– Из самой настоящей, – улыбнулась Нина, вешая ее куртку. – Проходи на кухню. Я сварю кофе.

Светлана нерешительно посмотрела в сторону комнаты:

– А твой муж скоро придет?

– Нет. Он уехал к родителям с Иоанном и будет еще не скоро.

– У твоего малыша интересное имя. Почему ты так его назвала?

– Это длинная история, я расскажу тебе позже, если захочешь. А как зовут твоего?

– Иван.

Нина прислонилась к стене, неожиданно почувствовав, что может упасть. Она вспомнила то, что старательно гнала из памяти все эти спокойные годы. «Я присмотрел себе тело калеки. Унижения, через которые я пройду, нужны мне» и еще: «Я надеюсь, что родители не назовут меня Иваном». Голос Купало так явственно звучал в голове, словно она слышала его сейчас.

– Что с тобой? – спросила Светлана.

– Ничего! – Нина медленно опустилась на стул. – У меня такое бывает. Неожиданные приступы слабости. Это после болезни.

– Понятно. А я думала, что это из-за имени моего бедного малыша.

– Вовсе нет, – заставила себя соврать Нина. – Обычное имя, такое же, как все. «Это может быть простым совпадением», – сказала она себе.

– Я сейчас поставлю чайник, – Нина встала со стула.

– Не надо, я не хочу чаю. Просто посиди. Ты вся бледная.

– Сейчас пройдет, – усилием воли Нина заставила себя собраться. – Расскажи мне, почему ты плакала.

– Сегодня я в который раз услышала приговор врачей. Нет никакой надежды. Господи, иногда я думаю, что лучше бы оставила его в роддоме.

– Нет-нет, не лучше. Он же твой. Ты его мать. Ты правильно поступила.

– Хуже всего осознавать, что это я одна во все виновата.

– Ты не виновата. Бывает, что беременность протекает с осложнениями.

– Я бывшая наркоманка, – тихо сказала Светлана.

Наркоманка? Не может быть. Нина вопросительно посмотрела на Светлану, и та едва кивнула, подтверждая свои слова. Холодок пробежался по спине. «Я присмотрел себе хорошенькую беременную женщину. У нее тяжелая судьба, до беременности она принимала наркотики, и родные отказались от нее», – услышала Нина голос Купало. Этого не может быть! Все это просто совпадения.

– Ты осуждаешь меня? – вернул ее к действительности голос Светланы. – Все осуждают меня. Если бы я не скатилась до наркотиков, у меня были бы здоровые дети. Я даже несколько раз укололась, когда была беременна. Я знаю, этот ребенок послан мне в наказание, чтобы кое-что понять.

Нина молчала, пытаясь справиться со своими чувствами. Ей, конечно, нужно что-то подбодрить Светлану, сказать, что она ее не осуждает. Но во рту пересохло от страха. Прошное снова возвращалось. Даже жить теперь рядом под одной крышей с ними казалось опасным.

– Мне не нужно было приходить. Со мной никто не хочет общаться.

– Нет, сиди, – Нина встала со стула. – Я принесу выпить. Прошное иногда бывает страшным, но гораздо важнее, что ты готова и дальше воспитывать этого бедного малыша, и... – Нина ухватила за косяк: комната вместе со Светланой плыла у нее перед глазами. – Я не осуждаю тебя, – наконец выдавила она и вышла в комнату. Нужно прийти в себя и избавиться от этой проклятой слабости. Молодая женщина открыла бар и взяла бутылку коньяку. Сделала глоток прямо из горлышка. Нужно как-то пережить этот вечер, а потом она расскажет обо всем Алексею. Нет, Алексею, нельзя об этом рассказывать. Он сочтет ее сумасшедшей. Нельзя больше встречаться со Светланой. А лучше всего переехать из этого дома. Но как объяснить Алексею?

Нина сделала еще один глоток и почувствовала, что руки перестали дрожать, и она может даже вернуться на кухню. Как бы все ни было, а ей надо найти какие-то добрые слова для этой несчастной. Нина налила две рюмки коньяку, и они выпили, не чокаясь. Праздновать было нечего, а пить за знакомство было неуместно, слишком при печальных обстоятельствах они встретились.

– Я пойду, – Светлана встала. – Спасибо за поддержку. Если ты не против, я буду заходить иногда. Ты даже не можешь себе представить, как тяжело быть всегда одной. Я даже не могу пойти на работу, потому что ни одна няня не согласится сидеть с таким ребенком. Да и у меня нет денег.

Нине стало стыдно за свои мысли. Может быть, она все напридумывала? Ведь все это было так давно. С тех пор, как она переехала, никакие духи ее не навещали. Она заставила себя сказать, что будет рада видеть Светлану в гостях.

ГЛАВА 75

Через пару дней, вернувшись из магазина, Нина услышала оживленные голоса, доносящиеся из кухни. За круглым столом, накрытым для чая, сидели ее новая знакомая и Алексей с маленьким Иваном на руках.

– Ты вовремя, – сказал Алексей. – Светлана заглянула к тебе, а я предложил ей выпить чаю.

– Привет, – с трудом выдавила Нина, пытаясь держать себя в руках и не смотреть на искривленные ножки малыша. – Я сейчас приду, – она вышла в коридор и снова услышала смех Светланы.

«Как ему удастся быть таким?» – размышляла Нина о муже. Он совершенно естественно держал малыша на руках, не обращая внимания на его уродство. У нее при одном взгляде на его невменяемое личико с высунутым языком сжималось сердце. Она заглянула в комнату к Иоанну, сидящему на ковре посреди разбросанных кубиков.

– Мам, смотри. Я построил домик. Большой домик. В нем будут жить люди, – Нина присела рядом с ним на корточки и крепко обняла его, радуясь тому, что судьба наградила ее здоровым ребенком. – Тебе нравится?

– Он чудесен. – Она подумала о Василии. Если бы Василий был жив, с каким удовольствием он бы строил домики вместе с сыном. Она взъерошила волосы Иоанна.

– Пойдем пить чай. У нас гости.

– Нет! – Малыш поднял свои темные глаза на мать и неожиданно произнес. – Я не хочу играть с этим мальчиком. Он страшный.

– Ты не должен так говорить. Он... немного странно выглядит, но в этом нет его вины. Он просто болен.

– Я хочу строить мой дом, – глядя на ней исподлобья, произнес Иоанн.

– Ладно, хорошо, – согласилась Нина, поднимаясь с ковра. Она с удовольствием осталась бы с сыном, а не ходила бы на кухню. Она медленно переодевалась, чтобы потянуть время.

– Почему ты одна, где Иоанн? – спросил Алексей, когда она появилась.

– Он не хочет чаю, – уклончиво ответила Нина.

– Не пойму, что с ним такое сегодня, – заметил Алексей. – Он всегда так любил гостей. – Сейчас я его приведу.

– Не стоит, – быстро сказала Светлана. – Это все из-за Вани. Его внешность отталкивает детей. – Ее лицо скривилось от боли.

– Я поговорю с Иоанном. Уверен, он меня послушается.

– Пожалуйста, не надо. В этом нет необходимости.

После ухода гостей Алексей подошел к Нине, собирающей со стола посуду.

– Ты выглядишь усталой, – заметил он – Плохо себя чувствуешь?

– Мне как-то не по себе, – призналась она.

– Это из-за Светланы, да? – Он взял у нее из рук поднос и поставил рядом с мойкой.

– Если честно, то мне очень тяжело с ней общаться, и я жалею, что тогда подошла к ней на лестнице.

– Нина-Нина, – он покачал головой. – Ты же знаешь, как ей тяжело. Она совсем одна.

– Но я не могу, понимаешь, не могу! – она схватила Алексея за руку. – Скажи мне, почему Бог допускает такое? Зачем этот малыш вообще родился на свет? Что он увидит в жизни, кроме унижения?

– У каждого свой путь. Только Господь знает, как будет лучше. – Он обнял Нину за плечи. – Уверен, ты найдешь в себе силы справиться с этой слабостью. Ты ведь у меня добрая. Правда? – Нина посмотрела на него, еле сдерживаясь, чтобы не закричать. «Я не добрая! И я боюсь всего на свете. Мне кажется, что они не случайно появились здесь. Они хотят забрать Иоанна».

Почему ей снова кажется, что прошлое возвращается, чтобы наказать ее через самого дорогого для нее человека? Нина пожалела о том, что рядом с ней нет Василия, с которым можно было говорить на любую тему. Он всегда понимал ее, потому что они были одинаковые. С Алексеем так тяжело из-за этой его правильности. Приходится ему соответствовать. Она вдруг почувствовала угрызения совести. Она совсем не приходит на могилку к Василию. Да и к родителям тоже. Надо съездить завтра же. И лучше всего одной.

– О чем ты думаешь? – мягко спросил Алексей, отбирая у нее полотенце, чтобы вытереть посуду.

Нина вздрогнула, словно он прочитал ее мысли.

– Уже поздно. Пора укладывать Иоанна спать.

– Я уложу. Мы не дочитали сказку.

Нина кивнула и с благодарностью посмотрела на мужа. И вдруг увидела его так, словно надела очки. Он похудел, выглядел изможденным и усталым, словно какая-то болезнь изнутри подтачивала его. Что с ним происходит? Она вдруг вспомнила, что однажды застала его спящим на стуле возле кровати Иоанна. Комната выглядела странно: игрушки разбросаны, ковер сдвинут. Шторы на окне висели клоками, окно настежь открыто. Алексей тогда очень смутился. Сказал, что Иоанну не спалось, и они немножко поиграли. Потом быстро перевел разговор на другую тему.

ГЛАВА 76

Нина не была на деревенском кладбище, с тех пор, как уехала из Тучково. Пробираясь через чужие могилы, не сразу нашла нужное место. Несколько раз прошла мимо, потому что не ожидала увидеть памятник. Значит, за могилой кто-то ухаживал? Но ведь у Василия никого не было. Кто поставил здесь памятник и кто посадил здесь бархатцы? Нине стало стыдно. Все это было ее обязанностью, но она не могла себя заставить вновь приехать в Тучково. Нина положила на могилу две белых розы.

– Прости меня, Васенька. Прости за то, что не приходила к тебе и за то, что вышла замуж за другого. Я знаю, ты смотришь на меня сверху и осуждаешь, уверенный в том, что я не любила тебя. Но это не правда. Я вышла замуж за

Алексея, потому что думала, что он сможет защитить нашего малыша. Но Иоанн остается твоим сыном, и с каждым днем все больше и больше становится похожим на тебя.

– Ну, наконец-то! – послышался голос за ее спиной. Нина порывисто обернулась. Прислонившись к дереву, в нескольких шагах от нее стояла Вилен. Как ей удалось подобраться так бесшумно? И как долго она здесь стояла? Нина почувствовала, что покраснела: покаянные слова вовсе не предназначались для чужих ушей.

– Что ты здесь делаешь? – наконец, обрела дар речи Нина.

– Пришла посадить еще цветов, – девушка показала Нине рассаду, которую держала в руках. – Откуда мне было знать, что ты появишься здесь?

– Так это ты ухаживаешь за могилой? – спросила Нина, не обращая внимания на упреки.

– Конечно, я. Ведь ты так счастлива замужем, что все позабыла.

Когда Вилен подошла ближе, Нина заметила, что девушка прилично одета, а на ее миловидном лице появилась уверенность. Это была совсем не та Вилен, которая жила у них в доме. Очевидно, ей удалось оправиться от последствий пребывания в Огненном братстве.

Нина покорно кивнула головой, принимая справедливое обвинение.

– Ты права. Я не должна была так поступать.

– Ты много чего не должна была делать. Особенно выходить замуж за Алексея. Ты погубишь его, погубишь так же, как и Василия, – она посмотрела на могилу. – Там, где ты появляешься, происходят несчастья.

– Почему ты считаешь, что я погублю Алексея?

– Но ведь ты уже погубила двоих мужчин – один в тюрьме, другой в могиле.

«Третий из-за меня оказался в сумасшедшем доме, – горько подумала Нина. Неужели Вилен права?»

– Если ты имеешь в виду Ивана из Огненного братства, он это заслужил. Он преступник.

– Он был нашим Богом!

– О чем ты говоришь? Сатанов – страшный человек. Погубил столько людей.

– Когда я была рядом с ним, у меня была цель.

Вилен вздохнула. Она так привыкла жить в Огненном Братстве, что так и не смогла научиться жить для себя. Когда появился Алексей, она надеялась, что он займет опустевшее место поверженного им Сатанова. Она хотела быть рядом с ним и молиться. Оглядываясь назад, Вилен иногда жалела, что выдала их местопребывание. Она сделала это из-за Алексея. Если бы знать к чему это приведет, предпочла бы остаться в секте, где день расписан по минутам, а впереди ступенька за ступенькой – высшая цель. Вилен сторонилась мужчин, до сих пор испытывая ужас перед половой близостью, и не видела смысла в том, чтобы заработать денег для покупки новой тряпки. Вилен присела и, достав из пакета маленькую лопату, стала сажать цветы. Нина почувствовала себя лишней. Ей так хотелось побыть здесь одной, поговорить с Василием. Она взяла сумку и повернулась, чтобы уходить. Потом остановилась и посмотрела через плечо на Вилен.

– Почему ты ухаживаешь за могилкой?

– Ты вряд ли это поймешь. Такие, как ты, используют мужчин для своих прихотей и никогда не вспоминают о них, когда они уходят из жизни. Василий заботился обо мне, готовил мне еду. Это, – она кивнула на могилу, – самое малое, чем я могу отплатить за его доброту.

Нина кивнула и стала пробираться по узенькой тропке между могил. Встреча с Вилен расстроила ее еще больше.

ГЛАВА 66

Прошло достаточно много времени прежде, чем Нина смирилась, что новые соседи стали членами их семьи. Заставила себя выкинуть все плохие мысли о Ванечке из головы. Даже оставалась с ним, когда Светлана уходила по делам. Алексею удалось повлиять и на Иоанна, который больше не сторонился соседа. Они часто вместе рисовали или играли в какие-то, только им двоим понятные, игры.

Однажды вечером, когда она мыла посуду, к ней подошел Иоанн, держа в руках альбом.

– Мама, смотри.

Нина открыла первую страницу и медленно опустила на стул. Дышать стала трудно. Она посадила Иоанна на колени, не отрывая взгляда от альбомного листа. На нем красным карандашом детской рукой был нарисован человек, перечеркнутый красными линиями. Нина переворачивала страницу за страницей. Все рисунки в красном карандаше. Иногда это были просто вертикальные линии, в значении которых она не сомневалась.

– Он часто рисует огонь, – сказал Иоанн. – Только огонь и все. У него закончился красный карандаш, и я отдал ему свой.

Нина поцеловала Иоанна в макушку и поставила на пол.

– Иди, поиграй. Мне надо еще кое-что сделать.

Когда Иоанн убежал, Нина прислонилась лбом к холодному стеклу. Допустим, Купало, вселившись в тело этого калеки, оказался с ней рядом. Но что это означает? Зачем он здесь? Чтобы забрать Иоанна? Ей стало страшно. Губы сами собой шевельнулись в молитве. «Господи, спаси его». Откуда-то из дальнего уголка памяти выплыло наставление отца – носить его крест. Достала из ящичка спрятанную коробочку и вынула цепочку. На обратной стороне крестика маленькое пятнышко крови. Кровь Василия. Нахлынули воспоминания. Любимый, умирающий у нее на руках. Надела крест на шею и спрятала под кофточку.

Алексей увидел крест, когда она переодевалась перед сном. Тот самый, который он видел на Василии и который казался ему знакомым. Его кольнуло нехорошее предчувствие. Нина не верила в Бога. Василий сказал тогда, что нашел его под подушкой и вскоре погиб. Неужели... Господи, прости меня за такие мысли. Конечно, крест не принесет ей никакого вреда, наоборот, он должен помочь прийти Нине к вере, в которой она так нуждается.

– Ты жалеешь, что из-за меня перестал быть священником? – спросила Нина.

Он приподнялся на локте и положил библию на журнальный столик.

– Нет! Конечно, нет. Почему ты спросила?

Нина посмотрела на мужа. Он все время читает библию, словно других книг не существует. А она готова читать любые книги, кроме этой. Они с Алексеем живут вместе, но все также далеки друг от друга. Между ними всегда будет пропасть между его верой и ее неверием.

– Мне кажется, тебе не нравится работать на фирме твоего отца.

Он посмотрел на нее своими добрыми глазами.

– Да, не нравится. Продажа автомобилей не мое дело. Но я могу этим заниматься. В этом месяце мы перевыполнили план продаж. Отец доволен.

– Все это слишком земное для тебя. Тебе не нужно было жениться на мне.

Алексей опустил голову, чтобы Нина не увидела его лица. Если бы он мог объяснить, что, хотя и был влюблен, ушел из церкви, не из-за нее, а из-за Иоанна. Он помнил, что рассказывал Архангел Михаил. То, что должен сделать Иоанн, когда вырастет, изменит весь мир и навсегда нарушит баланс между светлыми и темными силами в пользу последних. И высшее предназначение Алексея остановить его, пока он еще маленький. Для этого Архангел Михаил отдает ему свой меч. И будет помогать каждый раз, когда его призовут.

Алексей любил свою жену, несмотря на то, что между ними так и не возникло духовной близости. Он никогда не сможет рассказать ей правду, потому что Иоанну нужна светлая любовь матери больше чем любому ребенку на земле.

ГЛАВА 67

Пока Нина ждала лифт, дверь соседней квартиры открылась, и Светлана выкатила Ванечку на коляске.

– Вас подбросить куда-нибудь? – спросила Нина после того, как Светлана привычно чмокнула ее в щеку. Это она ввела этот обычай целоваться при встрече, с которым Нине пришлось смириться.

– Нет, мы в поликлинику. Заодно и прогуляемся.

Выйдя из подъезда подруги остановились, обсуждая последние новости. Иван смотрел на Нину, протягивая к ней руку со свернутым в трубочку листком бумаги.

– Что это у тебя? – ласково спросила она, наклоняясь над коляской.

– Один из его рисунков, – объяснила Светлана.

– Спасибо, – Нина выпрямилась, а потом неожиданно снова нагнулась и, повинуясь какому-то непонятному ей самой импульсу, поцеловала его в лобик. Когда она посмотрела на Светлану, в ее глазах стояли слезы.

– Не знаю, что бы с нами было, если бы не вы с Алексеем.

– Перестань. Я сейчас съезжу по делам, а вечером приходите к нам ужинать.

– Спасибо, – тихо отозвалась Светлана. Обе женщины смотрели на малыша, который, не обращая ни на кого внимания, с интересом наблюдал за белой бабочкой, кружившейся рядом с его инвалидной коляской. Он жил в своем собственном мире, и ему вовсе не было дела до жалости окружающих.

– Тогда до вечера, – помахав соседке, Нина отправилась к стоящему на площадке синему форду. Рисунок положила рядом с сумкой на соседнее сидение. Ожидая пока откроется шлагбаум на переезде, вспомнила о нем. На листочке в клеточку с рваными краями детской рукой небрежно изображена синяя машина,

перечеркнутая красными игольчатыми полосами. Нина не заметила, что шлагбаум уже открылся и не слышала сигналящих ей раздраженных водителей. Сомнения исчезли. Иван Купало, вселившийся в тело маленького калеки рядом.

Оранжевая машина впереди ехала слишком медленно. Собираясь обогнать ее, Нина включила поворотник и выехала на встречную полосу и только тут заметила черные буквы ОГНЕОПАСНО.

Нина слышала, как водитель бензовоза сигналил ей, заметив встречную машину за крутым поворотом. Молодая женщина изо всех сил нажала на тормоз, чтобы пропустить бензовоз вперед, и лишь когда машину на скользкой дороге занесло, поняла, что совершила ошибку.

ГЛАВА 68

Светлана не поехала на кладбище, осталась с мальчишками дома. Сначала они долго гуляли в парке, потом привела их домой и накормила обедом. Пока дети рисовали, пыталась читать. Только пыталась, строчек не видела, смысла не понимала, а смотреть телевизор казалось кошунственным. Зачем-то закрыла полотенцем единственное зеркало в прихожей. Слез не было, только тоска. Нина была единственной подругой, даже нет, сестрой. Они с Алексеем были ее семьей. Без Нины все теряло смысл, разваливалось. Иоанн и Алексей отдалялись и становились чужими. Ей даже казалось, хотя это и было глупо, что они скоро уедут. Светлана бросила взгляд на сидящих у стола мальчиков. Высунув язык от усердия, Иоанн что-то сосредоточенно рисовал. На красивом смуглом личике никаких страданий. «Сирота, – горько подумала Светлана. – А вдруг Алексей снова женится?» Но тут же отсекала глупую мысль. Он не может жениться. Для него существовала только одна женщина и одна любовь. Откуда она все это знает? Достаточно было видеть, когда он смотрел на Нину.

Когда после похорон Алексей пришел к Светлане, чтобы забрать Иоанна, ей показалось, он состарился на десять лет. На висках появилась седина. Потупясь, Иоанн вышел к отцу в коридор. Со смерти матери мальчик не пролил ни слезинки. Светлана списывала это на непонимание. Откуда малышу знать, что такое смерть? Она помнила, как пыталась ему объяснить, что мама теперь на небе.

– Я останусь с ним? – в черных глазах Иоанна никакой боли. И это странное Нинин уход расставил все по своим местам, и Алексей перестал быть отцом. Она знала, что родной отец Иоанна погиб. Нина однажды проговорила. Светлана постеснялась расспрашивать. В каждом доме свой чулан с тайнами. Познакомившись получше с их семьей от прежней зависти не осталось и следа. Ни Алексей, ни Нина вовсе не казались счастливыми, они жили вместе, словно по обязанности, хотя при этом Алексей – это было заметно – любил жену. А Нина, как считала Светлана, лишь старалась быть хорошей женой. И не ее вина, что у нее это не получалось.

Светлана настояла, чтобы после похорон Алексей сразу вышел на работу и оставил Иоанна у нее. Когда он уставший приходил с работы, ставила перед ним суп. Садилась напротив и смотрела, как он ест. Старалась готовить повкуснее,

хотя понимала, что Алексею в его состоянии все равно что лежит в тарелке. Разговаривали мало и только по делу. Лезть в душу Света не хотела. Алексей ходил в чёрных джинсах и чёрной водолазке. Однажды проговорился, что с тех пор, как ушел из церкви, потерял половину себя, а после смерти Нины и свою вторую половину. Ничего не осталось. Горестно усмехнулся. Только долг. Света кивнула, подливая чаю. Жаль, что Иоанн не его родной сын. Стимула жить было бы больше. Усыновленные это не то, что родные. Алексей женился, потому что любил Нину и, уйдя из жизни, она забрала с собой и предназначенную сыну любовь.

Маленький Иван видел не просто людей, он видел окружающую их оболочку. Мамина оболочка была желтоватой, оболочка ее подруги Нины сиреневой, у отца Иоанна – фиолетовая. У людей на улице всех цветов. Вот только оболочку самого Иоанна он не мог разглядеть. Сегодня впервые получилось. Она была черная. Теперь глядя на него, Ваня чувствовал жжение в глазах и страх.

В квартире погас свет. Иоанн ойкнул, бросив карандаш на стол. Ваня засопел. В темноте, в которой он хорошо видел, облако, окутывающее мальчика, стало еще чернее. Светлана прибежала из кухни, засуетилась.

– Мальчики, не бойтесь. Сейчас будет светло.

Молодая женщина чиркнула спичкой, зажигая свечу в подсвечнике. Иоанн, словно зачарованный, смотрел на оранжевый огонек с белой каемочкой. Ванечка, оставив карандаши, наблюдал за Иоанном. На обычно безмятежном личике незнакомая сосредоточенность. Светлана присела на диван. Комната казалась таинственной. Иоанн продолжил рисовать. Через полчаса она решила позвонить в домоуправление и узнать причину поломки, но обнаружила, что городской телефон не работает, а мобильный сел. Женщина чертыхнулась. Все один к одному. Темнота и скрябание карандаша Иоанна раздражали. Светлана не любила темноту. Входя в квартиру, везде зажигала свет. Даже спала при ночнике. Свеча на столе странно вытянулась вверх, напоминая светящуюся струну.

– Я сейчас приду, – бросила Светлана мальчишкам и выбежала на лестничную площадку. Везде было темно. Позвонила к соседям, жалея, что Алексей поздно возвращается с работы. Стараясь не споткнуться, спустилась по темной лестнице на первый этаж. На улице горели фонари, спешили с работы люди. Женщина добежала до четвертого подъезда, где находилось домоуправление. Там горел свет и сидели, зажав в морщинистых пальцах квитанции, старушки. Одна из них сурово спросила:

– Ты куда без очереди?

– Свет в квартире погас. Надо узнать, что случилось, – забормотала Светлана, чувствуя, как покрывается потом от страха. Откуда-то появилась уверенность, что все это неслучайно.

– Так здесь паспортный стол и бухгалтерия. Они откуда знают про свет? А ты из какого дома?

Светлана отвечала на бесконечные вопросы, понимая, что должна что-то делать, но странным образом не могла сдвинуться с места, словно ее пригвоздили.

– Милая, так ты бы позвонила.

– Не работает телефон! – отчаянно закричала Светлана, врываясь в бухгалтерию.

– Свет погас.

Пожилая женщина с удивлением воззрилась из-под очков:

– Вы из какого дома?

Паника нарастала. Язык во рту еле шевелился. Назвала дом, подъезд, квартиру.

– Позвоните кому-нибудь, пожалуйста!

– Да что вы так беспокоитесь?! Бывают перепады с напряжением. Ведь не пожар же! – бухгалтер протянула руку к телефону. – Сейчас позвоню в диспетчерскую.

Пожар? Светлана почувствовала, словно ее ударили. Пожар. Она оставила мальчишек одних, а на столе свеча. Вдруг кто-нибудь из них опрокинет подсвечник. Женщина выбежала из комнатки и, пробежав мимо старушек, бросилась вниз по ступенькам. Возле подъезда столкнулась с Алексеем. Схватила за руку.

– Скорее домой! Я идиотка. Свет погас. Оставила мальчиков одних. Вдруг кто-нибудь свечу опрокинет и все загорится.

Лифт не работал. Алексей, тяжело дыша, взбирался по ступенькам, чувствуя, как колотится сердце. Второй этаж, третий. Появился запах горелого.

На лестничной площадке кто-то бросил горящую сигарету в стеклянную, наполненную бычками, стеклянную банку. Оба шумно выдохнули от облегчения, продолжая подниматься. Ну вот, наконец, и их пятый этаж. Светлана наощупь вставила ключ в замочную скважину и открыла дверь. Запах горелого и плач. Оба бросились в комнату. На столе обугливалась скатерть, черными клочками рассыпались альбомные листки. Иоанн забился под диван, а Ванечка так и остался в своем кресле возле стола. Откатывая кресло, Светлана взглянула в покрасневшее лицо сынишки. Впервые ей показалось, что на его обычно отсутствующем личике появилось осмысленное выражение. Увидев, как Алексей начал тушить огонь, мальчик недовольно замычал. И тут Светлана вдруг вспомнила его рисунки. И это при том, что сын никогда за свои пять лет не видел ника

кого пожара. Разве что по телевизору. Но что он мог понимать?

Позже, когда уже включили свет, Иоанн рассказал, что произошло. После того, как Светлана ушла, он продолжал рисовать. Иван, сидящий напротив, дотянулся до свечи и уронил ее. Некоторое время оба с интересом смотрели на огонь, пока Иоанн не испугался и не спрятался под диван. Вылез оттуда только, когда услышал, что хлопнула дверь.

– Почему же ты не отодвинул кресло твоего друга от стола? – спросил Алексей. – Если бы мы не пришли вовремя, Иоанн мог обгореть. – Темные глаза мальчика потемнели еще больше. Он насупился. – Что случилось, Иоанн? – настаивал Алексей, сажая мальчишку на колени. – Помнишь, мы договорились, что ты будешь рассказывать мне о своих страхах?

– Никакой он мне не друг. Он хотел убить меня! Нарочно уронил свечку, чтобы устроить пожар.

Светлана охнула и прижала руки к груди. Слова встали колом в горле, она только мотала головой.

– Да что ты такое говоришь?! – возмутился Алексей. – Ванечка случайно задел свечу, а ты испугался. Вот и показалось.

– Мне не показалось! Он хотел сжечь меня. Он – монстр. Монстр!

Иоанн сжал кулачки, из глаз брызнули слезы. Спрыгнул с колен, глядя на Алексея черными, как вишня, глазами.

– Ты не любишь меня! Не любишь! Когда я сплю, ты размахиваешь вокруг меня какой-то палкой и что-то бормочешь. Я боюсь тебя, боюсь! Вы все хотите меня убить! Я хочу к маме.

Иоанн упал на пол, дрыгая руками и ногами и захлебываясь от рыданий. Алексей схватил его на руки и, что-то пробормотав окаменевшей от ужаса Светлане, выбежал из квартиры.

Хлопнула входная дверь. Стихли крики. Светлана опустилась на диван, прижала руки к лицу. Зачем она оставила мальчишек вдвоем? Что произошло за это время?

Дома Иоанн быстро успокоился и даже выпил молока с печеньем. Пока мальчик ел, Алексей пытался объяснить ему, насколько это возможно, что он делает, пока тот спит. Иоанн серьезно смотрел на него черными, так похожими на Василия, глазенками.

– Ты отгоняешь от меня злых волшебников?

– Я разрезаю их острым мечом на маленькие кусочки, – Алексей старался, чтобы его голос звучал естественно. Ни в коем случае нельзя, чтобы Иоанн испугался. Пусть лучше думает, что он рассказывает ему сказку.

– Ух ты! А откуда у тебя меч?

Алексей улыбнулся.

– Тот, кто его принес, не хочет, чтобы называли его имя.

– Ладно. Ты можешь показать мне меч?

– Только из моих рук. Он очень острый.

– Хорошо, – в черных глазах появилось детское любопытство, словно речь шла о какой-то интересной игре.

Алексей вышел в свою комнату, отпер ящик письменного стола, достал изогнутый стальной меч. Фиолетовым пламенем блеснули на рукоятке аметисты. Тепло камней согревало ладонь. Тяжесть ударов совсем не чувствовалась, словно не он, а кто-то другой наносил сокрушающие удары по гадким тварям, избравшим Иоанна для своих мерзких целей. Он сел рядом с Иоанном на диван, показывая ему меч.

– Какой красивый! Можно потрогать?

– Только рукоятку. Меч очень острый.

Смуглые пальчики ощупали фиолетовые камни. Алексей видел, как безумно хотелось мальчишке подержать в руках оружие. Умоляющий взгляд остановился на нем, ручонка уже сжималась на рукоятке.

– Дай подержать на минутку?

– Это опасно, – покачал головой Алексей.

– Тогда покажи, как ты это делаешь, – Иоанн нехотя разжал пальцы и забрался с ногами на диван, словно собирался смотреть фильм.

Алексей взял меч в правую руку и сделал несколько крестообразных движений в центре комнаты, потом повторил то же самое в каждом угле и вокруг кровати мальчика. Ночью он выдвигал ее в середину, чтобы было удобнее. Бесчисленное количество раз он кружил вокруг нее длинными ночами. Мальчик редко просыпался по ночам, а поэтому был особенно уязвим для всей мерзости. Иногда Алексей слышал крики, иногда проклятия и стоны. Темные разрезанные тени плясали на занавесках, заливали черной кровью светлый паркет. Алексей безостановочно читал молитву архангелу Михаилу. С рассветом борьба заканчивалась, на сон оставалось не больше трех-четырёх часов.

– Ух ты, здорово! – Иоанн захлопал в ладоши. – Ты словно добрый рыцарь. Я тоже хочу такой меч.

Алексей улыбнулся, опустил меч и присел рядом.

– Не раньше, чем ты вырастешь. Хотя если хочешь, мы можем купить тебе игрушечный в магазине.

– Но я хочу настоящий.

Алексей потрепал мальчишку по черным кудрям.

– Мы что-нибудь придумаем. Обещаю. А сейчас беги в ванную чистить зубы.

Проснувшись утром, Иоанн первым делом заявил:

– Пап, а можно я сегодня не пойду к тете Свете?

Алексей кивнул. Вечером он думал о происшедшем. Вспомнилось, как не хотела общаться с соседями Нина, но уступила его просьбе. Теперь вот и Иоанн взбунтовался. Надо срочно увезти его отсюда. Родители достроили дом в деревне. Лето можно провести и там. В глазах Светланы стояли слезы, когда вечером он зашел попрощаться.

– Мы как прокаженные. Никто не хочет с нами общаться.

– Это не так. Мои родители достроили дом в деревне, зовут нас пожить у них летом.

– Не надо ничего объяснять. Я пойму, даже если мы больше не встретимся.

Алексей дождался, пока женщина поднимет на него глаза и уверенно произнес.

– Когда я вернусь, то объясню тебе, что произошло. Обещаю.

Когда за ним закрылась дверь, Светлана расплакалась, почувствовав себя одинокой. Только вот ей показалось, что она нашла близких людей, как все закончилось. Она даже самой себе боялась признаться, что иногда, дожидаясь Алексея с работы, фантазировала, что когда-нибудь он смирится с потерей Нины, увидит, как она хорошо заботится об Иоанне и примет решение, что они должны жить одной семьей. С тех пор, как она узнала о болезни Ванечки, она перестала считать возможным, что найдется человек, который возьмет ее замуж. Но Алексей так по-доброму относился к ним, да еще последнее время, когда ее сын был вместе с Иоанном, создавалась иллюзия, что Ванечка обычный ребенок. Наверно, отсюда и родилась фантазия. Но этого никогда не будет. И брошенное напоследок обещание все объяснить, сделано, чтобы смягчить боль предстоящей разлуки. И даже если они снова встретятся – в чем она совершенно не уверена – время отдавит их друг от друга, и такой близости, как возникла сейчас, уже не

будет. А ее душа так истосковалась по любви, по общению и даже такие крохи, которые мог дать Алексей, наполняли ее жизнь смыслом.

ГЛАВА 69

Алексей и Иоанн вернулись домой в сентябре, загорелые и окрепшие. Совместно проведенное время пошло им обоим на пользу и теперь впервые по какой-то их особой духовной близости, можно было сказать, что это отец и сын.

Когда они приехали в новый дом, все заботы о мальчике взяла на себя мать Алексея, и у него появилась возможность отоспаться за многие бессонные ночи. А потом и вовсе произошло чудо. Алексей перестал слышать крики окружающих Иоанна по ночам демонов. В ту ночь он впервые заснул на стуле возле кровати Иоанна. А во сне пришел архангел Михаил и сказал, что борьба закончена. Меч исчез так же таинственно, как и появился.

Когда осень позолотила листья, Иоанн неожиданно запросился домой. Когда зашла речь о соседях, сказал, что он теперь стал сильным и больше никого не боится. Мальчишка погладил деревянный меч, с которым он никогда не расставался. Похожий меч был и у Алексея, и они устраивали настоящие сражения, в которых всегда был один единственный победитель – Иоанн. Меч вырезал из старого дерева дедушка, он же и был главным и единственным судьей.

Очень часто за это время мысли Алексея возвращались к Светлане. Несколько раз он даже порывался позвонить. Но в последний момент передумывал. Что важного можно сказать по телефону? Уж лучше при встрече. Он чувствовал, словно предал ее дружбу. Ведь кроме них с Ниной у бедной женщины никого не было. И она несколько раз признавалась, что обрела семью. Их неожиданный отъезд и обвинение Иоанна должно быть повергли Светлану в депрессию. Но он был уверен, что, когда они встретятся, она все поймет, как надо. Между ними существовала какая-то особая духовная близость, он мог бы рассказать ей гораздо больше, чем Нине.

Но Алексей ошибался. За эти месяцы в душе Светланы произошли некоторые изменения. Устав от одиночества, она подключила себе интернет и стала поддерживать общение с родителями, дети которых имеют похожие болезни. В то время, как она пустила все на самотек и только плакала, другие боролись, осваивая новейшие методики, и рассказывали о достижениях детишек. Воспитывать больного ребенка, вовсе не то же самое, что здорового: сил больше, прогресс медленный, но обхитрить болезнь – настоящая радость. Если раньше Света не знала, куда деть свободное время, то теперь у них был строгий распорядок, в который входили гимнастика и упражнения на развитие интеллекта. Появились и первые успехи.

Напевая песенку, она готовила на кухне шарлотку, когда услышала звонок в дверь. На пороге стоял Алексей. Забыв поздороваться, Светлана, рассматривала его. Несмотря на поседевшие волосы и разбегающиеся лучиками морщинки возле глаз, это был совершенно другой мужчина. Сильный, загорелый, подтянутый.

Даже одет он был по-другому: вместо черной одежды голубые джинсы и рубашка в клетку. Отросшая после похорон бородка тщательно сбрита. Неловко потоптавшись в коридоре, он пригласил Светлану на прогулку в лес. Заснула она счастливой и утром долго вертелась перед зеркалом, выбирая, что надеть. Хотелось выглядеть красивой. Она так долго не ходила на свидания. И пусть на этом свидании присутствуют их дети, она все равно сможет смотреть на него и мечтать, что когда-нибудь... Стоп! Они просто поговорят. А ей столько всего надо ему рассказать. И ведь только Алексей сможет все это понять.

День выдался прекрасный, почти летний. Начинаясь золотиться деревья горели от солнца. Устав бродить по дорожкам, сели на скамейку. Ванечка, как обычно, сидел в коляске, наблюдая за гоняющим мяч Иоанном. Черное облако, окружающее соседа, превратилось в сиреневое, и лишь маленькие черные точки, пронизывающие его в некоторых местах, напоминали о прошлом. Он отвернулся.

Выслушав Алексея, Светлана долго молчала, пока случайно с ее губ не сорвались слова:

– Неужели ты хочешь сказать, что иногда для спасения ребенка родителям нужно вовремя... – она сделала паузу, хотела сказать – умереть, но исправилась, подобрав нужное слово, – уйти?

Лицо Алексея осветила грустная, удивительно гармонирующая с его поседевшими волосами, улыбка.

– Они всегда будут впереди, чтобы облегчить нам путь.